
ORDO ALENTARA
COALITIO FERANORUM
ТЕНЬ КЛИНКА
И ДЫХАНИЕ
Рассвета
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+
СОФЬЯ ХЕЙДЕКРАУТ

Софья Хейдекраут

Тень Клинка и Дыхание Рассвета

«Автор»
2026

Хейдекраут С.

Тень Клинка и Дыхание Рассвета / С. Хейдекраут — «Автор», 2026

Гретта Лоран всегда хотела изучать мир, а не воевать за него. Но судьба распорядилась иначе, и её направляют в Лос-Анджелес. Город встречает новую сотрудницу вовсе не блеском Голливуда: за его яркими декорациями скрываются необъяснимые убийства, прорывы демонов из иных миров и измена, которая медленно растёт в самом сердце Ордена. Боевой подготовки у Гретты нет. Зато у неё острый аналитический ум и таинственная Сила, проснувшаяся в ней вопреки всем известным правилам.Командует её отрядом Арчер Керриган. За всю историю Ордена мало кто мог сравниться с ним: он блестяще выстраивает тактику и не знает равных в бою.Когда над миром нависает угроза гибели, у Гретты и Арчера остаётся лишь одно оружие, зато самое надёжное: доверие друг к другу и любовь.Иллюстрации к главам, мудборды, эстетики, плейлисты, и многое другое по книге: тгк Здесь я Хейдекраут.

© Хейдекраут С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Читателю 5
Глоссарий 6
АРКА I. ПОД РАССВЕТНЫМ СОЛНЦЕМ. 7
Глава 2. Первые шаги будущего 14
Глава 3. Бесконечная закалка рождает воинов. 34
Глава 4. Отель «Гранд Будапешт». 51
Глава 5. Алеф и есть вселенная. 65
Глава 6. Исповедь маски 79
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Софья Хейдекраут
Тень Клинка и Дыхание Рассвета

Читателю

Софья Хейдекраут.

Цикл: Имя им Легион

Тень Клинка и Дыхание Рассвета • 3 книга

Жанры: *Романтическое фентезиГородское фентезиПсихологическая драмаЭпическое и тёмное фентези*

Тропы: *Боевая параОбретённая семьяСлоубёрнЭлементы hurt/comfortСтановление героя*

Понравится, если вы любите:*Романтическое фентези с глубокими и сильными чувствами, а так же медленным развитием отношений.Тёмное фентези с богами, демонами, насилием.Городское фентези с тайным Орденом и скрытым параллельным авторским миром.Эпические сюжеты с путешествиями между мирами, тайнами богов.Сложная мифология и продуманный лор.Обретённая семья, много дружбы и любви.Психологическая драма в фентези-обёртке: одиночество, цена власти, ошибки прошлого и их исправление и т.д.Хорошо прописанные персонажи и их внутренние трансформации.*

Поднимаемые темы: **Исцеление через любовь. Преодоление травмы как выбор.** Герои не спасают друг друга, а создают безопасное пространство, где можно быть слабым. **Согласие и уважение Борьба с неуверенностью в себе. Борьба с внутренним критиком, комплексом самозванца Одиночество Разрушение масок Политика и интриги Бюрократия в магии ПТСР и последствия сражений. Физическая и ментальная уязвимость Демисексуальность Свободный выбор против чужого заговора. Борьба с манипуляцией прошлого Язык любви через заботу и действия**

Глоссарий

Ифриты (Дети эфира и пламени) — особая каста альентарцев. Охотники на демонов и нечисть, в чьей крови присутствует эфир, но ифритами их делает фламматрикс (огненная матрица) — резонансное ядро. Оно даёт им врождённую способность взаимодействовать с особым оружием, смертоносное для любой нечисти и демонов, а так же к нанесению и черчению санкт —рун (на тело и в воздухе).

Орден Альентара — военная организация в сверхъестественном мире. Столетиями борется с демонами, нечистью и прочим "злом". Существует в каждой стране Земли, и порой в нескольких городах в пределах одной страны.

Претор – звание старшего рыцарского состава, отвечает за операции на уровне города/ Поселения/Местности.

Феранор — Рыцарь. Воин.

Экзарх — Главнокомандующий Коалицией (структурным подразделением Ордена)

Фернастар – командир отряда Фераноров (в каждом отряде 6 Фераноров, среди них один Фернастар)

Консулар - отвечает за стратегические рекомендации, координацию между коалициями, анализ угроз.

Стратарх - советник по тактическим операциям, разрабатывает планы для коалиций.

Коалиции - структурные подразделения в каждом Ордене. Всего в Ордене 5 коалиций:— Коалиция фераноров.— Коалиция искателей и разведки.— Коалиция магов.— Коалиция архивариусов.— Коалиция целителей (наименее востребована, в основном для архивариусов, у которых нет рункристалла и которые не имеют возможности наносить санкты).

НИП – Непрерывный (Навигационный) Информационный Поток.

Обращения на альентарском: — *Мэ́ра хайрца́ру* - mera khairtzaru — моя любовь (по отн. к девушке)— *Мин кэ́рлихед* - min kærlighed - моя любовь (по отн. к мужчине)— *Мей́ сунетце́рриз* - meu sunetzerhys – мой дом (универсал.)— *Мей пэйкене́зериз* - meu peikenézeriz — моя семья (по отн. к партнёру)

АРКА I. ПОД РАССВЕТНЫМ СОЛНЦЕМ.
Глава 1. Великим - смертный приговор

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахеянам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Илиада. Гомер.

Оникс, Альентар. Сентябрь 2024 год.

Со второго яруса книжных шкафов на Гретту смотрел портрет отца. Его писал три месяца пожилой живописец из Сибиу: отец всё это время сидел в том же кресле, в зелёном домашнем камзоле, и не выпускал из рук свою неизменную карту. Теперь карта осталась лишь на холсте, а самого отца давно похоронили на кладбище Святого Андрея, под мраморной плитой.

Этот кабинет она любила всегда. Пока отец был жив, здесь стоял запах табака: он курил трубку просто назло матери, которую дым выводил из себя. К нему примешивались ароматы старых карт, промасленной бумаги и дерева шкафов, простоявших уже двести лет. Карты были повсюду: на столе, на подоконниках, на полу, где их по краям придавливали тяжёлые оловянные подсвечники, чтобы листы не скручивались. «Карта — это дверь, Гретта, — говорил отец. — Научишься читать её, и перед тобой откроется любой мир». Она ему верила. В десять лет она с радостью шагнула бы в любую такую дверь, лишь бы вместе с ним.

Теперь в комнате пахло одной только матерью. Прежде всего кожей снаряжения, и этот запах Гретта узнавала с детства: свежая сбруя, портупейные ремни, сапоги, натёртые жиром. Потом металлом клинков, пряжек и мундирных бляшек. И ещё чем-то неуловимо чужим, чему Гретта так и не смогла подобрать название. Вероятно, это были духи, которыми мать щедро поливалась перед заседаниями Совета: резкие, цветочные, но с хищной ноткой, напоминавшей плотоядные растения из оранжереи герцога Баната.

К дверям кабинета Гретта пришла на полчаса раньше назначенного времени. В Лоранском дворце такую ретивость считали слабостью: настоящие представители рода являлись с безупречной точностью, ни на секунду раньше и ни на секунду позже. Но к ним Гретта не относилась. Явилась она заранее не из усердия, а из страха перед лекцией о дисциплине, которую мать читала за малейшее опоздание. Выслушивать эти монологи с каждым разом становилось тяжелее.

Фраза крутилась в голове, как заевшая пластинка: «Время — единственное, что невозможно вернуть, Гретта». Мать произносила её так торжественно, словно цитировала собственный трактат. Гретта могла повторить всё в точности: где мать делает паузу, как взмахивает правой рукой, чтобы подчеркнуть важность слов. А следом, будто по нотам, шла ещё дюжина таких же высокопарных изречений. Слушать очередные нравоучения о тени позора, которую она якобы бросает на весь дом Лоран, Гретте совсем не хотелось, и лишние полчаса она решила скоротать в приёмной. За два года траура она выучила материнские выговоры наизусть. Иногда ей казалось, что мать репетирует их перед зеркалом: слишком гладкой была речь, слишком ровным дыхание. Так актриса в сотый раз проходит одну и ту же сцену.

В углу пустовал стол секретаря. Раньше за ним безотлучно сидел сгорбленный пан Чорба. Он служил семье так давно, что помнил времена, когда дед Гретты был ещё мальчишкой. Дрожащей рукой он выводил буквы так красиво, что его записи можно было принять за страницы древней рукописи. Но не прошло и месяца после смерти отца, как старик ушёл следом, будто не смог представить этот дом без прежнего хозяина. Теперь стол выглядел заброшенным. Стопки исписанных листов лежали нетронутыми, а бронзовое пресс-папье в форме оскалившегося

дракона ловило блики утреннего света из окон. Зверь скалил зубы, словно готовился броситься на невидимого врага, точь-в-точь как мать, когда речь заходила об Изнаночных.

За тяжёлой дверью кабинета слышались приглушённые голоса. Гретта замерла, затаив дыхание, и превратилась в слух.

— …ты же знаешь, мама, у неё свой путь, и он никак не связан со всем этим, — послышался голос Аннабет. В нём звучала спокойная твёрдость, тот металл, который появлялся у старшей сестры лишь тогда, когда она всерьёз спорила с матерью. Гретта не слышала этих ноток почти полгода, с тех пор как Аннабет уехала в долину скалистых теней. Сердце на секунду замерло, а потом забилось часто и лихорадочно, будто хотело наверстать все пропущенные месяцы. Аннабет вернулась. Она здесь и спорит с матерью. Из-за неё, Гретты.

— Её путь определяю я, — холодно ответила мать.

Эту интонацию Гретта узнала бы и с закрытыми глазами: ледяное безразличие, словно разговор шёл не о её судьбе, а о чём-то совершенно незначительном.

— Или ты забыла, как устроен наш мир? — добавила мать с едва уловимым ядом.

Гретта изо всех сил старалась не вслушиваться в голоса за дверью. Она давно поняла: какой бы спор ни шёл в этом кабинете, последнее слово всегда остаётся за матерью. Обрывки чужих фраз только застрянут в душе, и без того раненой, и прибавят ещё один груз к тому, что она уже несла.

«Лучше ничего не слышать, — убеждала она себя. — *Лучше войти, когда всё уже будет решено».*

Но ноги будто приросли к полу.

Пол здесь устилал старый паркет, дедовское наследство: дубовые планки, уложенные «ёлочкой», с гранями, стёртыми за долгие годы. Гретта помнила каждую выбоину и каждый прихотливый изгиб волокон. В этом коридоре прошло её детство: она бегала по нему босиком и пряталась за тяжёлыми портьерами, когда во дворец приходили чужие. Теперь же она стояла неподвижно, как статуя, и в голове у неё билась одна-единственная мысль: *«Аннабет вернулась. Аннабет спорит с мамой. Из-за меня».*

Наконец, пересилив себя, Гретта переступила порог кабинета и нырнула в густой полумрак.

Тяжёлые портьеры, некогда нарядный зелёный бархат, выгоревший до мутно-болотного оттенка, с запылёнными золотыми кистями, были раздвинуты лишь наполовину. В узкую щель пробивался бледный утренний свет, но до письменного стола он так и не добирался.

Здесь решались дела Альентарского Ордена, перекраивались карты союзов, ложились под печать приказы, от которых зависели тысячи жизней.

Свет люстр скользил по лакированной глади столешницы, выхватывал из мрака корешки книг на дальних стеллажах, дробился в стёклах шкафов. Блик упал на портрет отца, и Гретте на миг почудилось, что взгляд с холста полон укоризны. Или это лишь наваждение, рождённое усталым рассудком? В последнее время она всё чаще путала явь с обрывками собственных бессонных мыслей.

Мать занимала массивное кресло с высокой, как у трона, спинкой. Говорили, что его вывезли как военный трофей после венской кампании и что в нём когда-то подписывал условия капитуляции сам эрцгерцог Фердинанд. Потемневшее от времени дерево, подлокотники в виде оскаленных львиных морд, бархатная обивка, потёртая годами… Теперь в нём восседала мать, и в её осанке чувствовалась такая неумолимая власть, что легко было поверить: она без усилий добилась бы безоговорочной капитуляции от кого угодно, хоть от королей, хоть от исчадий Преисподней.

Стол перед ней утопал в бумагах, гладкая поверхность едва угадывалась под завалом. Слева громоздились стопки с гербовыми печатями, перевязанные бечёвкой: донесения Коалиции фераноров, вести с пограничных застав, списки погибших. Справа были раскрыты лич-

ные дела, исписанные мелким убористым почерком писаря: заявления о вступлении, просьбы о переводе, рекомендательные письма. Перед матерью белел лист, только что скреплённый её подписью, а рядом высилась тяжёлая ониксовая чернильница. Перо всё ещё было у неё в руке, но стоило Гретте появиться в дверях, как мать отложила его.

Из-за бумажных баррикад виднелись только плечи матери и её макушка с аккуратно уложенными волосами: рыжими, без единой седины, хотя ей почти исполнилось пятьдесят. Ни единой пряди, выбившейся из строя, будто мать не позволяла себе беспорядка даже во сне. Гретте иной раз казалось, что она вовсе не спит, и для Экзарха, на чьей воле держится вся коалиция фераноров Альентарского Ордена, это было бы вполне естественно.

Алый камзол сидел на ней всё так же идеально. Ни морщинки ткани, ни единого блика на золотом узоре, обвивавшем воротник и манжеты. Казалось, мать высечена из иной материи, не знающей ни увядания, ни усталости, ни простых человеческих слабостей.

У окна, прислонившись плечом к мраморному подоконнику, застыла Аннабет. Даже издали Гретта заметила, как побелели костяшки пальцев сестры, вцепившихся в камень. Взгляд её был прикован к матери, а лицо оставалось абсолютно спокойным. Шесть лет в коалиции фераноров, четыре из них в суровых ущельях долины скалистых теней, вытравили в ней привычку показывать чувства.

Стоило Гретте переступить порог, как под глазом у Аннабет коротко дёрнулась мышца: маска спокойствия на миг дала трещину. Сестра не ждала, что младшая появится именно сейчас, и, видимо, рассчитывала закончить разговор до её прихода. Дальнейшее показало, что надеялась она зря.

Время в долине не пощадило Аннабет. Лицо осунулось, скулы выступили резче, и теперь она напоминала готических мадонн с алтарных росписей по ту сторону гор: те же вытянутые черты, тёмные впадины глаз и взгляд, устремлённый куда-то вдаль. Под глазами залегли сизые тени, похожие на старые синяки, которые уже никогда не сойдут. На левой скуле алел свежий шрам, прямой и ровный, длиной с мизинец: то ли след клинка, то ли отметина от когтей. У бойцов коалиции фераноров такие отметины редко исчезают полностью.

Зато осанка у неё осталась прежней. Аннабет стояла словно на плацу: плечи расправлены, подбородок поднят, спина прямая, как стальной прут. Долина лишила её лицо мягкости, оставила на нём шрамы и синяки, но внутренний стержень сломать не смогла. Аннабет всегда была намного крепче, чем казалась на вид.

— Ты не торопилась, — сказала мать, не отрываясь от бумаг.

Перо снова заскрипело, и этот звук потянул за собой вереницу воспоминаний. Вот Гретта часами ждёт у двери, пока мать «заканчивает срочные дела». Вот мать выводит замысловатую подпись под очередным указом. А вот она вовсе не замечает дочь, пришедшую с просьбой.

— Я пришла вовремя, — твёрдо ответила Гретта.

Её новые туфли звонко стучали по паркету. Она обошла кресло у входа, в котором когда-то ёрзали просители, пока пан Чорба решал, докладывать ли о них. Теперь Чорбы не было, посетителей тоже, и кресло сиротливо пылилось.

У стола Гретта осторожно положила на самый край листок, сложенный пополам. Он ещё хранил тепло её рук: всю дорогу по галерее она не выпускала его из пальцев. Уголки слегка помялись, и это неприятно задело её: отец с детства приучил её бережно обращаться с документами, и любая неаккуратность казалась ей недопустимой. Наверняка на бумаге остались влажные следы пальцев, выдававшие волнение.

— Это моё заявление о приёме в корпус архивариусов коалиции, — сказала она, пытаясь справиться с дрожью в голосе. — Я решила передать его вам лично, чтобы…

— Чтобы что? — мать наконец оторвалась от бумаг и посмотрела на неё.

В её взгляде не было ни раздражения, ни гнева, а ведь именно к ним Гретта готовилась. С открытой злостью можно спорить: подбирать доводы, строить оборону, продумывать ответ-

ный ход. Но сейчас перед ней было нечто гораздо хуже: спокойная, холодная уверенность человека, который давно просчитал каждый её шаг. Казалось, мать уже прокрутила этот разговор в голове во всех возможных вариантах и теперь просто ждёт, пока дочь договорит заученную речь, чтобы закончить сцену и вернуться к по-настоящему важным делам Ордена.

— Думаешь, я сейчас расчувствуюсь? — негромко спросила мать. — Или ты рассчитывала, что я похвалю тебя за упрямство?

Она, не глядя, отложила перо, наскоро промокнула только что исписанную страницу и добавила её к стопке, где уже лежали десятки таких же подписей.

— Гретта, — сказала она, — приказ о твоём назначении подписан. Ты отправляешься в коалицию фераноров.

Рука матери без колебаний потянулась к левой стопке и вытянула оттуда лист из самой середины, будто его заранее положили туда ради этого разговора. С сухим шелестом он лёг прямо на заявление Гретты, накрыл его целиком и не оставил её планам ни единого шанса на пересмотр.

В нижнем углу Гретта мгновенно узнала эмблему Альентарского Ордена: меч, рассекающий солнечное затмение.

На отцовских фолиантах этот знак был скромным золотым тиснением, тускло блестевшим на потёртой коже переплётов. На парадной форме матери он становился серебряным зеркалом и сверкал при каждом движении. Над входом во дворец висела его чугунная копия, огромная, в потёках ржавчины и птичьем помёте. Но здесь, среди канцелярских штампов, круглой печати и сухих казённых оборотов, эмблема выглядела иначе. Теперь она казалась дурным предзнаменованием и окончательным решением, не оставляющим места надежде. А подпись экзарха Лоран, то есть её собственной матери, превращала обычный формуляр в приговор, который нельзя оспорить.

Всё вокруг расплылось.

Гретта вцепилась в край стола, борясь с накатившей дурнотой. Ладони обожгло холодом полированного дерева, гладкого до зеркального блеска. Столешницу отшлифовали рукава бесчисленных просителей, стоявших в этом кабинете задолго до неё. На секунду перед ней промелькнули их размытые силуэты: люди, входившие сюда с надеждой, а выходившие опустошёнными. Крестьяне, просившие семенное зерно после голодной зимы. Купцы, рассчитывавшие на налоговые поблажки. Офицеры Ордена, мечтавшие о повышении. Вдовы, часами ждавшие у дверей ради скудных пособий. Все они хватались за этот самый край и пытались устоять под ледяным взглядом её матери. И все уходили ни с чем.

Теперь Гретта стояла в том же ряду.

— Но мои документы уже отправлены в корпус архивариусов, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим. Слова тонули в тишине. — Я сдала все обязательные экзамены. Магистр Бечирай подтвердил это письменно. Он ручался, что мои…

— Отозваны, — оборвала её мать.

Она откинулась на спинку кресла и посмотрела на дочь с полным безразличием.

— Неужели ты всерьёз рассчитывала, что я позволю тебе заживо похоронить себя в сырых архивных подвалах? Сейчас, когда твои сверстники в коалиции фераноров учатся защищать этот мир?

— А я совершенно не хочу его защищать! — выкрикнула Гретта раньше, чем сумела себя остановить.

Голос взлетел под потолок и едва не сорвался на визг. Она сама вздрогнула от этого звука, резкого и чуждого её привычной сдержанности. Никогда прежде она не позволяла себе такого. В доме Лоран не повышали голос: тихая речь ранила гораздо точнее.

Но слова уже прозвучали, и забрать их было нельзя.

— Я хочу его исследовать, — продолжила она, сглотнув и стараясь унять дрожь. — Понять, как он устроен. Работать со старыми рукописями, архивными записями, хрониками Ордена. С каких пор такая работа считается недостойной?

Тяжёлая тишина сгустилась в комнате.

Аннабет едва заметно качнула головой. Это движение мог уловить лишь тот, кто знал каждый её жест. Гретта поняла его сразу*: «Хватит. Не спорь. Молчи».* Но сама Аннабет не проронила ни слова.

— Недостойной? — мать приподняла бровь и холодно усмехнулась. Так взрослые встречают детскую глупость, когда даже не считают нужным объяснять, в чём ошибка.

— Знаешь, сколько архивариусов погибло в прошлом году, когда демоны прорвали оборону в Бангалоре?

Гретта промолчала, хотя ответ знала. Глубокой ночью, в те недолгие часы, когда менялся караул и коридоры пустели, она тайком пробиралась в кабинет матери и читала донесения. Каждое имя навсегда осталось в памяти. Все эти люди числились по архивному ведомству, носили знак Ордена и полегли далеко за пределами внутренних земель.

— Семьдесят два, — отчеканила мать, вставая из-за стола.

Её чёрные сапоги глухо стукнули по паркету раз, другой, третий. Она обошла стол, остановилась почти вплотную перед дочерью и посмотрела на неё сверху вниз.

— Я сама читала эти списки. Сама подписывала выплаты семьям. Сама стояла на похоронах и смотрела в глаза матерям, хоронившим своих детей.

Гретта представила эти лица, полные боли и пустоты. А рядом с ними собственную мать, исполняющую долг.

— Им некуда было отступать, а оружия у них не было: по уставу не положено. Ты понимаешь? Твои знания не остановят демонов. Им всё равно, сколько книг ты прочла. Они не спрашивают, кто ты по специальности, Гретта. Они просто рвут людей на куски. А фераноры и есть та стена, которая их сдерживает.

— Но я ведь готовилась совсем к другому! — воскликнула Гретта, изо всех сил стараясь не потерять самообладание.

Ладони вспотели, пальцы скользили по столешнице, и хватка стала ненадёжной. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать и собраться с мыслями. Нижняя губа задрожала, как в детстве, когда её отчитывали за разбитую вазу.

— Я совершенно не гожусь для коалиции фераноров! И ты знаешь это не хуже меня!

— Знаю, — мать скрестила руки на груди. Пальцы начали рассеянно постукивать по предплечьям, и Гретта увидела, как под алым сукном камзола напряглись мышцы. Мать всегда держала отличную форму: тренировки с мечом в любую погоду стали для неё таким же обязательным ритуалом, как для других утренний кофе. Гретта не раз украдкой смотрела из окна, как одинокая фигура на плацу снова и снова рассекает клинком воздух.

— Поэтому ты и поедешь в Орден Лос-Анджелеса, — добавила мать. — Там тебе быстро выбьют из головы разговоры о «непригодности». Лораны не прячутся по углам, не закапываются в архивную пыль и не ждут, пока их проблемы решат другие.

— Лораны? — Гретта горько рассмеялась. Смех вышел сдавленным и хриплым, и она возненавидела этот звук, но ничего не могла поделать. Он царапал горло и напоминал ей безумцев, которых она в детстве видела на ярмарках: их держали в клетках на потеху зевакам.

— Это ты про себя? Или про Аннабет? А может, про отца?

Она замолчала, пытаясь отдышаться и не дать слезам прорваться. Плакать нельзя, тем более при матери. Загнать их поглубже, пусть жгут изнутри, но слабости не показывать.

— Вы обе всю жизнь смотрели на меня как на ошибку. Слишком маленькая для Лоранов. Слишком слабая для Лоранов. Слишком… неправильная для Лоранов. Я всегда выпадала из

ваших стандартов, и вы даже не скрывали этого. А теперь я вдруг стала настоящей Лоран только потому, что тебе так удобно?

Мать не ответила. Только под скулами заходили желваки. Понять, задели ли её эти слова или пролетели мимо, было невозможно. Может, она обдумывала следующий ход. А может, молча считала про себя секунды, подавляя вспышку гнева и пыталась удержаться от пощёчины. Гретта была готова даже к ней.

Аннабет оторвалась от подоконника, шагнула вперёд и встала между матерью и Греттой, закрывая сестру от материнского взгляда, от алого мундира и от стола с проклятой бумагой.

— Ты всегда была Лоран. Просто тебе не давали это почувствовать. Но мать права: другого выхода нет.

— Как… что?.. — выдохнула Гретта. — Я училась на архивариуса… Так нельзя.

— Решение утвердил Совет Ордена, Гретта.

Аннабет втянула воздух и на мгновение задержала дыхание.

— Ты ведь понимаешь, как всё устроено.

Взгляд Гретты беспорядочно заметался между лицом сестры и лицом матери.

В лице Аннабет не читалось ни торжества, ни сочувствия. Казалось, этот разговор она пережила уже много раз. Спорить с матерью всё равно что колотить по скале: сотрёшь руки в кровь, выбьешься из сил, а скала останется на месте. Этот урок Аннабет усвоила давно и научилась выбирать, за какие битвы вообще стоит браться.

— Ты на её стороне? — Гретта почти не произнесла это вслух, одни губы шевельнулись.

— Я на стороне здравого смысла. Обсуждать тут нечего, — ответила Аннабет и попробовала равнодушно пожать плечами. Получилось плохо.

— Собирай вещи. На сборы у тебя два часа.

— Два часа?.. — Гретту накрыла волна тошноты, в животе всё сжалось. Она жадно хватала ртом воздух и боялась опозориться: перед матерью, перед сестрой, перед отцом, который молча смотрел на неё с портрета.

— Но переход откроется только завтра утром, — сказала Гретта хриплым, севшим голосом. — Рекрутов собирают у восточного поста в шесть. Я читала распоряжение Ордена.

— Ты поедешь другим путём.

Мать уже сидела за столом, уткнувшись в бумаги. Разговор был исчерпан, приговор вступил в силу. Для неё Гретта превратилась в пустое место, в деталь обстановки, в очередное дело, которое нужно оформить и сдать в архив.

— Для семьи Лоран предусмотрен отдельный маршрут. Посланник коалиции ждёт у восточных ворот.

— Но…

— Хватит, Гретта.

Мать вскинула ладонь, даже не взглянув на дочь. Жест вышел таким же небрежным, как скрещённые на груди руки, и таким же бесповоротным, как подпись под приказом.

Гретте хотелось спорить, кричать, выплеснуть то, что копилось в ней годами. Спросить про отца. Потребовать ответа: почему именно её, никогда не державшую в руках ничего тяжелее книжного фолианта, швыряют в коалицию фераноров, в Лос-Анджелес, в мир, о котором она знала лишь по спискам погибших архивариусов.

Но Аннабет уже взяла её под локоть. Пальцы сестры сомкнулись крепко. В этом прикосновении чувствовалась сила, которой Гретте всегда недоставало: сила человека, прошедшего Долину Скалистых Теней и вернувшегося живым.

Они вышли в галерею. Сапоги Аннабет ступали ровно и чётко, новые туфли Гретты тихо поскрипывали. Дверь кабинета закрылась за спиной сама, и замок щёлкнул негромко, но так, что стало ясно: всё кончено. Раньше этот звук ничего для Гретты не значил. Она слышала его тысячи раз: входила и выходила вместе с отцом, пробегала мимо с подругами, пряталась за

портьерами во время детских шалостей. Теперь же, в пустом коридоре, в бледном утреннем свете из высоких окон, щелчок прозвучал совсем иначе. Вместе с ним закрылся мир, где у Гретты ещё оставалось право выбирать.

Щелчок, и всё, что было раньше, осталось по ту сторону двери. Впереди лежала неизвестность: Лос-Анджелес, коалиция фераноров и дорога, которую выбрал за неё кто-то другой.

Гретта остановилась, глядя в бесконечную анфиладу. Портреты предков будто придвинулись, сдавив пространство своей молчаливой хроникой. Каждый шаг по натёртому до блеска паркету рождал гулкое эхо. Аннабет без слов сжала её руку крепче. Дороги назад не было.

Гретта попыталась представить будущее, но перед глазами лишь беспорядочно мелькали обрывки: улицы Лос-Анджелеса, угольно-чёрная форма фераноров, холодные глаза матери и портрет отца, который никогда не ответит на её вопросы.

Глава 2. Первые шаги будущего

«Небесный хор умолк, когда существо по имени Заргот поглотило Лиэю. Торжественная музыка стихла, и звёзды лишились голоса. До наших дней сохранилось лишь несколько восковых пластинок, которые когда-то записали преданные слушатели хора. Если проиграть их на особых резографах, можно услышать песни с обратной стороны вселенной, полные красоты Гармонии. Последний такой аппарат разбили в годы Войны Венценосца, и теперь слой пыли на пластинках стал безмолвным протестом против времени без звука».
— из трактата «Плач по Утерянному Резонансу», составлено магистром Кседонием..

Лос-Анджелес. Сентябрь 2024 год.

Гретта замерла у огромного панорамного окна, выходящего во внутреннюю галерею, и изо всех сил пыталась спрятать поглубже тревогу, скрутившую внутренности. За стеклом открывалась бездонная вертикальная пропасть: двор был так необъятен, что в нём бесследно исчезла бы целая армия ифритов.

Далеко внизу простирался пол из чёрного мрамора, отполированный до зеркального блеска. Тонкие прожилки в камне повторяли изломы электрических разрядов, тех самых, что оплетали парадную площадь снаружи. Дорожки окаймляли металлические деревья: стволы из воронёной бронзы, кроны из пластин холодного нефритового отлива. Над всем этим, метрах в тридцати над полом, парила стеклянная галерея-мост, соединявшая цитадель Фераноров с корпусом Искателей. Прозрачные стены ловили отражения неоновых вывесок, и переход то растворялся в сумеречной мороси, то вспыхивал свежевыкованным клинком.

— Сегодня по этому мосту прошли четыреста семьдесят девять ифритов и стали рекрутами, — раздался сзади глухой, хорошо поставленный баритон. — По сравнению с прошлым годом результат приличный. Я бы даже сказал, весьма обнадёживающий.

Гретта ожидала увидеть кого-то грузного, с лицом, перечёркнутым старыми рубцами, кого-то вроде Мерлина. Верховный Мерлин пугал не столько внешностью, сколько мрачной мощью, которая словно исходила от шрама, пересекавшего давно ослепший правый глаз. Обернувшись, однако, она увидела человека, будто сошедшего со страниц глянцевого журнала о моде: безукоризненный тёмно-серый удлинённый пиджак, небрежно наброшенный плащ, сдержанная седина в ухоженной причёске. Лицо состояло из резких, но соразмерных черт: высокий лоб, чётко очерченные скулы, изящный нос с едва заметной горбинкой. Глаза были светло-серые и холодные. Весь его облик сочетал утончённый аристократизм с несгибаемой волей вожака.

— Гаррет Келмор. — Мужчина чуть склонил голову и улыбнулся. — Верховный Ордена в Лос-Анджелесе. ***Donec Mors Veniat, Stamus.***

— ***«Пока смерть не придёт, мы стоим»,*** — откликнулась Гретта, позволив себе лёгкое движение губ и опустив взгляд на собственные руки. — Простите, если покажусь невеждой, но я о вас ничего не слышала.

Верховный тихо хмыкнул, едва заметно качнул головой и опустил взгляд к полу.

— Вы правы, — сказал он. — Громким лидером меня не назовёшь.

— Ну что вы, дело вовсе не в этом, — поспешно возразила Гретта. — Просто я знаю только альентарскую верхушку. А ещё леди Меланту, господина Конрада Ковачи и семью Сammерсет. И вот… — она пожала плечами, — почти никого больше.

— Это живые легенды, их имена гремят повсюду, — мягче ответил Гаррет. — А меня на этот пост три с половиной года назад поставил лично Зейн Синклер. О нём-то вы наверняка слышали, мисс Лоран.

— Конечно, — кивнула Гретта, следуя за ним, когда он коротким жестом указал путь. — Мне даже посчастливилось однажды пожать ему руку. Если такой человек остановил выбор на вас, это уже о многом говорит.

— Возможно, — Гаррет пожал плечами. — Но мне до сих пор приходится доказывать, что я не зря занимаю это кресло. Временами меня сверлит мысль: гожусь ли я для такой ответственности? Изо дня в день я убеждаю в своей состоятельности и Зейна, и остальных, и самого себя.

— Это… — Гретта чуть сбавила шаг, подыскивая слова, — вызывает большое уважение, господин Келмор.

Уголки его губ снова слегка приподнялись. Гретта вдруг почувствовала, что в этом человеке есть что-то искреннее и успокаивающее, и эта мысль неожиданно её порадовала.

— Теперь расскажу, как у нас всё устроено, — сказал он, чуть склонив голову. — По уставу Кодекса с этой минуты вас ждёт жёсткая проверка без каких-либо поблажек. Старшие будут устраивать вам экзамены без предупреждения, ровесники станут ходить за вами тенью, а единственным вашим компасом будет собственное чутьё. Если дотянете до первого задания в поле, вас ждёт испытание: вам вручат личный хризалис и выкуют оружие точно под вашу руку. Только после этого вы получите звание феранора, мисс Лоран.

Статистика была беспощадной: из пятисот новобранцев до финиша добирались в среднем лишь триста. Да и эта цифра казалась завышенной, ведь с каждым годом Коалиция Фераноров и Искателей всё хуже справлялась с натиском ифритов. Каждый рекрут свято верил, что в нём дремлет прирождённый командир и что именно ему судьба уготовила высочайший ранг, доступный воспитанникам Ордена Альентара, — ранг феранора. На мгновение Гретта и сама поддалась этому наваждению. А вдруг у неё получится? Вдруг она сумеет не просто уцелеть, но и показать, что она тоже чего-то стоит?

— Знания вам дадут наставники, — пообещал Гаррет и кивнул на профессоров, выстроившихся у входа в учебный блок. — А вот как высоко вы поднимитесь, зависит только от вашего напора.

Он резко выставил указательный палец, чеканя каждое слово:

— За дисциплину и последнее слово в отряде отвечает фернастар, командир вашей группы. Если дело дойдёт до моего вмешательства… — на его лице медленно появилась усмешка, — вы ведь не хотите этого, правда? А самый полезный совет у меня короткий: просто выживите.

«Хороший девиз: всего-то не умереть», — подумала Гретта.

— Вопросов у меня наберётся не меньше сотни, — она прикусила губу, подбирая слова. — Подозреваю, что большинство из них я всё равно задам вам позже.

— Спрашивайте о чём угодно, — ответил он спокойно и твёрдо. — Моя задача — встретить вас и ввести в курс дела. Дальше, как я уже говорил, вас примет фернастар.

— Мне говорили, что в вашем Ордене давно не было полноценного пополнения. В прошлом году взяли по двадцать фераноров и искателей, а в этом, насколько я знаю, набор вообще не планировался. И всё же меня выдернули из дома и велели явиться сюда. Почему?

— Прямой вопрос, — Гаррет заложил руки за спину и одобрительно кивнул. — Честно говоря, я его ждал. Новобранцев нашему Ордену всегда хватало, и до моего назначения, и после. Вам ведь известно, что мы стабильно держим первую строчку среди всех Орденов Альентара?

— Да, я видела это в сводках.

— Четыре года назад к нам пришли семьсот новобранцев, и четыреста из них стали фераноpами. Абсолютный рекорд. Кроме того, мы единственный Орден без собственной Академии: рекруты приходят к нам уже подготовленными. Так что, мисс Лоран, ваш случай несколько… выходит за стандартные рамки.

— Пока я не понимаю, к чему вы клоните, — Гретта приподняла бровь, не скрывая растерянности. — Надеюсь, вы не собираетесь бросить меня в самое пекло, как будто я уже опытный феранор?

— Нет-нет, что вы, — поспешил успокоить её Гаррет. — Академии у нас нет, зато есть хорошая подготовка в течение испытательного срока. А судя по вашему досье, базовыми навыками обращения с оружием вы владеете.

Гретта коротко, почти истерично рассмеялась и сама удивилась этому звуку.

— То есть вы просмотрели тысячи опытных бойцов со всего мира и выбрали меня?

Верховный слегка поджал губы и ответил совершенно спокойно:

— Но в вашем досье чётко указано, что вы согласны вступить в Коалицию фераноров. Двусмысленностей тут нет, согласие записано прямо.

— Я ничего не меняла и никаких галочек не ставила! — вспыхнула Гретта. — Мне об этом только вчера сказали! Это наверняка мама, больше некому было вписать эту строчку. — Она в отчаянии схватилась за голову и прижала ладони к вискам. — Не могу в это поверить…

— Уверяю вас, лишнему риску вас не подвергнут. За вашу безопасность и обучение в испытательный срок отвечают фернастар и весь отряд. Их задача — учить вас, а не бросать в пекло. Поверьте, двух лет вполне достаточно, чтобы ваша сильная сторона проявилась. А возможно, вы пройдёте аттестацию гораздо раньше. Поверьте, моему опыту, даже пришедшие после четырех лет академии сдают аттестацию на испытательном сроке не с первой попытки, а кто-то и вовсе не сдаёт.

Гретта нервно сглотнула. Под рёбрами всё ещё неприятно холодело, но в голосе Верховного ей послышалось искреннее участие, и тиски паники начали понемногу разжиматься.

— Сомнительно, но будь, по-вашему, — наконец выдохнула она. — Значит, либо я справлюсь, либо…

— Справитесь, мисс Лоран, других вариантов нет, — перебил её Гаррет. — Мы не допустим иного исхода. От вас требуется только одно: доверять своему отряду. Это проверенные бойцы, рядом с ними вам ничего не угрожает.

Гретта с трудом выдавила слабую улыбку. В его словах ей почудилась тёплая искра, которая приглушала тревогу и подсказывала, что конец света, возможно, пока откладывается.

— Мы почти на месте, — сказал Гаррет, когда прозрачные двери лифта бесшумно разъехались, открыв вид на ночной Лос-Анджелес. Не напомни он о себе, Гретта так и осталась бы стоять на пороге, заворожённая бескрайним морем городских огней, которое стекало к самому горизонту.

— Похоже, мы забрались высоко, — заметила она, переступая порог.

— Тридцать первый этаж, — сказал Гаррет. — Весь этот шестидесятиэтажный корпус и три соседних здания отведены под жильё членов нашего Ордена. А здесь, — он широким жестом обвёл помещение, — ваша общая гостиная.

Гретта огляделась. Обстановка и впрямь настраивала на спокойный лад. От лифтовой площадки вглубь уходил широкий коридор, по обеим сторонам которого виднелись по три двери, по-видимому, личные комнаты ифритов. Вместо седьмой в центре раскинулось просторное помещение со сводчатым потолком: низкие диваны вокруг камина, крохотный журнальный столик, кадки с пышной зеленью по углам. Всё это напоминало не казённое здание, а чей-то давно обжитой дом.

«В таком месте тоска не приживётся», — подумала Гретта.

После затянувшейся паузы она сказала:

— Сестра убеждала меня, что с людьми лучше держать дистанцию. Но здесь так… тепло и по-домашнему, что мне захотелось отправить все её предостережения куда подальше.

Гаррет не сдержал короткого смешка.

— Аннабет Лоран, — проговорил он, едва заметно качнув головой. — До меня доходили слухи, что около шести лет назад она пережила серьёзную потерю. Один близкий человек погиб, а с другим она расстались навсегда. С тех пор она словно отгородилась от всех и никого не подпускает на расстояние вытянутой руки.

— Вы поразительно осведомлены, господин Келмор, — сказала Гретта. — Я не стану её осуждать. Я видела, какая дружба связывала их троих, о таких историях рассказывают как о легендах. Случившееся оставило в Аннабет рану невероятной глубины, и я своими глазами наблюдала, как её ломало изнутри. Теперь мне понятно, почему она обходит всякую близость за километр.

— Спорить не буду, — отозвался Гаррет. — Но нужно ли строить свою жизнь с оглядкой на чужую боль? Вы не продолжение сестры, мисс Лоран, а самостоятельная судьба. И как знать, возможно, именно вам предстоит найти тех, с кем вы пройдёте весь путь до конца.

— Как знать, — эхом повторила Гретта. — Я привыкла прислушиваться к словам сестры и доверять её чутью, когда речь заходила о здешних людях. Но, вероятно, на этот раз она ошиблась.

Гаррет чуть заметно улыбнулся.

— А во дворце у вас были те, кого можно назвать друзьями, мисс Лоран?

— Я бы не стала бросаться словом «друзья», — призналась Гретта. — Время от времени меня навещала мисс Эстер Розалес: у неё редкий талант разгонять мою хандру. Вообще-то я давно сжилась с одиночеством и не жалуюсь. Но с Эстер всегда было весело, её запас забавных историй казался бесконечным.

— Насколько мне известно, мисс Розалес и господин Синклер охраняют ваше государство? — спросил Гаррет, чуть наклонив голову.

— Совершенно верно, — кивнула Гретта. — Правда, к нам они наведываются не чаще раза в месяц. Совсем уезжать из Стамбула они не захотели.

— Слышал, у них всё прекрасно, они сейчас готовятся к свадьбе, — в голосе Верховного прозвучала теплота.

— Так и есть, — улыбнулась Гретта. — Эстер закончила Стамбульскую Академию в прошлом году. Она любила подшучивать над собой: мол, ни выдающегося ума, ни хватки у неё нет, — тут Гретта не сдержала смешка, — зато рыцарское дело она освоила в совершенстве. Выпустилась лучшей и по практике, и по теории.

— А вы сами хотели бы достичь такого же уровня? — спросил Гаррет, внимательно глядя на неё.

— А кто бы не хотел? — с затаённой грустью отозвалась Гретта, и плечи её опустились. — Но на самом деле меня всегда тянуло в архивариусы. Эта работа не обещает ярких приключений, но училась я с полной отдачей. Мне даже удалось разобраться в тайне резонаторов, над которой бьются почти все исследователи. А Эстер при всём её опыте не знала об этом ровным счётом ничего.

Лицо Гаррета изменилось мгновенно: от прежней лёгкости не осталось и следа, глаза сузились, скулы заострились, точно высеченные резцом.

— И что же вам удалось выяснить? — спросил он ровным тоном, но сквозь него пробивался жгучий интерес.

— Вам, конечно, известно, что божества Легиона получают силу от планет-покровителей, — оживилась Гретта. — Но как именно это работает? Ответ кроется в резонаторах. Это не просто хранилище силы, а сама суть планеты. Точнее говоря, резонатор — физическое воплощение небесного тела, перенесённое в наш мир. Постоянный резонанс удерживается на одной

из семидесяти двух фундаментальных частот, которые составляют основу всего сущего. И из них используется лишь одна, та, что связывает божество с его планетой.

— Где вы нашли всё это? — в голосе Гаррета слышалось неподдельное изумление.

— В основном это плоды моих собственных размышлений и сопоставления разных источников, — объяснила Гретта.

— Впечатляет. Я бы и сам с удовольствием прочёл те работы, которые читали вы.

— При первой же возможности. — Она взяла у него ключ-карту. — Но за это нужно поблагодарить моего отца. Он ради этих трудов полмира объездил.

***

За панорамными окнами только начинало разгораться утро, а Гретта уже стояла у зеркала. В холле она была одна. Форма сидела идеально. Ткань ровно лежала на плечах, не топорщилась и не мешала двигаться, и вернулось давно забытое ощущение: тело снова стало не просто оболочкой, а чётко работающим, послушным инструментом. Она вспомнила, как целый год училась метать ножи. Тогда ей казалось, что для будущей работы в архиве это вряд ли пригодится, но лишним точно не будет. Под правой ключицей тускло поблёскивала четырёхконечная звезда в круге: знак принадлежности к Ордену. На рукаве был вышит один клинок, означавший звание рядового феранора, а рядом стоял символ «Омега». Пока что эта буква греческого алфавита казалась Гретте просто значком чужого места, за которым не стояло никакой истории.

Вечером накануне ей выдали целую стопку снаряжения: облегающие футболки для тепла, чёрные водолазки для холодов, брюки, ремни с металлическими пряжками и ножны. Обуви принесли пять пар, и ни одна не подошла по размеру. Гретта секунду подумала и решила надеть свои ботинки, а новые заказать позже. Ей также дали плотную куртку с большим капюшоном, но её она пока оставила в комнате.

Она ещё раз поправила футболку и проверила ремень, когда из полутёмного коридора слева появилась девушка. Густые чёрные волосы были стянуты в тугой высокий хвост.

— Завтракала? — спросила она вместо приветствия, быстро оглядев Гретту с головы до ног. — Если нет, то до вечера лучше не рассчитывай на еду.

Гретта вздрогнула. Её испугала не столько сама фраза, сколько напор, с которым незнакомка вошла в её личное пространство. Девушка, не ожидая ответа, заговорила дальше, и в уголке её губ мелькнула ухмылка: она явно понимала, какое впечатление производит.

— Меня зовут Ниам Ноури. С этой минуты я твой живой путеводитель и эксперт по всему, о чём неловко спрашивать. — Она чуть склонила голову набок и принялась разглядывать Гретту, нисколько не смущаясь. — А ты, если мне ничего не напутали, Гретта Лоран?

Гретта подняла подбородок и молча кивнула.

— Значит, меня уже успели описать заранее, — сказала Гретта ровным тоном, но с лёгкой улыбкой. — И что же во мне такого приметного?

Ниам подняла руку и начала загибать пальцы.

— Длинные волнистые рыжие волосы, ярко-зелёные глаза, лицо, которое трудно забыть, и первый день в Ордене. Больше мне ничего не сказали.

— Негусто. — Гретта слегка наклонила голову. — Рыжие волосы и зелёные глаза встречаются не так уж редко. Уверена, в этом здании найдётся ещё пара человек с таким же сочетанием.

Ниам шумно выдохнула, и в её взгляде мелькнуло откровенное торжество.

— Тут ты ошибаешься. — Не спросив разрешения, она взяла Гретту под локоть и увлекла за собой в толпу, заполнявшую коридор. — Ладно, я неточно выразилась, особенно про волосы. Они у тебя не просто рыжие, а красные, как тюльпан. Красилась?

— Нет, это мой настоящий цвет.

— Тогда тем более! В других отрядах, может, и нашлись бы одна-две похожие, но вряд ли. У меня отличная память на лица: любого ифрита в Ордене узнаю даже со спины. А уж если увижу лицо, то точно не перепутаю. Так что могу сказать наверняка: такая, как ты, здесь одна.

— Впечатляет, — выдохнула Гретта, немного оглушённая этим потоком слов. Ей приходилось уворачиваться от встречных и подстраиваться под широкий шаг Ниам.

— Дальше будет интереснее, — отмахнулась та, ловко лавируя между людьми. — Кстати, я тоже из «Омеги».

Гретта выразительно посмотрела на свою нашивку и коснулась её пальцем.

— Спасибо за прямоту, но я и сама вижу: у нас одинаковые знаки. А куда мы так торопимся, если не секрет?

— На утренний брифинг. Каждый день ровно в восемь, — объяснила Ниам, сворачивая к широким дверям аудитории. — Сейчас будет стандартная вводная. Её много лет читают одним и тем же текстом, так что старшие бойцы повторят её слово в слово, даже если разбудить их посреди ночи.

Гретта мысленно чертыхнулась. О планёрке она совсем забыла, хотя вчера та стояла в расписании первым пунктом.

— Ты тоже можешь повторить её наизусть? — спросила Гретта.

— Только первую половину, — ответила Ниам, не оборачиваясь. В голосе слышалось явное самодовольство. — О, вот и Линн с Китом. Гретта, это Кит Лезер, наш тихий гений. А Линн тоже гений, просто разговорчивее. Ребята, это новенькая, Гретта Лоран. Прошу любить и не обижать.

Она отошла в сторону, и Гретта увидела Кита: он стоял, привалившись плечом к колонне, а когда Ниам зашагала по ступеням амфитеатра последовал рядом. Здороваться словами он не стал, просто молча поднял ладонь. Линн показался приветливее: махнул рукой и улыбнулся. Гретта кивнула им обоим сразу и вдруг почувствовала, что напряжение, не отпускавшее её с самого утра, наконец спало.

— Остальных увидишь позже, — сказала Ниам, садясь на мраморную скамью и одёргивая рукав. — Двоих сегодня нет. Завтра их увидишь, и, надеюсь, обстоятельства будут получше. Особенно это касается командира.

Гретта сразу уловила в её голосе плохо скрытое раздражение и не удержалась от колкости:

— И что же помешало такому важному человеку прийти и на планёрку, и на первую тренировку нового бойца своего отряда?

Ниам тихо цокнула языком и поджала губы.

— Нулевой инстинкт самосохранения, — процедила она, всё так же не глядя на Гретту. — Если без прикрас, вчера он засиделся в баре и теперь отсыпается.

— И, говорят, не в гордом одиночестве, — вмешалась девушка с переднего ряда, чуть повернув голову. — С близняшками Брайсон. Об этом с утра все шепчутся.

Ниам медленно улыбнулась девушке, однако от этой улыбки веяло не теплотой, а скорой расправой.

— Ниам, слушать сплетни ты умеешь, а вот не верить им — нет, — спокойно сказал Кит, даже не повысив голоса. — Он вернулся к себе один. Ты же знаешь, что он никого к себе не приводит. Просто задержался после рейда.

— Керстин! — Ниам перевела горящий взгляд на затылок девушки впереди. — А я-то думала, у тебя нюх на вранье получше.

Гретта слушала их спор всё внимательнее, и любопытство в конце концов взяло верх над осторожностью:Гретта собралась выспросить подробности, но снизу, из центра амфитеатра, раздался голос профессора Рейнхольт. Звонкий и уверенный, он мигом заглушил шум в аудитории.

Профессор стояла внизу, прямая, как струна. Огромный зал в несколько ярусов вмещал почти всех фераноров сразу, а через широкое окно с одной стороны был виден Лос-Анджелес в утренней дымке. Часть слушателей не нашла мест и стояла вдоль стен, прислонившись к мраморной облицовке.

Верхняя дверь беззвучно отъехала в сторону, и в зал вошли двое. Профессор окинула ряды взглядом и едва заметно кивнула подбородком, веля опоздавшим не мешкать. Гретта сперва не могла понять, кто пришёл: головы сидящих загораживали обзор. Но когда эти двое спустились на её ярус, сердце у неё пропустило удар.

Впереди шёл Рик Кросс, следом за ним…

— Вот так встреча, — тихо сказал светловолосый мужчина, пробираясь вдоль ряда. Он слегка вскинул бровь, и уголок его губ растянулся в улыбке.

Ниам лихорадочно переводила взгляд с него на Гретту и обратно.

— Подождите-ка… — выдохнула она. Но мужчина уже сел на скамью рядом с Греттой.

— Тесен мир, да? — сказал он, подперев щёку ладонью.

— Арчер? — Она часто заморгала, и собственный голос показался ей незнакомым. — Подожди… а ты-то что здесь делаешь?

— Работаю, — пожал плечами он. — Теперь я твой непосредственный командир. Во плоти. — Он помолчал, чуть склонил голову и посмотрел на неё как-то странно. — Только не спеши меня оценивать. Я предпочитаю, чтобы людей судили по поступкам, а не по утренним сплетням. Уверен, что до тебя они дошли раньше, чем я сам.

— Спорим, тебя тут обсуждали от души? — вмешался Рик и плюхнулся на соседнее сиденье. — Я ещё от двери слышал, как кости перемывают.

Арчер посмотрел на Ниам, и его улыбка стала чуть шире.

— Мои кости и не такое переживали, — заметил он. — А вот твоё любопытство, Гретта, говорит о тебе только хорошее. Правильно заданный вопрос бьёт точнее любого клинка. Согласна?

Рейнхольт продолжала говорить. Она медленно шла вдоль дальней стены зала, где от пола до отметки в двадцать футов тянулась голографическая карта Лос-Анджелеса. Утреннее солнце играло бликами на длинном мече у неё за спиной. Голос профессора долетал до Гретты, но слова не складывались в смысл: всё её внимание занимал человек, сидевший рядом, и он, похоже, прекрасно понимал, какой переполох устроил.

Рейнхольт обвела аудиторию долгим оценивающим взглядом, будто решала, кто выдержит, а кого сломает в первые же минуты. На плече у неё виднелась нашивка фернастара, но куда заметнее были значки на груди: крест за крестом, звезда за звездой, немая летопись боёв, из которых она вышла живой. Никто не сомневался, что, прежде чем покинуть эту кафедру, она получит звание претора.

— Раньше рекрутов почти не отправляли на задания, пока не закончится испытательный срок. Ни личного хризалиса, ни оружия, выкованного под них, у новичков в это время нет, — произнесла она ровно и отчётливо. — Если исключения и бывали, брали тех, кто отслужил хотя бы полгода, и всегда в сопровождении фернастара или претора. Сейчас порядок меняется. Выйдя отсюда, вы должны чётко понимать, насколько серьёзна угроза, с которой мы имеем дело.

Повисла такая тишина, что зазвенело в ушах. Где-то наверху кто-то сдавленно закашлялся. Гретта вдруг поняла, что дышит через раз, а пальцы, стиснувшие край скамьи, мелко дрожат.

— Рекруты на испытательном сроке обязаны изучить противника вплоть до мелочей, — продолжала Рейнхольт. — Разобраться, на чём держатся наши аванпосты под постоянным давлением. Восстановить ход всех сражений: и закончившихся, и идущих прямо сейчас. Без этих основ на рейдах и патрулировании делать нечего.

Её чёрная бровь, на тон темнее смуглой кожи, поползла вверх, и только тогда Гретта осознала, что профессор смотрит прямо на их ряд.

— «Под давлением», — буркнула Ниам. — Мягко сказано.

— Не хорони меня раньше времени, — так же тихо ответила Гретта. — Рекрутов не отправляют на верную смерть, так? Во всяком случае, без подготовки.

Арчер слегка повернул голову в её сторону.

— Верно подмечено, — негромко сказал он. — На верную — не отправляют. А на очень вероятную — случается.

Гретта хотела ответить, но Рейнхольт уже заговорила снова.

— Но этот курс вы, рекруты, пройдёте без каникул, выходных и снисхождения, — сказала Рейнхольт жёстко. — Тревога может прозвучать раньше, чем вы будете готовы, и вот тогда всё это обретёт настоящий смысл. Упущенное в остальных предметах можно нагнать. Здесь нагнать не получится.

Она неторопливо обвела взглядом ряды, на некоторых лицах задерживаясь подольше.

— С передовой каждый день приходят новые сводки, поэтому материал брифинга постоянно обновляется, — продолжила она уже прежним сухим тоном. — Именно поэтому вы поступаете в непосредственное подчинение профессора Сайрена Монтевера. Советую относиться к нему с уважением.

Она махнула рукой, и из полумрака за кафедрой вышел архивариус. Рядом с насыщенным пурпуром формы Рейнхольт его серая одежда казалась особенно блёклой.

— Архивариусы занимаются не только прошлым, — произнёс он, и голос его прозвучал чуть глуше, чем у профессора. — Мы обязаны записывать всё, что происходит сегодня. Если у нас не будет точных сведений о положении на границах, горячих точках, местах прорыва брешей, проверенных данных для разработки тактики и, что важнее всего, полной хроники для будущих поколений, под угрозой окажется не только статус Ордена, но и сам его фундамент.

Именно эти слова когда-то подтолкнули Гретту пойти в Архивариусы.

— Первый на сегодня вопрос, — объявила Рейнхольт. Она подошла к огромной голографической карте, которая занимала почти всю стену, и одним движением руки направила световой сгусток на отмеченный район: Адамс-Нормандия. — Этой ночью возле Лорен-Миллер-Рекреэйшен-Сентер отряд искателей «Пойнт» столкнулся со стаей Изнаночных, каких нет ни в одном из наших каталогов. — Она помолчала. — Это новый вид. О нём мы ничего не знаем.

— Опять новые! — выдохнула Ниам.

По залу пробежал приглушённый гул, но Гретта к нему не присоединилась. Она уже записала на чистой странице дату и время и теперь ждала, что будет дальше.

— Часть сведений мы, конечно, изменили, чтобы сохранить секретность, — сказала профессор, разводя руки. Свечение растеклось шире, захватывая кварталы у границы Адамс-Нормандия. — Но сути это не меняет: оборона прорвана вдоль бульвара Саут-Гарвард. Через эту брешь Изнаночные проникли в зону рядом с цитаделью, и к полуночи действовали там без всяких помех.

У Гретты внутри всё сжалось. По рядам прошёл ропот, громче всего он звучал среди рекрутов. Никто не думал, что враг подберётся к самому комплексу Ордена так быстро, да ещё в новом обличье.

— Подкрепление в виде боевых магов и двух звеньев фераноров подоспело с опозданием на час, — сухо подытожила Рейнхольт и скрестила руки на груди. Она не спеша обвела зал тяжёлым взглядом, ожидая реакции. — Какие выводы вы делаете из услышанного? О чём хотите спросить? — Она подняла палец, веля всем молчать. — Сперва я хочу послушать рекрутов.

Первая мысль пришла резко и зло: *«Как вообще могла рухнуть завеса?»* Гретта тут же одёрнула себя. В зале помимо опытных бойцов сидели такие же новички на испытательном сроке, с нулевым допуском, как и у неё, и никто не стал бы объяснять им, почему произошёл прорыв.

Она заставила себя вспомнить то, что последние двести лет помогало ифритам отражать даже самые мощные атаки, и в годы непрерывных прорывов в том числе. Преимущество держалось на трёх опорах: магия, особое оружие и санкты, что питались эфиром в их крови. Во всём этом ифриты намного превосходили противника. Так почему враг выбрал для удара именно это место? И почему ослабла завеса?

— Покажите, что ваша голова годится не только на то, чтобы держать равновесие в рукопашной, — резко сказала профессор Рейнхольт. — Думайте трезво. Сейчас вам особенно важно понять: за этими стенами вас ждёт реальность, и встретить её вы должны подготовленными.

— Это первый раз, когда защита не выдержала? — спросил один из рекрутов, сидевший на несколько рядов впереди Гретты.

Рейнхольт мельком переглянулась с Монтевером и снова повернулась к спросившему:

— Нет.

Одна из новобранок, залившись краской, всё же нарушила повисшую тишину:

— А как часто такое случается?

Монтевер слегка прищурился и посмотрел на неё в упор:

— Эти сведения закрыты для рекрутов вашего уровня. — Он тут же перевёл взгляд на другую часть зала. — Мне нужен вопрос именно по этой вылазке.

Справа от Гретты заговорил кто-то ещё:

— Какие у нас потери?

— Двое раненых. Подробностей я раскрывать не вправе, — отрезала профессор.

По рядам снова прокатился приглушённый гул. Всё-таки пережить испытательный срок до конца ещё не значило выжить в настоящем бою.

— Почему вы спросили именно об этом? — поинтересовалась профессор Рейнхольт.

— Хотел понять, какая помощь может понадобиться, если ситуация повторится, — пояснил рекрут.

Рейнхольт одобрительно кивнула и посмотрела на Хэйдена Торлека, самого застенчивого в зале. Тот неуверенно поднял руку, но почти сразу опустил, нахмурившись.

— Вы, кажется, хотели что-то спросить? — мягко подбодрила его профессор.

— Да… — выдавил он и тут же замолчал. Тёмные пряди упали ему на глаза, и он тряхнул головой. — Хотя нет. Не важно.

— Вот это самообладание! — язвительно протянула Лисса, дерзкая фернастарша из «Элэвен», сидевшая неподалёку. Гретта изо всех сил старалась держаться от неё подальше.

Лисса склонила голову набок, и по рядам пробежали смешки. Длинную пепельно-русую прядь она отбросила за плечо так, будто репетировала этот жест заранее. Гретта невольно позавидовала её непрошибаемой уверенности. Всё остальное в Лиссе, от манер до взглядов на жизнь, ей совсем не нравилось.

Гретта слегка пихнула Ниам локтем:

— Спроси про сбой завесы у Саут-Гарвард.

— Что? — Ниам нахмурилась. — Но вопросы задают рекрутам, а не феранорам.

— Просто скажи это вслух, — шёпотом настояла Гретта.

Ниам помедлила секунду, глубоко вздохнула и спросила:

— Объясните, пожалуйста, почему завеса дала сбой именно на участке Саут-Гарвард?

Рейнхольт приподняла обе брови и повернулась к архивариусу:

— Монтевер, что скажете?

— Почему вас это интересует? — спросил он, пристально глядя на Ниам.

Ниам метнула взгляд на Гретту, откинула прядь длинных чёрных волос назад и вскинула подбородок:

— Считаю, что это не просто брешь.

— Хорошо сыграно, — поднимая большой палец вверх, улыбнулась Гретта.

— Вы попали в точку, феранор Ноури, — кивнула Рейнхольт. — Самопроизвольным сбоем это не выглядит. Может, вы сами объясните, что здесь настораживает, рекрут Лоран? И впредь не ждите, пока вас спросят: проявляйте инициативу и задавайте вопросы прямо.

Под этим пронзительным взглядом Гретта неловко поёрзала на жёсткой скамье. Все головы в зале разом повернулись к ней. Во рту пересохло, дышать стало тяжелее. Арчер рядом не шелохнулся, но она всем телом чувствовала, что он ловит каждое её слово.

— Прорыв именно у Саут-Гарвард выглядит слишком подозрительно, — сказала Гретта, кое-как собравшись. — Изнаночные не могли сами найти такое уязвимое место. Участок подобран идеально. Время тоже: удар пришёлся на смену дозоров, когда завеса слабее всего. Столько совпадений случайностью уже не назовёшь. — Она посмотрела на карту. — К тому же отсюда до Цитадели всего пара кварталов, так?

Годы учёбы ради места архивариуса не прошли даром: мысли выстраивались чётко и последовательно.

— Так, — уголки губ Рейнхольт слегка дрогнули. — Продолжайте.

Гретта прищурилась, пытаясь вспомнить детали.

— Вы сказали, что час спустя туда прибыли два звена фераноров, боевые маги и искатели.

— Совершенно верно, — профессор смотрела на неё с ожиданием.

— Выходит, они уже были на марше в том направлении, — выпалила Гретта и тут же поняла, как странно это прозвучало.

Щёки залило краской, и по залу прокатились приглушённые смешки.

— Ты в своём уме? — Райан Феллмер развернулся к ней всем корпусом с первой скамьи. — Даже экзарх Кейра Стантон, о чьей прозорливости ходят легенды, не берётся предсказывать, когда начнётся бой. А ты гадаешь, как дилетантка.

— Закрыл бы ты рот, Феллмер! — рявкнул Арчер, и его голос мгновенно заглушил все шепотки.

— Пророчеств нам тут не нужно, — огрызнулся Райан уже не так уверенно, косясь на Арчера. — Я просто надеюсь, что безопасность Ордена никому не доверят человеку, который живёт фантазиями. И как ты вообще позволил засунуть её в свой отряд? В лучший отряд, Керриган.

Гретта почти физически чувствовала чужие усмешки, повисшие в душном воздухе. Ей хотелось сползти под скамью и исчезнуть.

Арчер медленно встал. Голос он на этот раз не повышал.

— Феллмер, твоя привычка высмеивать всё, что не влезает в твой кругозор, заслуживает отдельной научной работы. Лоран говорит о тактике и логистике, а эти понятия, похоже, не помещаются в твой словарь, застрявший где-то между «есть» и «так точно». Вывод ты услышал, а ход рассуждений, который к нему привёл, пропустил мимо ушей. — Арчер чуть улыбнулся, но ничего хорошего эта улыбка не обещала. — Феранор Лоран, не обращайте внимания на этот лай. Продолжайте. Все мы, по крайней мере те, кто оказался здесь не по ошибке, с большим интересом следим за вашей мыслью.

Он сел обратно. Гретта вдруг поняла, что смотрит на него с чем-то похожим на шок.

— На чём основана ваша версия, рекрут Лоран? — спросил профессор Монтевер.

Гретта выпрямилась и метнула в Райана взгляд, который мог бы прожечь дыру.

«Пусть смеётся, — подумала она. — *Может, я и не самая сильная, но уж точно не глупа».*

— Здесь всё сводится к элементарной арифметике, — твёрдо сказала она. — Чтобы оказаться на месте боя через час, отряды должны были выйти заранее. Только на то, чтобы зажечь ведьмино пламя и разослать оповещение о тревоге, ушло бы минимум полчаса. К тому же в полночь большинство фераноров спит: ни одно подразделение не держится в полной боевой готовности круглые сутки. Остаётся один вывод: они уже шли в ту сторону.

— И что же заставило их выдвинуться до начала боя? — не отставала профессор Рейнхольт. В её глазах мелькнул одобрительный огонёк, будто она подталкивала Гретту идти дальше.

Почувствовав, как крепнет уверенность, Гретта ответила без единой заминки:

— Им сообщили, что завеса исчезла. Как иначе они оказались бы именно там?

Она слегка приподняла подбородок и замерла между надеждой, что попала в самую суть, и страхом ошибиться.

— Но это же… — попытался вмешаться Райан.

— Именно так, — спокойно перебила его Рейнхольт, и одного её жеста хватило, чтобы в зале стало тихо. — Ифрит из коалиции магов заметил разрыв в магической структуре. Поэтому ударные группы начали движение ещё до сигнала тревоги. Промедли они хоть немного, среди гражданских воцарился бы хаос, а потери и разрушения оказались бы куда серьёзнее.

В груди у Гретты на миг вспыхнуло торжество, но тут же погасло, стоило ей встретиться взглядом с Райаном. В его глазах кипела такая злоба, что, казалось, он готов убить её голыми руками.

— Теперь послушаем фераноров. — Рейнхольт медленно обвела зал оценивающим взглядом, и тишина стала ещё плотнее. — Посмотрим, умеете ли вы относиться к младшим товарищам с тем уважением, которого требует ваше дело.

С задних рядов уже доносился приглушённый гул: бойцы переглядывались и перебрасывались короткими фразами.

— В каком состоянии остался Лорен-Миллер-Рекреэйшен-Сентер после нападения? — раздался рядом низкий голос.

— Арчер Керриган? — Монтевер прищурился от яркого солнца и посмотрел на верхние ряды.

— Я, — подтвердил Арчер, не тратя лишних слов. — Парковая зона. Профессор сказала, что всё могло закончиться гораздо хуже. Но важнее другое: в каком виде враг оставил это место. Если бы им нужно было закрепиться, устроить логово и занять оборону, они не стали бы всё сравнивать с землёй. По характеру разрушений видно, зачем они на самом деле пришли. Что со зданиями? Уцелели?

Рейнхольт одобрительно улыбнулась уголками губ:

— То, к чему они так рвались, выгорело дотла: не осталось ни перекрытий, ни балок. Всё остальное они разнесли ещё до прибытия наших.

Арчер выждал секунду:

— Значит, закрепляться они не собирались. Их интересовало не имущество, а что-то конкретное. А отсюда следует единственный вопрос, который сейчас имеет значение: что именно? Что находилось в том секторе такого, ради чего стоило пробивать завесу и лезть прямо под клинки?

— Верно, — сказала Рейнхольт, и по залу пробежал лёгкий шорох: несколько старших бойцов кивнули. — Арчера Керригана взяли в фернастары именно за это. Грубая сила ничего не стоит, если не развито критическое мышление. Чтобы стать настоящим феранором, одних мышц и храбрости мало. Нужен тот, кто в грохоте боя расслышит тиканье скрытого механизма. Стратегия, уважаемые. Стратегия.

Она ненадолго замолчала и добавила:

— Наши брифинги посвящены неясным обстоятельствам, которые трудно взять под контроль. Моя задача в том, чтобы научить вас задавать правильные вопросы. Только это даёт каждому из вас хоть какой-то шанс вернуться из боя на своих ногах.

Тон, которым это было сказано, Гретте не понравился: похоже, в этом году на службу могли призвать и выпускников академий. По спине пробежал неприятный холодок.

Планёрка тянулась полтора часа, и все вымотались от бесконечных разборов тактики. Как только прозвучала последняя фраза, зал зашевелился, будто одно большое существо. Гретта поджала губы: усталость была единственным, что она себе позволила. Она пошла следом за Арчером и Риком. Втроём они пробирались сквозь толпу, огибая чужие спины и локти.

Ниам нагнала их незаметно. Она схватила Гретту за плечи как раз в тот момент, когда та чуть не врезалась в Арчера.

— Ничего себе, — зашептала Ниам, наклонившись ближе, и в голосе её слышалось нетерпение. — Между вами прямо искрит. Просто так такого не бывает, значит, что-то было. Рассказывайте всё.

Арчер даже не сбавил шаг, только слегка повернул голову:

— Сама расскажешь или мне начинать?

Гретта резко выдохнула:

— Рассказывать нечего. Год назад нас пытались поженить, и ничего не вышло.

Арчер коротко усмехнулся.

— «Ничего не вышло»? Ты упускаешь самое интересное, — сказал он, глядя куда-то в сторону. — Например, как ты на меня набросилась и чуть не оторвала мне ухо. Было больно. И, между прочим, совершенно зря.

Ниам остановилась как вкопанная, приоткрыв рот. Этого хватило, чтобы идущие сзади не успели затормозить. Кит и Линн налетели на неё, Ниам качнулась вперёд и случайно толкнула Гретту. Та потеряла равновесие, и единственным, что удержало её на ногах, оказались руки Арчера. Он подхватил её мгновенно.

— Браво, Ниам, — сказал он, не отводя глаз от Гретты. — Не знаю, во что ты целилась, но попала идеально.

Гретта так и стояла в его руках, пока не пришла в себя. Потом поспешно выпрямилась и отступила на шаг, чтобы всё это не выглядело намеренным. Арчер её не удерживал. Но его взгляд скользнул вниз и задержался на её бежевых туфлях на небольшой подошве. Он поднял бровь.

— А это что такое? — спросил он, чуть склонив голову. — Только не говори, что собираешься идти в бой в такой обуви.

— Пришлось на время выкручиваться, — ответила она, уже вернув себе уверенность и в теле, и в голосе. — Ни одна из присланных пар не подошла мне.

— А какой у тебя размер? — спросил он.

Она замялась, словно назвать число было чем-то стыдным.

— Тридцать пятый.

Лицо Арчера медленно изменилось, и понять, чего в нём больше, насмешки или восхищения, было невозможно.

— Надо же, — протянул он. — В нашей суровой компании нашлась настоящая Золушка. Потеряешь туфельку — искать придётся мне: больше никто такую крошку не заметит.

***

Рик лежал на диване, закинув ноги на подлокотник, и смотрел в потолок. Потом перевёл взгляд на огонь в камине и надолго замер. Свинцовая усталость, давившая Гретту к полу, его, похоже, совсем не касалась.

Альентар пророс сквозь обычный мир, и эта двойственность по-прежнему сбивала её с толку. Феи, маги, благородные фераноры и аристократы с клыками вовсе не выглядели так, словно сошли со страниц древних бестиариев. И при этом они ели пиццу прямо из коробок и запивали её дешёвым вином.

Внешний мир и Альентар слились так плотно, что Гретта почти перестала видеть между ними границу. Удивляться она, кажется, ещё не разучилась.

Лос-Анджелес напоминал декорацию, в которую её забросили без роли и без реплик. Она чувствовала себя лишней деталью в чужой мозаике, самозванкой, которую вот-вот разоблачат.

Гретта опустилась на мягкий ковёр и невидящим взглядом уставилась в камин. Дрова потрескивали, а в голове крутилась одна и та же мысль: в этом мире она беззащитна, потому что чужая, и любой хищник легко до неё доберётся.

— Долго ты планируешь сливаться с интерьером? — спросил Рик, даже не повернув головы.

— Пока не пойму, где моё место, — ответила Гретта, не отрываясь от тлеющих углей.

Теперь он посмотрел на неё.

— Киснешь, Лоран. Знаешь, как это лечится? Стаканом чего-нибудь покрепче.

Она так сильно стиснула кулаки, что ногти впились в ладони.

— Думаешь, мне сейчас до веселья? Улыбаться и делать вид, что всё хорошо?

— Запираться в квартире и культивировать вину — удел тех, кто любит страдать красиво. Кто хочет жить, так не поступает. Но хорошо, что ты хотя бы выбралась из норы. — Он наклонился вперёд. — И не изображай, будто я не вижу, что с тобой происходит.

— Ты ошибаешься, я совсем… — Гретта осеклась.

Рик усмехнулся, и в глазах у него мелькнуло озорство. Он не торопил её, просто молчал и ждал. А Гретта не могла заставить себя сказать правду. Даже наедине с собой ей было страшно признать, что в той мучительной смеси чувств, которую вызывал у неё Арчер, злость занимала вовсе не первое место. Больше того, она уже не была уверена, что злится и что он вообще заслужил её гнев. С несостоявшейся помолвки прошёл год, и Арчер казался ей теперь совсем другим человеком. А может, он остался прежним, и это она слишком быстро составила о нём мнение?.. От этой путаницы ей стало невыносимо стыдно.

— Ладно, — выдохнул Рик. — Хочешь и дальше молчать, молчи. Только помни: ты сама называла его грайлитовой скотиной. И я, старый циник, подтверждаю: гад он и есть. Стопроцентный.

Вопрос вырвался у Гретты раньше, чем она успела его обдумать:

— А ты разве не должен его защищать?

— Я его и защищаю, — Рик скрестил руки на груди. — Всегда, до конца, не раздумывая. Мы с ним как две головы одной гидры. Поэтому я и знаю его лучше всех. Да, гад. — Он усмехнулся. — Но гад он только для тех, кто сам нарвался.

Гретта прищурилась: смысл сказанного дошёл до неё сразу.

— И зачем ты мне это говоришь? Намекаешь, что ему можно доверять?

— Это уже твоё дело, — невозмутимо ответил Рик.

Гретта промолчала.

Рик уставился на двери лифта у неё за спиной. Там стояла Сибил, ведьма из коалиции целителей, с подносом в руках, и пальцы её на нём побелели от напряжения. Рика она будто не заметила. Пройдя через комнату, она молча опустила поднос Гретте на колени.

— Ешь, — бросила она.

— Я думала… — начала Гретта.

— О чём? — резко перебила Сибил.

Гретта с трудом сглотнула и бросила на Рика полный отчаяния взгляд. Ей нужна была не поддержка, а хотя бы намёк, как пережить этот холодный приём.

— Ты специально пропустила общий ужин, — сказала Сибил и села на диван напротив.

Гретта снова сглотнула. Живот сводило от голода, но под взглядом этой женщины горло будто перехватило. Даже думать о том, чтобы есть при ней, было невозможно.

— Керриган узнал, что ты заперлась у себя, и распорядился принести тебе еду, — бросила Сибил.

— А сам чего не пришёл? — вырвалось у Гретты. Только произнеся это вслух, она поняла, что ответ для неё очень важен.

Сибил долго и пристально смотрела на неё, и от этого взгляда стало не по себе.

— Он думал, ты всё ещё сидишь у себя в комнате. И без серьёзной причины не стал бы тебя беспокоить.

— Ну надо же, рыцарь каких поискать, — фыркнула Гретта, стараясь вложить в слова побольше яда, но в груди у неё что-то неприятно сжалось.

— О, и не говори! — Рик одним движением перемахнул через подлокотник и мгновенно оказался рядом с Сибил. — А ты, дорогуша, на леди совсем не тянешь.

— Удивительно, что Арчер до сих пор не спустил тебя с лестницы. С таким-то характером, — парировала Сибил.

— Всё просто, — Рик расплылся в самодовольной улыбке. — Я сногсшибателен, гениален, превосходен по всем статьям. И к тому же…

— Эпически скромный? — подсказала Сибил.

— Скромность — моя сильная сторона, я в ней тону! — Рик картинно приложил руку к груди, но тут же повернулся к Гретте. — Но на самом деле мой главный талант в другом. Я как сейф на ножках. Любой секрет, который мне доверят, исчезнет без следа, и даже под пыткой я не проболтаюсь. Правда, солнышко?

Гретта напряглась. В его тоне ей послышалась насмешка. Или это её собственная тревога дорисовывала то, чего нет? Она заставила себя опустить взгляд на поднос. Тушёные овощи выглядели невесело, но привередничать было не время.

— А что это за снадобье? — кивнула она на чашку с мутной зелёной жидкостью.

— Настой на эльфийских травах, — ответила Сибил. — Его приготовили специально для тебя, по просьбе твоего командира.

— Ого... Спасибо.

— Придержи пока свою признательность. — Сибил подалась вперёд, как змея перед броском, и из-под чёлки сверкнули холодные глаза. — Арчер не нанимался тебе в бессменные няньки.

— Я этого и не просила, — выдавила Гретта.

Неужели её считают пустым местом? Она прекрасно понимала своё положение: титул феранора вряд ли ей светил, ни одного боевого навыка, ни капли магии и никакого права на ошибку.

— И что со мной будет дальше? — спросила она, поднеся чашку к лицу. Пахнуло цветущим лугом и хвойной смолой.

— Дальше? — Сибил помолчала, и в этой паузе слышался откровенный вызов. — Не знаю. Скорее всего, командир станет решать, на что ты годишься. Но иллюзий не питай, Гретта Лоран. Никто не побежит вытирать слёзы маленькой принцессе.

— Я в курсе. — Гретта отпила. По телу разлилось тепло, а вслед за ним пришла неожиданная ясность.

Прежде всего ей хотелось доказать самой себе, что она чего-то стоит. Хватит прятаться по углам и ждать, что кто-нибудь придёт на помощь. Если она хочет выжить в этом мире, надо раз и навсегда избавиться от роли жертвы.

***

Гретта замерла у самого края тренировочной зоны и не могла оторвать взгляд от пока ещё чистого ринга. Страх был таким сильным, что воображение сразу рисовало худшее: через полчаса маты покроются бурыми и алыми пятнами, а её саму вынесут отсюда с неестественно вывернутой рукой.

Рядом Ниам без остановки пересказывала утреннее совещание. Больше всего ей нравилось вспоминать, как Гретта разнесла доводы стратегов, не оставив от них ничего. Подруга говорила, а вокруг гудели разминающиеся солдаты, и её слова почти не доходили до Гретты. Та машинально кивнула. Ниам решила, что можно продолжать, подступила ближе и слегка коснулась её локтя. Только после этого Гретта вернулась в реальность.

Ограждение отделяло обеих от ринга, где уже стояли Крис и Данника. Гретта хотела выдохнуть, чтобы сбросить напряжение, но воздух будто застрял в горле: от происходящего на площадке невозможно было отвернуться. Два бойца двигались по кругу, как два сокола перед ударом, и каждое их движение было выверено до мелочей, без единого лишнего жеста. Тренировочная форма облегала фигуры, не оставляя ничего лишнего, и видны были только хищные силуэты. Малейшее смещение веса или поворот корпуса читались сразу.

— Выходит, ты вообще не зубришь? — Ниам попробовала заглянуть ей в глаза и улыбнулась. — Всё запоминается само?

Гретта слегка мотнула головой и снова посмотрела на ринг. Крис и Данника как раз застыли в безупречных стойках, балансируя на тонкой грани перед новой атакой.

— Я не такая всезнающая, как тебе кажется. — На лице Гретты появилась слабая улыбка.

Зал понемногу заполнялся. У дальней стены выстроились фераноры, которым предстояло выйти после первой пары, а остальные зрители неровным полумесяцем растянулись вдоль ринга. Тех, кто отработал в полевых операциях хотя бы год, было видно сразу: между ними и остальными лежала огромная разница. Двери и окна распахнули настежь, но прохлады это не принесло. Духота только росла, а воздух пропитался запахом разгорячённых тел и влажным дыханием десятков людей.

Сегодня в зале собрались три отряда: фераноры, магический корпус и искатели. Искателей прислала коалиция, и, как назло, среди них оказались люди Райана Феллмера. Гретта почувствовала его взгляд ещё до того, как увидела самого Феллмера: тяжёлый и пристальный, он упёрся ей в спину, едва она переступила порог. Оборачиваться она не стала. Райан смотрел на неё так, будто палец его уже лежал на спусковом крючке.

— Чего застыли?! — голос мастера Виктора Далласа перекрыл шум в зале. Он стоял у самой линии, почти касаясь плечом своей ассистентки Тары. — Я же велел начинать. Вы сюда на экскурсию пришли?

— Меня как раз это и пугает, — тихо сказала Гретта и кивнула в сторону ринга.

— Серьёзно? — Ниам прищурилась. Волосы у неё были собраны в тугой пучок, и от этого лицо стало острым и жёстким. — Я думала, с фамилией Лоран ты выйдешь и устроишь им настоящее шоу.

— Тогда я тебя огорчу, — сухо ответила Гретта. — Показывать пока нечего.

Она знала, что говорит правду. Когда её мать была в этом возрасте, за плечами у неё было шесть лет беспощадных тренировок, превративших гибкую девочку в безупречного бойца. У Гретты всё было иначе: она пришла без всякой базы. Только год занятий метанием ножей и неделя в коалиции фераноров. К тому же у неё были тонкие, почти фарфоровые кости, доставшиеся от какого-то далёкого предка, и из-за этого разница между ней и теми, кто сейчас двигался на ринге, ощущалась ещё острее.

Первым в атаку бросился Крис. Он ринулся на Даннику, метя ей в корпус, но она ловко ушла в сторону, как змея, и тут же подбила ему ногу. Крис пошатнулся, но устоял, резко развернулся и выхватил кинжал. В каждом его движении чувствовалась злость и жажда настоящей схватки, где можно выложиться без остатка, а не просто отрабатывать приёмы.

— Оружие убрать! — рявкнул Даллас. — Работаем только руками и ногами. Пока я не скажу, ни одного клинка!

Из всех здешних преподавателей Даллас был лишь четвёртым, кого Гретта успела увидеть, но давил он на неё сильнее остальных. Может быть, дело было в самой науке, которую он преподавал: выжить и убить, а за любую ошибку здесь расплачиваются кровью, а не оценкой. Даже невысокий рост Далласа казался ей огромным, почти нечеловеческим.

— Сегодня мы только оцениваем, на что вы способны, — добавил он уже мягче.

Крис что-то буркнул себе под нос и убрал кинжал в ножны. В тот же миг правый кулак Данники со свистом описал дугу в боковом ударе. Крис успел закрыться, но тяжёлый глухой хлопок отозвался в Гретте дрожью. Ей стоило огромных усилий не отвернуться.

— Змеиный выпад, — одними губами произнесла Ниам и сразу повернулась к Гретте. — А ты? Готова наконец показать, на что способна?

Тут Крис коротко и жёстко ударил Даннику под левые рёбра. Звук вышел влажный и неприятный.

— Чёрт! — он отдёрнул руку и затряс кистью. — Извини, я не рассчитывал, что попаду так сильно.

Данника скривилась и невольно прижала ладонь к ушибленному боку, но тут же подняла голову и с вызовом посмотрела на него:

— С чего ты взял, что мне больно?

Рик подошёл к ним так тихо, что никто его не заметил, и скрестил руки на груди:

— Если будешь её щадить, сделаешь только хуже. Твари в настоящем бою не смотрят, кто перед ними, парень или девушка. Упал на землю — считай, пропал. Они добивают сразу, не думая.

— Давай уже! — бросила Данника и поманила Криса пальцами.

Почти каждому рекруту приходилось пробиваться через испытательный срок в коалицию фераноров, и Данника, при всей своей хрупкой внешности, прошла через то же самое. Когда Крис снова атаковал, она по-кошачьи ушла от удара, мгновенно развернулась и всадила кулак ему точно по почке.

— Ох… — вырвалось у Гретты. Она не смогла бы сказать, чего в этом больше: жалости к Крису или понимания, что через несколько минут с ней поступят точно так же.

— Вот это школа, — выдохнула Ниам с нескрываемым восхищением. Потом спохватилась, мотнула головой и снова посмотрела на подругу. — Между прочим, в ближнем бою я не пропаду. И с расчётами у меня всё хорошо. Зато хроники... — она поморщилась. — Это мой кошмар.

— Зато за плохие знания хроник, — Гретта криво улыбнулась, — тебя хотя бы не будут швырять спиной на этот мат.

Договорить она не успела: Крис вложил в бросок весь свой вес и с грохотом впечатал Даннику в мат. Гретта вздрогнула и тут же представила, как это случится с ней самой, с её слабым, непривычным к такому телом, совсем чужим среди этих отточенных бойцов.

— А я, похоже, — глухо сказала она, ни к кому не обращаясь, — тут и останусь.

Но Данника и не думала сдаваться. Она обхватила ногами лодыжки Криса, резко дёрнула его на себя, перекатилась и оказалась сверху, прижав его лопатки к полу. Тело двигалось быстрее мысли: годы поединков превратили её в безупречно работающий механизм, в котором не осталось места сомнениям.

— Могу показать тебе пару приёмов, — тихо сказал Рик, вдруг оказавшись справа от Гретты. Он провёл ладонью по лицу и криво усмехнулся: — Но с хрониками я и сам не дружу. В голове у меня пусто, как в склепе.

Внезапный стук заставил всех замереть. По мату, подпрыгивая, покатился маленький белый осколок. Это был зуб, самый обычный, круглый, и он оставлял за собой тонкую влажную алую дорожку.

— Хватит! — голос профессора Далласа разнёсся по залу.

Данника не торопясь выбралась из захвата и встала. Кончиками пальцев она дотронулась до разбитой губы, посмотрела на багряные разводы, а потом молча протянула Крису руку. Тот ухватился за неё, поднялся и глухо закряхтел.

— Тара, проводи её в лекарское крыло, — сказал Даллас. — Выбитый зуб на аттестационном спарринге — это уже перебор.

«Перебор», — мысленно повторила Гретта, и к горлу подкатила горечь. — «Конечно. Это ведь просто проверка. Никто ни с кем не сводит счёты».

— У меня есть идея, — Ниам поймала её взгляд, и глаза у неё загорелись охотничьим азартом. — Давай обменяемся: мы с Риком подтянем тебя по рукопашке, а ты поможешь нам с хрониками. Согласна?

— Нормальный план, — кивнул Рик.

— Тогда договорились, — подвела итог Ниам.

Гретта наблюдала, как кто-то из старших воспитанников вытирает полотенцем кровь с матов. Она то и дело сглатывала, а внутри всё стянуло в тугой холодный узел.

— По-моему, в этой сделке я выигрываю гораздо больше, чем вы.

— Ты просто не видела, как я путаюсь в датах Третьей династии, — фыркнула Ниам и подмигнула. На секунду Гретте даже показалось, что всё может обойтись.

Но тут раздался сдавленный, булькающий хрип, и все разом обернулись. Райан Феллмер одной рукой сжимал горло другого рекрута. Тот был ниже ростом и легче, но, судя по виду, весил не меньше пятидесяти килограммов. Райан без видимых усилий оторвал его от пола и держал в воздухе, не разжимая пальцев.

— Вот придурок… — начала Ниам, нахмурившись.

— О, Мара, спаси... — одними губами выдохнула Гретта. Желудок свело, к горлу подступила тошнота, и она стала дышать размеренно: вдох носом, долгий выдох ртом. Она изо всех сил уговаривала себя не упасть в обморок на глазах у всего зала. В голове некстати мелькнула мысль: где же в это время бог смерти, если его имя поминают так часто?

— Именно этого я и боялся! — прорычал Даллас и тремя широкими шагами оказался у ринга. — Ты чуть не сломал ему шею, разрази тебя гром!

— А я откуда знал, что он такой хлипкий, — ответил Райан с ледяным спокойствием.

Профессор резко выбросил руку и ткнул пальцем сначала в Ниам, потом в коренастого феранора из её отряда, парня с грубоватым лицом и тёмно-русыми волосами. Гретта лихорадочно пыталась вспомнить его имя.

«Майк? Или Майкл? За один день слишком много новых лиц, в голове полная каша».

Ниам начала сразу, без разгона. Её тело работало чётко, как отлаженный механизм: блок, удар, уход, и ни одного лишнего движения. Она отбивала атаки противника почти небрежно и тут же отвечала своими. Гретта застыла и поймала себя на том, что, несмотря на страх, не может отвести от подруги глаз. В этом сплаве скорости и силы чувствовался тот же смертоносный стиль, что и у Аннабет: хищная грация, доведённая до совершенства.

— Ну что, хватит? — спросила Ниам, придавив противника спиной к мату. Её кулак замер в паре сантиметров от его горла: удар она сдержала намеренно. — Сдавайся, и я не буду заставлять тебя хрипеть всю неделю.

— Не дождёшься! — выкрикнул парень, обхватил ногами её талию и резким поворотом корпуса перебросил Ниам на спину.

Но она тут же перекатилась, пружиной вскочила на ноги и снова вбила его в мат, на этот раз прижав горло подошвой сапога. Жёстко, без жалости, по всем правилам боя.

— Может, пора сдаться, Майк? — протянул Рик, скрестив руки на груди, и в голосе его слышалась откровенная издёвка. — Девушка великодушно даёт тебе выбор: уйти в лекарское крыло на своих двоих или на носилках.

«Ах да. Майк».

— Заткни пасть, Кросс! — просипел Майк, но голос захлебнулся хрипом: Ниам сильнее надавила сапогом ему на горло. Лицо у парня побагровело, и Гретта вдруг с неприятной ясностью поняла, что задетая гордость значит для него больше, чем желание уцелеть.

— Выбыл, — громко объявил Даллас.

Ниам убрала ногу и протянула Майку руку. Тот взялся за неё, поднялся и закашлялся, жадно хватая воздух.

Профессор снова вскинул руку и показал сначала на девушку с ярко-зелёными волосами и татуировкой в виде змеи, обвивавшей правое предплечье от запястья до локтя, а затем на Гретту.

Гретта машинально прикинула расклад. Соперница была выше на целую голову, а в её натренированном теле чувствовалась сила, которую не нарабатывают за один год.

«Если подготовка у неё хоть наполовину такая же, как мускулатура, мне конец. Главное — не подпустить её на захват», — подумала Гретта, но где-то глубже уже поднималась горькая уверенность, что всё напрасно.

— Прорвёмся! — Ниам от души хлопнула её по плечу, и Гретта чуть не потеряла равновесие: подруга явно не рассчитала силу. — Дыши глубже и не стой как вкопанная.

Девушка с очень короткими зелёными волосами смерила Гретту взглядом, в котором было не просто презрение, а какое-то брезгливое недоумение.

— Лоран, — протянула она, лениво растягивая фамилию. — Тебе не пришло в голову подстричься? Эти рыжие космы видно за версту, любой захочет вцепиться в них и перегрызть тебе глотку. Во всей коалиции только ты настолько обнаглела, чтобы ходить с такой мишенью на голове.

Гретта оставила оскорбление без внимания. Она не спеша обошла соперницу и остановилась напротив. Сердце колотилось в висках, но дыхание, подчинённое усилию воли, оставалось ровным и глубоким.

— Ты явно преувеличиваешь насчёт «всей коалиции». — сказала она холодно, и только одна нотка выдавала её: дрожь последних остатков гордости, за которые она цеплялась изо всех сил.

Соперница вспыхнула. Она так стиснула зубы, что на скулах заходили желваки, и в груди у Гретты несмело шевельнулась надежда.

«Отлично. Пусть закипает. Аннабет всегда говорила: кто в драке теряет голову, тот уже наполовину мёртв». — Гретта вцепилась в эти слова, как в спасательный круг, убеждая себя, что сможет перехитрить собственную слабость.

— Вот сейчас и проверим, — процедила зеленоволосая и с глухим, почти звериным рыком бросилась вперёд, замахиваясь кулаком.

Гретта плавно ушла в сторону, развернула корпус и вскинула руки, закрываясь. Несколько долгих секунд воздух свистел от резких выпадов, а потом Гретта провела серию точных, хлёстких попаданий: в рёбра, в плечо, в бок.

«Получилось! Аннабет была права!»

Соперница взвыла от ярости. Она подскочила, целя стопой в висок, и Гретта пригнулась, но вторая нога тут же врезалась ей в грудь. Удар выбил из неё весь воздух и отбросил назад, и она тяжело рухнула на маты. Глухой стук отозвался в каждой кости.

Всё случилось в одно мгновение: зеленоволосая уже стояла над ней, занеся кулаки для последнего, сокрушительного удара.

— Элла! Магию — в сторону! — отрезал Рик.

Но Элла, ослеплённая злостью, будто оглохла. В её глазах горела неудержимая ярость, и было ясно, что она собирается бить дальше, пока не услышит хруст костей, пока не польётся кровь, пока не будет пройдена черта, за которой уже ничего не исправить.

Она наклонилась над лежащей Греттой, и их взгляды сошлись в немой дуэли.

— Терпеть не могу хрупких кукол, — прошипела Элла. — И не думай, что я одна такая. Все здесь так считают, даже твой отряд. Ты всех приведёшь к гибели.

Гретта не понимала, почему? Что она сделала им? Это потому, что она была на шаг от коалиции архивариусов, а получилось так?

— Опасно здесь другое: что ты не можешь держать себя в руках. Для Коалиции и для Ордена это куда страшнее, — сквозь зубы ответила Гретта.

На долю секунды в светлых, почти бесцветных глазах Эллы мелькнула неуверенность. Может, она увидела в лице противницы что-то неожиданное, а может, внутренний голос велел ей остановиться. Этой заминки хватило: Гретта со всей силы ударила Эллу кулаком в скулу и ужом выскользнула из-под её тяжести.

Кисть прошила острая боль, хотя Гретта могла поклясться, что сжала пальцы правильно, как её учили. Превозмогая боль, она поднялась, и мир перед глазами качнулся. Элла тоже встала, и в её движениях теперь читалась холодная, расчётливая решимость стереть противницу в порошок. Она надвигалась, а её силуэт будто расплывался в воздухе, теряя чёткость и превращаясь в мутное пятно. Гретта с пугающей ясностью поняла, что развязка близка.

— Элла! — рявкнул Даллас, перекрывая шум зала. — Ещё один такой финт, и вместо аттестации будешь драить уборные!

Гретта попыталась отскочить, но мышцы предали её. Элла с нечеловеческой скоростью схватила её и швырнула на маты. Гретта ударилась лицом, перед глазами вспыхнули искры, и тут же колено Эллы вдавилось ей в позвоночник, прижимая к полу. Чужая рука безжалостно завернула её руку за спину, и боль стала такой невыносимой, что из горла вырвался дикий крик.

— Признай, что проиграла! — потребовала Элла с торжеством, обдавая горячим дыханием ухо Гретты.

Сдаться значило сломаться.

«Если я сдамся в первый же день, что будет завтра? Через неделю? Твари сожрут меня при первой же слабости».

— Нет, — выдавила Гретта, стиснув зубы. По щекам текли горячие слёзы, смешиваясь с потом, а рот наполнял солёный привкус крови из прокушенной щеки и губы.

Может, ей не хватало выдержки, а может, это была глупая, самоубийственная гордость, но её тело было куда хуже приспособлено к такой боли. Её словно создали для чего угодно, только не для этой кровавой мясорубки.

— Элла, ты меня слышишь?! — рявкнул Даллас. — Ты не пройдёшь испытательный срок!

Но Элла лишь сильнее надавила. Боль накрыла Гретту целиком, и мир вокруг расплылся. Она закричала, ясно ощутив, как связки натянулись до предела и лопнули с мерзким влажным треском.

— Сдавайся, Гретта! — донёсся откуда-то издалека сорванный голос Рика, полный такого отчаяния, какого она никогда прежде в нём не слышала.

— Ну же! — вторила Элла, не ослабляя хватки. — Скажи это, рыжая!

Задыхаясь под тяжестью соперницы, Гретта с огромным трудом повернула голову. Плечо вывернулось под страшным, неестественным углом, новая волна боли накрыла её с головой, а мир начал стремительно гаснуть, сжимаясь по краям в слепое пятно.

— Она выбывает, — отрезал Даллас, и сталь в его голосе не оставляла места для возражений. — Всё, хватит!

В ту секунду, когда хватка Эллы наконец ослабла, Гретта снова услышала жуткий хруст. На этот раз ломалась её собственная кость. Этот звук стал последним, что она успела осознать, прежде чем провалиться в милосердную темноту.

Глава 3. Бесконечная закалка рождает воинов.

«Как ни странно, почти все разумные виды произошли от одного отряда приматов, словно у древа разума не нашлось других ветвей. После каждого собрания Технологического Круга Ксеон уходила с тяжёлым чувством: ей казалось, что её народ лишь жалкая копия «настоящих» хозяев мира. Тогда она начала принимать особые препараты, чтобы приобрести облик так называемой Доминантной Формы. Дыхательные отверстия на её боках затянулись тканью, а скелет и органы медленно и мучительно перестраивались. В итоге из зеркала на неё смотрело почти человеческое существо. Сородичи отвернулись от неё: они сочли это надругательством над собственной природой и находили её вид отвратительным. Из-за этого травли десятки существ других видов тоже прошли модификацию, чтобы стать похожими на людей. Но Ксеон двигала не выгода от чужого тела, а мрачное желание: чтобы все почувствовали ту же непрекращающуюся боль, которую испытывала она сама».

— из «Трактата о Мучительном Уподоблении», записано ксенологом-магистром Эрвалем из Гильдии Наблюдателей, 412 год Эпохи Раздора, Альентар.

Лос-Анджелес. Октябрь, 2024 год.

Профессор Вельхейм настаивал: чтобы решить, к какому демону можно подойти, а какого лучше обойти, нужно знать повадки его вида. Он медленно переводил взгляд с одного слушателя на другого, и ни искатели, ни фераноры не могли угадать, на ком этот взгляд остановится. Потом маг слегка шевельнул рукой, и воздух над столом дрогнул. Зелёный призрак Велкрайна исчез, а на его месте появилась багровая фигура Тар'Морра.

Вельхейма давно считали лучшим визионером в учёном совете коалиции. Никто другой не владел этой техникой: он мог превратить любую картинку из головы в объёмный образ, который почти можно потрогать. Наверное, поэтому Гретта уже два месяца с нетерпением ждала каждой его лекции.

Иллюзорный Тар'Морр вышел из дрожащего воздуха и остановился в проходе между рядами. Ростом он был чуть выше обычного человека, но двигался в точности как настоящий хищник, который караулит добычу в тёмной подворотне.

— У багрового подвида, к которому относится наш знакомый Ксар-Иллен, терпения нет вообще, — объяснил Вельхейм. Аккуратные усы дрогнули, когда он улыбнулся своему фантому. — Достаточно случайно задеть его плащом или посмотреть не так, как ему нравится...

— И всё, можно прощаться с жизнью! — подхватил сидевший слева от Гретты веснушчатый Алистер. Говорили, что полевой тест ему приходится пересдавать уже второй раз. Все засмеялись. Не сдержал улыбки даже Райан Феллмер, хотя всю лекцию он не сводил глаз с Гретты.

— Грубовато, зато верно, — кивнул Вельхейм. — А теперь вопрос к вам: как правильно вести себя, если вы встретитесь с багровым Тар'Морром лицом к лицу?

Он неторопливо оглядел притихшую аудиторию.

Гретта знала ответ, но решила подождать, пусть сначала скажут другие.

— Лучше всего убежать, пока он вас не заметил, — тихо пробормотала Ниам. Гретта едва сдержала смех.

— Нужно идти на него спереди и обязательно слева, — уверенно заявила другая рекрутка. — Всё дело в том, как устроены у них глаза.

— Верно, — профессор слегка наклонил голову. — Можете объяснить, что с ними не так?

Девушка растерялась и принялась кусать губу. Молчание затягивалось, и Гретта не выдержала:

— У багрового Тар`Морра зрение необычное. Когда он смотрит прямо перед собой, всё, что находится слева, превращается для него в размытое пятно, он просто не видит чётко.

Она кивнула в сторону светящегося призрака.

— Если зайти справа или подкраться сзади, зверь решит, что на него нападают, и сразу бросится в атаку. А если идти прямо на него, но чуть левее центра, у вас появится несколько лишних секунд. Тар'Морр не сразу поймёт, кто перед ним, и замешкается. Этой паузы нередко хватало, чтобы отступить или успеть наложить сковывающие чары.

Вельхейм удовлетворённо кивнул:

— Исчерпывающе. Стоит почитать отчёты погибших разведывательных групп, и всё становится ясно: почти всегда фатальной оказывалась попытка зайти справа или со спины.

В тот же миг иллюзия сменилась. Вместо багровой фигуры в проходе появилась Сефирса, демоница насыщенного синего цвета, у которой человеческие черты странно сочетались со змеиными.

— Отдельных занятий по Сефирсе у вас не будет, — сказал лектор. — В Альентаре её не видели уже много лет, на Земле тоже. Но если вы вдруг с ней столкнётесь, вы должны узнать её сразу и без малейших сомнений.

— То есть узнать и бежать куда глаза глядят! — немедленно вклинился Алистер.

Гретта молча кивнула, и аудитория снова расхохоталась.

— Сефирса принадлежит к карпатской ветви бездонных существ, — продолжил Вельхейм, медленно переводя взгляд с одного слушателя на другого. — Раньше многие по незнанию записывали их в водяные демоны, но это грубая ошибка. Родиной этих тварей были не океаны, а подземные озёра и древние расщелины в глубине Карпат.

Он ненадолго замолчал, будто решая, как подчеркнуть следующую мысль:

— Если встретите Сефирсу, не раздумывайте и убегайте. Прозвище «Беспощадная» не передаёт и половины. Она не подчинялась тем негласным правилам, которым, как мы считаем, следуют остальные демоны. Ею двигала только прихоть, и нападала она когда угодно и как угодно. Так что, заметив синее бездонное существо, даже не пытайтесь подойти ближе. Единственное, что вам остаётся...

— Бежать, — опять вставил Алистер, небрежно взъерошив каштановые волосы.

Усы профессора слегка дрогнули от улыбки:

— Именно. Бежать и не оглядываться. Несколько синих демонов, насколько известно, до сих пор обитали на территории Румынии, в основном там, где разломы в Карпатах встречались чаще всего.

— А как насчёт чёрно-зелёного Мизгиря? — спросил сосед Райана. — Он ведь живёт совсем рядом с нами, да?

Райан загорелся:

— Я бы сел на него верхом и протаранил им какую-нибудь тварь!

— Ваши желания здесь не в счёт, — сухо ответил Вельхейм. — Давайте лучше посмотрим на Мизгиря.

Лёгким движением кисти он убрал призрак Сефирсы, и вместо неё возник гигантский паук. Даже будучи всего лишь маревом, он вселял ужас. Гретта невольно запрокинула голову, пытаясь разглядеть его чудовищную голову целиком.

— Любуйтесь, — сказал профессор.

— Какой огромный, — прошептала Керстин, сидевшая перед Греттой. — Похож на паука.

— Это и есть паучья нежить. Они селились в самых тёмных и вонючих уголках города. Их яд вырабатывался из трупных соков: от него кожа быстро твердела, а мышцы начинали гнить.

Ниам скривилась от отвращения.

Тем временем Вельхейм медленно повернул образ, и стал виден мерзкий комок, из которого выбирались детёныши. Исходивший от него свет бил Гретте в глаза, и ей пришлось сощуриться.

— Какая гадость, — поморщилась Керстин. — Скорее на человеческие эмбрионы похоже.

— Сила и ужас в одном флаконе, лучше не придумаешь! — с восторгом выпалил Райан, не отрывая глаз от призрачного монстра. — Его будто специально сделали, чтобы убивать.

— В целом да, — сдержанно подтвердил Вельхейм. — Хотя, если быть честным, живого мизгиря я не видел уже около пяти лет, так что эта картинка несколько не соответствует действительности. Но раз уж мы вызвали его образ, расскажите остальным, что вы знаете о его повадках.

— Это одни из самых отвратительных существ, какие только бывают, — тут же ответила Лисса.

— Из кладки в десять тысяч яиц выживает только один детёныш, остальных съедает мать. — добавила Гретта.

— Совершенно верно, — кивнул Вельхейм. Восемь красных светящихся глаз уставились прямо на Гретту, и она вздрогнула. — Кроме того, мизгири невероятно хитры. Обмануть такую тварь не удавалось никому. Самки опаснее самцов: их кровь очень ядовита, особенно пока они вынашивают потомство. Если самка где-то рядом, можно услышать хриплое кряхтенье и свист. Но когда у неё появляются детёныши, она затихает и становится бесшумной, как тень.

— Просто интересно… — Райан не отрывал светло-голубых глаз от иллюзии. — А целительная санкта может нейтрализовать яд после укуса мизгиря?

Профессор резко сжал кулак, и иллюзия исчезла.

— Этого никто не знает. К счастью, никто из ныне живущих ещё не пробовал такой укус на себе. Но в одном древнем свитке мизгирей описали очень подробно, и там прямо написано, что любая целительная санкта тут бессильна. Остаётся надеяться на фираль, да и то без гарантий. И ещё: если подойти к их коконам, мизгирь приходит в ярость. Хотите атаковать, бейте с воздуха и обязательно огнём, чтобы тварь сразу сгорела дотла.

Гретте вдруг стало не по себе. Тяжёлое, неприятное чувство засело в груди, и сколько она ни пыталась, избавиться от него не получалось.

Когда конец инструктажа всё-таки наступил, все зашевелились, начали складывать вещи в сумки, и отряды потянулись к выходу. Ниам уже стояла у двери и переминалась с ноги на ногу, дожидаясь Гретту.

Вельхейм откинулся на спинку кресла и задумчиво закрутил свои короткие тёмные усы. Он по-прежнему не сводил с Гретты глаз.

— Здесь, наверное, непросто быть Лоран? — наконец спросил он.

Гретта промолчала и отвела взгляд.

— Со временем всё наладится. Испытательный срок закончится, и вы начнёте выезжать на задания, к тому же с личным оружием. И вот ещё что… Осторожнее с Райаном. Меня беспокоит, как он зациклился на мизгире. В этом есть что-то нездоровое.

— А чего он может добиваться? — нахмурилась Гретта.

— Убить? Вернуть кого-то жизни? Возможно, и то и другое сразу. Но встречи с мизгирём никому ещё не приносили ничего хорошего, а попытки вернуть человека с того света… По этой дороге шли лишь те, кто метил в боги. Вряд ли Мара обрадуется, если кто-то попытается присвоить её силу.

— Ясно, спасибо, что объяснили, — Гретта повернулась, собираясь выйти из кабинета.

— Гретта, — окликнул её профессор, и она остановилась и обернулась. — Когда-то я учил вашу сестру. Скажу честно, Аннабет отличный боец и очень достойный человек. Против нечисти она действовала находчиво, и талант у неё от природы.

Гретта коротко кивнула, чувствуя, что это ещё не всё.

— Но умом вы её превосходите, — неожиданно закончил Вельхейм.

Гретта растерянно заморгала. Её всегда сравнивали с сестрой, и ни разу не в её пользу.

— Я видел, что вы каждый вечер допоздна оставались в тренировочном зале и как помогали отряду с теоретической подготовкой к промежуточному смотру. Это говорит о том, что вы умеете сочувствовать другим. Не теряйте это качество.

— Спасибо, но ни ум, ни доброта не помогут, когда окажешься перед чудовищем, — горько усмехнулась Гретта. — Вы знаете их лучше всех в коалиции, да и почти во всём мире. А слабых они не щадят.

— Сильных они тоже не щадят, — возразил профессор и слегка отодвинулся от стола. — Сила, Гретта, не всегда измеряется мускулами.

Она промолчала и опустила голову. Что ответить на такую неожиданную похвалу, пусть и искреннюю, она не знала. Гретта пошла к двери, где её ждала Ниам.

А в голове всё звучала одна и та же мысль: в бою жалость ничем не поможет.

***

— Покажи ему, где раки зимуют, детка!

Гретта смахнула с лица влажную прядь, выбившуюся из хвоста, и снова встала в стойку. Рик неторопливо ходил вокруг неё, как хищник, и смотрел сверху вниз, не говоря ни слова. На краю площадки стояли Ниам и Кит. Они наблюдали за тренировкой с самого начала, и чем дольше она длилась, тем громче Ниам подбадривала Гретту. Это казалось странным: почему она болеет не за друга? Объяснение нашлось быстро. Рик в любом случае выиграет, а значит, проще поддержать того, кто слабее.

Гретту это нисколько не злило, но неловкости становилось на добрые пятьдесят процентов больше.

Два дня назад Арчер предсказал, что Гретта останется недовольна Риком. Поговорить им толком не удалось: за ужином его срочно вызвали на рейд, и он ушёл почти сразу. Прогноз, впрочем, оказался точным. Феранор имел полное право указывать на каждую её ошибку и вынуждать то нападать, то защищаться, но от этого ей легче не становилось. Прошла всего неделя занятий, а Гретта, почти не позволяя себе ни сна, ни отдыха, уже раз триста чувствовала себя разбитой и изувеченной. К счастью, санкты Рика и Ниам быстро убирали синяки и ушибы и снимали усталость. Но стоило им поработать сегодня совсем немного, как вся боль вернулась.

И всё же она должна стать сильнее.

В тот вечер, когда они вернулись от верховного мага Лос-Анджелеса и Линн чуть не испепелил взглядом обеденный стол, Рик предложил объединить её уроки по технологиям с Ниам и тренировки с другими феранорами Гретта, как ни странно, даже не попыталась отказаться или хотя бы слабо возразить. Но возразил Арчер: он напомнил, что её первый смотр закончился катастрофой и такого он не потерпит. Ниам, которая тоже была там, заметила, что первое занятие с другими испытуемыми получится точно таким же. Но Арчер решил, что подготовкой Гретты займётся только их отряд, и обсуждать тут нечего.

Разницы между феранорами и искателями Гретта пока не замечала. Для неё все они были одинаково выученными ифритами, которым меч или нож в руке так же привычен, как вилка. Она бы не удивилась, если бы Рик отбился от демонов одной вилкой, но проверять это не собиралась.

Увы, лучшего учителя сейчас не нашлось. Гретте и вовсе казалось, что она для всех здесь обуза. Поэтому она и согласилась тренироваться с такими же новичками: пусть калечат, зато, может, научится быстрее. Но с приказом Арчера она всё равно спорить не стала.

Пока что её цель была скромнее: научиться выдерживать атаки Рика. По его собственным словам, они были довольно слабыми, и всё равно после каждой на теле оставались синяки.

Рик будто играл с ней. Сложных приёмов он не применял, почти не подкрадывался и не пользовался внезапностью. Он заходил то слева, то справа и в последний миг менял направление несильного удара, а Гретта должна была успеть подставить клинки туда, куда он целился. Как именно она это сделает, было не так важно: напитает силой мышцы, поставит щит или проведёт хоть какой-нибудь приём. Но не получалось ни одно.

И сейчас, сколько бы она ни старалась и как бы ни молила богов о помощи, всё было напрасно.

В подушечных боях Гретта всегда побеждала Аннабет. В детстве она даже подралась с одноклассниками сестры, заступаясь за неё, хотя старшей и более сильной была как раз Аннабет. А когда однажды её хотели заставить поцеловать мальчишку из класса, чтобы выиграть спор, она просто ударила его и сломала ему нос.

Выходит, слабачкой она никогда не была. Так почему же сейчас всё выглядело так жалко?..

Почему ей достался именно такой наставник, вечно готовый уколоть? Рик, как Гретта уже поняла, говорил гораздо меньше Ниам, которая болтала за двоих, а то и за десятерых. Но стоило ему раскрыть рот, как он тут же принимался разбирать её движения, реакцию или даже шум, который она производила. Казалось, ему доставляло удовольствие её задевать, и ведь каждое его замечание, пусть и справедливое, попадало точно в цель.

— Ты слишком медленная, — бросил Рик, когда Гретта попыталась ударить его в лицо.

Разумеется, чтоб его грайлиты побрали, он без труда увернулся, подцепил её за ногу и повалил на пол.

Эту фразу Гретта ненавидела всей душой, но за два дня она стала его коронной, разве что «Вставай» и «Поднимайся, живо» звучали ещё чаще.

Что ей оставалось ответить? «Закрой рот, ты, переросток»? «Замолчи, я же Гретта Лоран»? Или «Не говори так, а то я сейчас разревусь»?

Она и правда расплакалась бы, как маленькая, от одной только обиды, что не может его даже зацепить. Но гордость не давала: она заставляла подниматься, двигаться быстрее, а если станет совсем невмоготу, то хотя бы сверлить Рика взглядом и выдать что-нибудь максимально ядовитое.

Гретта уже почти придумала подходящую реплику, способную ненадолго её успокоить, когда вмешалась Ниам:

— А по-моему, прогресс есть.

Рик молча посмотрел на неё.

— Гретта с каждым разом двигается быстрее, — задумчиво протянула Ниам, постукивая пальцем по подбородку. — Арчер не ошибся: надо работать над скоростью. Пару дней назад она была гораздо медлительнее. Сегодня, конечно, лучше не стало…

— Ну спасибо, — возмущённо фыркнула Гретта.

— …зато ты, Рик, сегодня чуть слабее обычного.

Он приподнял бровь с таким обиженным видом, что это почти залечило все раны, которые его слова нанесли самолюбию Гретты.

Странно, но сама она не чувствовала никаких перемен. Ни малейшего намёка на прогресс.

— И что толку? — Рик скрестил руки на груди и опять посмотрел на Гретту сверху вниз. Она была почти уверена, что ему просто нравится так делать. — Если ты не можешь пустить эту скорость в дело или хотя бы ослабить меня настолько, чтобы нанести урон, то всё это впустую.

Гретта сжала кулаки и несколько раз глубоко вдохнула, пытаясь взять себя в руки.

Даже когда ей удавалось задеть Рика, было ощущение, будто она бьёт по камню. Ничего не менялось ни через пару секунд, ни через минуту, когда он снова уронил её на пол и велел вставать, ни через десять, когда ему наконец надоело смотреть на её неудачи и он объявил тренировку законченной.

Это было нечестно, по крайней мере отчасти. Теперь она ясно понимала, чем их отряд лучше остальных: все сильные, умные, а среди них есть первоклассные стратеги и тактики. Зато что здесь делает она, Гретта так и не разобралась. Скорее всего, только отвлекает их от серьёзных, по-настоящему взрослых дел. Может, возиться с ней не стоило? Почему Арчер решил, что так ей будет лучше? И с чего вообще ему не всё равно? Что с ней станет?

В последнее время она всё глубже скатывалась в самокопание, а одёрнуть её, кроме неё самой, было некому. Немного утешало другое: каждый в отряде по-своему, но старался ей помочь, как бы тяжело ни приходилось. Никто не желал ей зла.

Не изменилось ничего и спустя почти полчаса. Гретта уже смыла пот, успела в одиночестве поплакать и теперь стояла в своей комнате, глядя на стопку книг на краю прикроватного столика. Она читала их каждый вечер, превозмогая усталость и лень, и впервые в жизни ей приходилось буквально заставлять себя заниматься чтением.

Почему? Почему прогресса не было?

***

Мелкий щебень брызнул из-под ботинок, когда Гретта в очередной раз спрыгнула на выступ. Позади остались три участка маршрута, впереди ждали ещё два, и оба смотрели на неё тёмными пропастями. Гордиться в эту минуту было нечем, кроме одного: страховка ни разу не зацепилась. Это была её тихая победа над страхом высоты, о котором никто вокруг не догадывался.

Далеко внизу, у подножия скалы, замерли Хэйден и Дерек. Подниматься они так и не решились. А прямо над Греттой нависал последний склон, почти отвесный и гладкий, будто его годами полировал ветер.

— Давай, у тебя получится! — крикнула сверху Ниам.

Гретта подумала, что отдала бы многое за хоть каплю такой уверенности.

Гретта подняла глаза на расселину, прикидывая расстояние. Потом попятилась: сначала на один шаг, затем на второй. Подхватила свободный конец троса и с размаху бросила его в сторону. Трос лёг на выступ с острыми гранями. Гретта дёрнула его к себе, ощущая, как трясутся пальцы и как жёсткие волокна протираются сквозь ладони. Петля на конце зацепилась за камень у края провала. Гретта выбрала слабину до упора и упёрлась подошвой в отвесную стену.

В голове крутилась одна-единственная мысль: *«Только не подведи».*

Наверху поднялся шум. Кто-то кричал про правила, кто-то обвинял её в обмане, кто-то твердил, что она нарушила всё, что только можно.

Каменная пыль сыпалась ей под ноги, шершавый трос жёг руки и впивался в кожу, но Гретта не сбавляла темпа.

Вдруг петля сорвалась с камня, и опора исчезла. Гретту отбросило назад, но пальцы успели вцепиться в скользкую неровность. Ободранные ладони пульсировали от боли. Всё равно она не позволила себе ни передышки, ни отступления. Это испытание нужно было пройти до конца.

Край расселины подбирался мучительно медленно. Каждый сантиметр давался с боем: усталость тянула вниз, а измученное тело уже не просило, а требовало передышки. Наконец пальцы нащупали кромку. Гретта рывком подтянулась, перевалилась наверх и застыла на четвереньках, жадно глотая воздух.

— Вот это да! — радостно выкрикнул сверху Линн. — Наша королева скал добралась!

— Поднимайся и покажи им, на что ты способна! — подхватила Ниам.

Собрав последние силы, Гретта поднялась на ноги. Колени дрожали, грудь будто полыхала огнём, но она всё ещё стояла. Дальше возвышался гладкий гранитный выступ: десять футов почти отвесной стены с мягким изгибом, словно стенка огромной чаши.

Она достала самый тяжёлый кинжал, и на лезвии вспыхнул солнечный блик. Гретта вытерла лоб тыльной стороной ладони и уставилась на вершину. Ноющие плечи? Не важно. Саднящее колено? Забудь. Ладони, стёртые в кровь? Ерунда. Оставалось только добраться до верха.

Она с силой загнала клинок в трещину. Кинжал вошёл по самую рукоять, и Гретта повисла на одной руке. Плечо прострелило болью, и она зашипела сквозь зубы. Свободной рукой она вцепилась в неровный выступ, упёрлась ногой в рукоять и подтянулась. Потом перехватилась выше, носком нашарила углубление и последним рывком выбросила тело на ровную площадку.

Какое-то время Гретта лежала не двигаясь. Щека прижималась к холодному граниту, а в ушах грохотал пульс, заглушая всё остальное. Затем она подползла к краю, перегнулась вниз и выдернула кинжал из трещины. С лезвия посыпалась каменная пыль, пока она убирала его в ножны.

Сухой ветер приносил запах пыли и выгоревшей травы. Внизу лежала чаша Болди, а за ней тянулся весь пройденный путь: развороченная осыпь, свежие царапины на скале и бурые пятна крови там, где её било о камни над пропастью.

Чьи-то руки подхватили Гретту и крепко обняли. Она слегка повернула голову и увидела Ниам.

— Ты сделала это!

Всё, на что Гретту сейчас хватало, — это отдышаться и позволить себя обнимать.

Радостный шум прервал возмущённый крик Лизы Деборы:

— Это же откровенное пренебрежение правилами! Так нельзя даже по тем, которые мы ещё не успели придумать!

Гретта медленно обернулась, стараясь не делать резких движений. Лиза, давно прошедшая испытательный срок, стояла напротив Арчера и яростно размахивала руками. Лицо её пылало от гнева.

— Ну и что? Зато она всё прошла! — выпалил Линн, не выпуская Гретту из стальной хватки.

— Она работала кинжалом как ледорубом! — Лиза указала на неё пальцем. — В Кодексе чёрным по белому написано: во время испытаний оружие нельзя применять не по назначению. Она испортила снаряжение и получила несправедливое преимущество!

Губы Гретты дрогнули, и на лице появилась кривая усталая усмешка.

— Оскорблять бойца моего отряда я никому не позволю, — сказал Рик, шагнув вперёд и заслонив её собой. — Это решит командир.

Он отошёл ровно настолько, чтобы Гретта и Лиза оказались друг напротив друга. Напряжение между ними было таким плотным, что воздух, казалось, вот-вот загудит.

— Гретта?

Голос Арчера разом собрал на нём все взгляды. Он держал стилус над планшетом и смотрел на Гретту с лёгким прищуром. Вежливо, но было ясно: ответа он хочет сейчас.

Гретта вынула клинок. Солнце заиграло на тусклом металле, подсветив зазубрины и следы грубой ковки, но само лезвие было целым.

— Этот клинок достался мне от семьи, поэтому он считается личным оружием. Согласно четвёртому разделу двенадцатой статьи, клинок феранора принадлежит ему безраздельно, и правила об казённом снаряжении Ордена на него не действуют.

Лиза глубоко вдохнула, собираясь вспыхнуть, но Гретта успела раньше:

— К этой статье есть приложение с чёткой оговоркой. Феранор вправе пользоваться клинком по своему усмотрению, если это не вредит другим участникам и не портит имущество Ордена. — Она слегка приподняла оружие, показывая ровное лезвие без единой трещины. — Никто не пострадал, снаряжение в порядке. Объясните, в чём именно вы видите нарушение.

Лицо Лизы побагровело. Вместо слов из её горла вырвался только сиплый, сдавленный звук.

Арчер перевёл взгляд с Гретты на Лизу.

— Понимаете, мисс Дебора, — протянул он, лениво постукивая стилусом по планшету, — в бою гибкое мышление стоит дороже десятка вызубренных пунктов. Умение анализировать, знаете ли, многое меняет. Если коротко, Лоран вас переиграла. Жёстко, красиво и, что особенно обидно, со ссылкой на первоисточник. Я бы поаплодировал, но не хочу окончательно добивать вашу гордость.

— Это дешёвая казуистика! Вы просто цепляетесь к формулировкам! — выплюнула Лиза, и вместе со словами у неё брызнула слюна.

— Цепляюсь, — спокойно согласился Арчер. — Но сработало именно это. Разница между вами проста. Мисс Лоран прочла Устав и, по-моему, поняла его. Вы же, судя по всему, пользовались им как подставкой под чашку.

Лиза развернулась так резко, что чуть не упала на камнях, и зашагала прочь. Гретта убрала клинок в ножны, опустила руки и закрыла глаза. Только сейчас она поняла, как сильно болит всё тело.

— Гретта.

Голос Арчера раздался совсем рядом.

— У тебя идёт кровь.

Командир не отрывал взгляда от её ладоней. Гретта посмотрела вниз и увидела, как с пальцев срываются тяжёлые алые капли и сразу впитываются в серую каменистую землю.

Арчер подошёл ближе, доставая что-то из кармана и склонил голову набок:

— Решила, что защитные перчатки нужны только простым смертным? — Улыбнулся он. — Что ж, за всё надо платить: либо за усвоенный урок, либо за самоуверенность.

Боль, которую до этого удерживали адреналин и злость, вырвалась наружу. Она накатила жаркой тягучей волной и забилась в такт сердцу.

Арчер взял её ладонь и поднял, его прохладные пальцы быстро заскользили по израненным ладоням Гретты, туго затягивая самодельную повязку. Ниам, подбежавшая к ней, не замолкала ни на секунду: то громко подбадривала тех, кто всё ещё лез по скале, то сокрушалась из-за ран подруги.

Гретта молча наблюдала, как последние участники одолевают проклятый склон.

Дошли все. Каждый из них. И она сама, прежде всех.

***

Штаб Совета в Беверли-Хиллз производил подавляющее впечатление. Гретта ступила на холодный гранит, окинула взглядом стальные двери и мгновенно вспомнила штаб Сент-Эмерода, где её мать руководила коалицией фераноров. Напротив входной арки висело тканое панно. Гретта задержала на нём взгляд и почти наверняка определила: это редкая работа лагунийских мастеров.

Главный комплекс Ордена, располагался в Банкер-Хилл в центре Лос-Анджелеса. Сначала Гретта не могла поверить, что главную цитадель вот так просто можно скрыть в деловом квартале на Уилшир. Снаружи не было ни намёка на секрет: строгие стеклянные башни, соединённые между собой переходами, растворялись среди таких же офисных зданий. Любой прохожий увидел бы лишь очередной коммерческий район, «корпоративное сердце» огромного города. Потом Гретта разобралась: так прятались все комплексы Орденов и все штабы Совета,

это стало их фирменным приёмом. По всему миру в кварталах ифритов за обыденными фасадами скрывались такие же неприступные опорные пункты.

Ниам молча приложила палец к губам, коротко кивнула и жестом велела Гретте встать между ней и Китом.

— Начнём с того, о чём все и так думают, — раздался голос пожилого мужчины.

Он сидел во главе длинного стола, пересекавшего весь двухэтажный зал. Запоминался он сразу: один глаз закрывала повязка, острый нос напоминал клюв хищной птицы. На висках волосы поредели, и седина лишь подчёркивала лицо, изборождённое морщинами. Мужчина расслабленно развалился в кресле, сложив руку на круглом животе.

За столом, рассчитанным на тридцать человек, сидели всего восемь. Они расположились в ряд и демонстративно отвернулись от входа, словно не желали замечать происходящее у двери.

Тем временем Рик неторопливо расхаживал перед советниками, полностью погрузившись в изучение карты континента. Она занимала целую стену. Карта в зале для брифингов была чуть больше, но и эта выглядела не менее внушительно.

С другой стороны карты стоял Арчер, опираясь на спинку тяжёлого кресла, и поочерёдно оглядывал присутствующих. Гретта обратила внимание на тени, пролёгшие у него под глазами, но усталость, как ни странно, лишь заостряла его черты.

— Консулар Дрейвен, — сказал Арчер, — вы с явным пафосом пообещали сообщить нам что-то очевидное. Так не томите. Поделитесь, пожалуйста, своим великим открытием с теми, кто попроще.

Кит, почти не шевеля губами, наклонился к Гретте и прошептал:

— У них заседание Ассамблеи Ордена. Кворум — пять человек из семи, потому что собрать всех сразу практически невозможно. А чтобы принять решение, хватит и четырёх голосов.

Гретта отложила услышанное в памяти с пометкой «важное» и так же тихо спросила:

— Нас не попросят уйти?

Ниам усмехнулась одним уголком рта, почти незаметно:

— Здесь любой может посмотреть спектакль. Сегодняшняя постановка называется «Конец света уже близко, и как красиво его отменить».

— Отступление — единственный путь, который не упирается в могилу, — заявил Торвин Рейнхарт, опершись руками о столешницу. — Если останемся на месте, враг пошлёт за нами отряды. Зато у нас есть фераноры, и их достаточно, чтобы...

Договорить ему не дали. Невысокая женщина прищурилась и произнесла:

— Пока мы сидим в укрытии, союзников у нас не прибавится.

Смотрела она при этом не на Торвина, а на Арчера.

Арчер медленно потёр переносицу: то ли действительно устал, то ли скрывал улыбку. Потом он посмотрел на неё.

— Ария, — спокойно сказал он, — давай без бухгалтерии. Лучше объясни, что мы можем сделать уже сегодня.

Торвин хлопнул по столу:

— Без бухгалтерии?! Прекрасно! Наберём ещё сотню оборванцев и скажем им прямо в лицо: «Рады вас видеть! Оружия, правда, нет: кузницы лежат в руинах, а магия светоча, который наполняла оружие силой, почти иссяк. Зато Зверю достанутся свежие рекруты».

Тишину прервал грузный седобородый мужчина. Он машинально наматывал кончик бороды на палец.

— Что слышно от Сантара?

«Сантар», — подумала Гретта. Она перебрала в памяти все родословные Альентара, но не нашла ничего похожего. Этого имени не было ни среди списков разорённых усыпальниц,

ни в торговых книгах. Так называют людей на другом побережье, а к югу от хребта подобные имена не прижились. Откуда же он появился?

— Каналы давно пересохли, — отрезал Рик.

— Каналы... — Делайна Фергюссон усмехнулась сухо, не меняя выражения лица. Она была высокой блондинкой со стрижкой до подбородка, и светлые волосы почти сливались с алебастровой бледностью её кожи. — Сантар хорошо запомнил, что ты наговорил ему в июле прошлого года, Арчер. Ты выставил его дураком перед всеми казначеями. Или уже забыл?

Арчер слегка склонил голову набок.

— Я говорил это тогда и повторю сейчас: казначей ничего не раздаёт, он только копит. Максимум его щедрости — позволить посмотреть на собрание сокровищ издалека, да ещё и не дыша.

Делайна сузила глаза:

— И что дальше? Просто не обращать внимания на его «последнее слово»? Это не спор, а тихая вендетта, которую он нам объявил.

— Именно, — без паузы ответил Арчер. — Последнее слово. Точка, которая обрывает любой разговор. А я не выношу, когда последнюю точку ставит торгаш. Его предложения мне безразличны в принципе.

— Но решение нужно принимать сейчас, — в голосе Торвина уже откровенно звенела тревога. — Если за год мы не вооружим Орден так, чтобы клинки хотя бы оцарапали Зверя, все наши громкие планы превратятся в пафосный некролог. Демоны сомнут нашу оборону без особых усилий.

У Гретты внутри всё оборвалось и ухнуло вниз. *«Год? Всего один год?»*

Гаррет Келмор обвёл собравшихся взглядом.

— Я работаю над другими способами напитать оружие силой, — сказал он. — Но, судя по тому, как идёт обсуждение, я, кажется, перепутал зал. Здесь, похоже, соревнуются, кто лучше говорит и кто убедительнее гадает впустую, а я, по простоте душевной, пришёл на деловую встречу.

Пожилая женщина скрестила руки на груди:

— Раз падение всё равно неизбежно, не пора ли перестать смотреть в бездну и наконец призвать Небесный порядок?

Гаррет поморщился.

— И что же мы, по-твоему, делали все эти годы? Просто наслаждались закатами? Запустить Энкратис — не пальцами щёлкнуть. И ещё одно: от Архитекторов пришла весть, которую лучше бы мы не получали. Та самая троица, которой все поклонялись как Извечным, оказалась обычными самозванцами. Или вот давайте поговорим о другом: отправим запрос по каналам между пространством и временем. Может быть, жители других миров окажутся более сговорчивыми, чем мы. Например Элевасса. Если Зверь угрожает всем мирам сразу, они, вероятно, согласятся действовать вместе с нами и поделятся артефактами, способными напитать наши клинки.

Арчер поднял глаза.

— Мы это уже обсуждали, — произнёс он. — И я не понимаю, зачем возвращаться к очевидному. Даже если мы получим чужие безделушки, никто не гарантирует, что в нашем мире они не превратятся в бесполезный хлам. Это не план, а лотерея за наш счёт.

— Что ж, — Торвин медленно оглядел всех присутствующих, — единодушие, я погляжу, полное. Вооружить Орден нечем. Остаётся сидеть тихо и ждать, пока Зверь сам до нас доберётся. Отличный план, ничего не скажешь.

***

Гретта уже почти провалилась в сон, когда сверху донёсся всхлип. Похоже, там кто-то яростно… выяснял отношения. Затем послышался приглушённый стон, резкий вскрик, и

прямо над её головой заходила ходуном кровать: ритмично, монотонно, до тошноты настойчиво.

Терпеть это было невозможно. Гретта вышла на балкон, чтобы хоть немного прийти в себя. Прохладный ночной воздух ударил в лицо и быстро выдул из неё злость. Она облокотилась на перила и стояла, глядя в темноту, пока время не потеряло всякое значение. Наверху наконец стихло, и всё вокруг окутала глубокая тишина.

Гретта уже собиралась вернуться в комнату, но что-то её остановило, и она глянула вниз.

У стены жилого корпуса шевельнулась чёрная фигура. Она быстро метнулась к старому раскидистому дереву и растворилась в тени под листвой. Гретта изо всех сил всматривалась, но с такой высоты контуры расплывались, и разглядеть внизу что-либо толком не получалось.

Зато почти сразу до неё долетели обрывки негромкого разговора. Под деревом определённо кто-то был, и вышел он туда явно не затем, чтобы подышать воздухом. Кто станет встречаться тайком посреди ночи, если ему нечего скрывать?

Мысль, которая начала оформляться у неё в голове, показалась Гретте глупой, и она мысленно отругала себя. Спуститься, подслушать, незаметно уйти. Чистое безумие, затея с непредсказуемым исходом. И всё же любопытство взяло верх, а осторожность отступила.

Пока Гретта спускалась по лестнице и выходила на улицу, ей не попалось ни одной живой души. Она мысленно поблагодарила судьбу, которая в подобных случаях любила поворачиваться к ней спиной. Но внутренний голос, ворчливый и беспощадный, не унимался: если люди шепчутся о чём-то в такой час, добром это не кончится.

Бесшумной тенью она обогнула широкую стену корпуса и замерла, превратившись в слух. Убедившись, что слова можно разобрать, Гретта шагнула за угол и спряталась в густой темноте под ветвями.

— Погоди! Мы так не договаривались! Я думал, с меня уже хватит, — в голосе первого дрожала паника, и говорил он торопливым, лихорадочным шёпотом.

— Мы не затем тащились через полстраны, чтобы ты в последний момент струсил! Попробуешь сбежать, и я тебя прирежу, ясно? — прорычал второй.

Гретту будто окатили ледяной водой. Этот голос она узнала мгновенно: Райан Феллмер, сомнений быть не могло.

— А ты точно уверен, что игра стоит свеч? Столько возни из-за какой-то девчонки, мы просто теряем время, — вмешался третий.

Чтобы убедиться наверняка, Гретта на секунду выглянула из укрытия. Теперь всё сошлось: Райан и трое незнакомцев. Она тут же юркнула обратно.

Четверо мужчин один за другим прошли буквально в паре шагов от неё, и в лунном свете холодно блеснули длинные клинки. Рука Гретты сама скользнула к поясу и нащупала рукояти трёх кинжалов. Только что они значат против четырёх настоящих мечей? С таким арсеналом лучше сразу идти на железные прутья с перочинным ножиком. Она с горечью призналась себе, что плохо управляется с тяжёлым оружием и в открытом бою безнадёжно уступает этим здоровякам.

— Я свою часть выполнил, Райан, — в голосе первого слышалась едва сдерживаемая обида. — Всё сделал, до мелочей! Нужно было подбросить документы? Подбросил. Убедить нужных людей, что ей позарез необходимо ехать в этот чёртов Лос-Анджелес? И это сделано, причём без единого сбоя!

— Заткнись и хватит ныть, — холодно оборвал его Райан. — Твоя работа закончена, спору нет. Но до конца ещё далеко.

— Ты тут не один горбатился, — огрызнулся третий. — Босс захотел проверить, что она за птица, и мне пришлось топать к хранительнице закрытого архива. Ты вообще в курсе, что эта девчонка, судя по всему, умеет предвидеть будущее?

— Какая из неё провидица, балбес! — вспыхнул Райан. — Хотя кое-какие странности за ней действительно есть.

«О ком вы, чёрт возьми?!» — мысленно взвыла Гретта и сжала кулаки так, что побелели костяшки.

— Если нас тут застукают, нам крышка, — пробормотал кто-то из четверых, тревожно озираясь.

— Тогда помалкивай и не неси ерунду, — с издёвкой бросил Райан. — Сейчас она ничем не выделяется. Но что делать дальше, вы прекрасно знаете.

Он достал из-под одежды крохотный флакон. Даже в слабом лунном свете Гретта разглядела внутри мерцающее молочно-белое сияние.

— Ты сошёл с ума, Райан! — взвизгнул первый. — Грязная работа вечно достаётся мне. Ты всерьёз хочешь, чтобы я лез к ней по стене с этой дрянью?!

— Придумай что-нибудь получше, — Райан криво ухмыльнулся, вертя флакон в пальцах. — Хотя, Фадей, дружище, лифт у нас, между прочим, работает исправно.

— Ты издеваешься? — Фадей вскинул руки, будто сдаваясь перед лицом такой нелепости. — Нас раскусят мгновенно! Стоит подойти к ней поближе, как поднимется шум, и Керриган выпустит нам кишки, не дав и слова сказать.

— Это отговорки труса.

— Да ничего подобного!

— Именно так и есть. Ты трус, — отчеканил Райан с ледяным, почти скучающим спокойствием. — Вал, сделай одолжение…

— Понял, — коротко отозвался Вал и тут же растворился в темноте.

— Фадей, твоей сестре я вредить не собирался. Свою часть она сделала отлично, — продолжил Райан подчёркнуто мягким тоном. — Всё прошло гладко, и это радует. Передай ей мою благодарность. Но сколько раз мы пытались поймать эту девчонку, и всё впустую! А теперь она сама лезет в капкан, да ещё с таким рвением.

— Вы опять собираетесь нас использовать?! — взорвался Фадей. — Хватит! Я выхожу!

— А в договоре, в пунктах мелким шрифтом, ничего не говорилось о, скажем так, форс-мажоре? — вставил третий, скрестив руки на груди.

— Этот форс-мажор касался лишь твоей драгоценной шкуры, — ледяным тоном отрезал Райан. — Закончишь, когда выполнишь всё, о чём мы условились. И не раньше.

Сзади сухо хрустнула ветка, и ночную тишину как ножом разрезало. Обернуться Гретта не успела: чьи-то пальцы вцепились ей в плечи, а другая ладонь плотно закрыла рот. Она рвалась, колотила кулаками невидимого врага, пыталась укусить его за руку, но всё без толку. Её без жалости поволокли вперёд, туда, где под деревьями в неверном лунном свете темнели три фигуры.

Хватка вдруг ослабла, и Гретту швырнули на землю. Она успела выставить руки, но приземлилась всё равно тяжело и глухо. Лодыжка хрустнула, и по ноге полоснула ослепительная боль. Ничего хорошего это не предвещало.

— Видишь, Фадей? — протянул с усмешкой Райан. — Лазить по стенам не пришлось. Всё само сложилось лучше некуда.

— Ты знал заранее?! — выдохнул Фадей, побледнев.

— Скорее, предполагал, — Райан лениво пожал плечами и пошевелил пальцами в воздухе. — Спасибо, Вал.

Вал, тот самый здоровяк, что выволок Гретту из укрытия и швырнул на землю, молча кивнул.

— Ну что, Лоран, — Райан опустился перед ней на корточки, а остальные по его безмолвному знаку отступили на шаг. — Дела у тебя, похоже, плохи. Согласна?

— С чего это? — отозвалась Гретта.

— Вокруг ни души, а твоего главного защитника и подавно. Надеешься выкрутиться? Я бы на твоём месте не рассчитывал. Честно говоря, тебе не стоило сюда соваться.

«Не стоило — это мягко сказано. Я влипла по уши», — пронеслось у неё в голове, но лицо осталось спокойным.

Уголки её губ дрогнули в лёгкой усмешке. Может, самое время показать, насколько они ошиблись, сочтя её слабой?

Райан на миг замешкался, а его подручные всё ещё стояли у него за спиной. Этого оказалось достаточно: Гретта вскочила и рванула к главному входу центрального корпуса, не обращая внимания на боль в лодыжке. Уже на бегу она обернулась и увидела, как Райан выхватил клинок и с яростным рёвом бросился за ней.

Не раздумывая, она сунула руку к поясу. Первый кинжал со свистом рассёк воздух и вошёл Райану в правое плечо по самую рукоять. Меч выпал из его ослабевших пальцев, сам он рухнул на землю и закричал, и ярость в этом крике быстро сменилась невыносимой болью.

«Для начала неплохо», — мысленно похвалила себя Гретта.

Вал и Анри уже неслись следом, быстро сокращая дистанцию. Не сбавляя бега, Гретта метнула второй кинжал. Тот вонзился Валу в бедро и сбил великану темп, но не остановил его.

Фадей широко замахнулся мечом, целясь ей в шею. Гретта скользнула вбок с той гибкостью, которую вырабатывали месяцы тренировок, выхватила очередной клинок и резко полоснула его по рёбрам. Лодыжка при этом жестоко напоминала о себе: ни пнуть, ни сделать нормальный выпад не получалось, и теперь всё решало одно лишь мастерство обращения с клинками. Фадей пришёл в себя на удивление быстро, развернулся и нанёс удар ей в живот. Этот выпад поставил бы точку в схватке, не успей она в последний миг пригнуться.

— Что за чертовщина?! — выпучил глаза Вал.

— Она мне плечо раздробила! — орал Райан, безуспешно пытаясь подняться. — Рука совсем не слушается!

Гретта улыбнулась, и в этой улыбке было не только удовольствие от меткого броска.

— Никакого секрета тут нет, — бросила она, шаря рукой по земле в поисках выпавшего клинка. — Если знаешь анатомию, хватит одного точного попадания.

— Прикончите её! — рявкнул Райан, прижимая к груди искалеченное плечо. Он попятился, шатаясь, и бросил Фадею флакон с мутной молочной жидкостью. Тот поймал его на лету, точно дрессированный пёс.

«Мерзкий трус», — вспыхнуло в голове у Гретты.

Вал рубанул мечом сверху вниз. Она рванулась в сторону, но лодыжку прошило такой болью, что на миг перед глазами всё побелело. Стиснув зубы, Гретта извернулась и всадила клинок великану в бок. Не теряя инерции, она тут же развернулась и с хрустом впечатала локоть в челюсть набегавшему Фадею, точно поймав момент его броска.

— Дрянь! — прохрипел Вал, зажимая рукой рану, из которой лилась кровь.

— Обожаю твой лексикон, — усмехнулась Гретта. Пока Фадей замешкался, она метнула кинжал, и тот вошёл ему в бедро. — Целая симфония отборной ругани, честное слово.

— Хватайте её! — завопил Фадей. Ему досталось меньше, чем Валу и Райану, но и он уже кривился от боли. — Вал! Анри!

Так она узнала имя третьего: Анри. Только какая польза от этого знания, если через минуту её, скорее всего, убьют?

Вал, которому надоело возиться с раной, бросился на неё всем весом. Он заломил ей руки за спину, стиснул запястья мёртвой хваткой и вывернул их так, что Гретта невольно вскрикнула. Пальцы разжались, клинки упали на землю. Спустя миг она уже стояла на коленях в холодной грязи перед Фадеем. Она дёргалась, извивалась ужом, пытаясь хоть чуть-чуть ослабить хватку, но всё напрасно.

— Быстрее, чтоб вас всех! — рявкнул Райан.

Фадей трясущимися руками вытащил пробку и неуверенно поднёс флакон к её лицу.

— Идиот! — Райан выхватил у него флакон. — Всё самому приходится делать! Анри!

Анри тут же оказался рядом. Он грубо стиснул ей челюсти и заставил открыть рот. Гретта билась и кричала, но Райан уже прижал горлышко флакона к её плотно сжатым губам. Анри намотал её волосы на кулак и рывком запрокинул ей голову. Обжигающая жидкость хлынула в рот.

Её отпустили. Гретта рухнула на четвереньки, закашлялась и принялась жадно, рывками хватать воздух.

— Анри, — в голосе Райана звучало нетерпение. — Давай, зови его.

Ночь пронзил долгий, тоскливый вой. Гретта, опираясь на дрожащие руки, подняла голову. Вой оборвался, и на смену ему пришли другие звуки: глухой топот множества лап и низкое гортанное рычание, похожее одновременно на звериный рык и на далёкие раскаты грома.

Гретта застыла. Горячее влажное дыхание обожгло ей шею. Справившись с ужасом, она медленно повернула голову.

Прямо перед её лицом стояло существо, которому не нашлось бы места ни в одном справочнике чудовищ.

Это был чудовищный гибрид, словно собранный из кошмарных снов: пасть как у крокодила, туловище гигантской сороконожки, раздутый череп, густо усеянный плоскими чёрными глазами. Шипастый хвост мелко подрагивал, а десятки лап под тяжёлым телом сгруппировались для прыжка.

Гретта сдавленно вскрикнула, потеряла равновесие и повалилась на спину. Все четверо мужчин в тот же миг бросились врассыпную, а монстр прыгнул вперёд и вдавил её в землю огромными лапами.

— Какого дьявола тут происходит?! — взвился Райан, остановившись в стороне. Лицо его перекосило от злости, щека нервно подёргивалась. — Нам что, подсунули пустышку?

— Быть не может! — отрезал Анри, взмахнув руками. — Я лично контролировал каждый этап приготовления!

— Тогда почему эта дрянь всё ещё жива?! — голос Райана сорвался на визг. — Умбранакс должен был подействовать! И почему твоя тварь тормозит?

— Откуда мне знать?! — огрызнулся Анри.

Чудовище отвлеклось на их перепалку, и давление на Гретту чуть ослабло. Она вывернулась и вскочила на ноги. Когда четверо мужчин разом обернулись, она уже стояла на поляне, так вцепившись в клинки, что побелели пальцы. Она пригнулась, подобралась и выставила оружие перед собой. Против такой громадины это выглядело почти отчаянной попыткой защититься.

— Уходим! — прошипел Райан, и все четверо молча разбежались в разные стороны, растворившись в темноте.

Гретта рванула к тропе, которая вела под защиту цитадели, но этот рывок лишь раззадорил чудовище. С жуткой, неестественной лёгкостью оно взметнулось по стене над аркой, впиваясь когтями в камень, точно гигантский паук. Пасть медленно раскрылась, и с клыков, острых, как обсидиановые осколки, потекла вязкая зеленоватая слюна. Длинный угольно-чёрный язык то выскальзывал наружу, то прятался обратно, а в шипении слышались булькающие перекаты, похожие на речь. Гретту пронзила леденящая догадка: тварь умеет говорить.

— Детёныш… — прошелестел голос. — Мясо… красная влага… пища… пи-и-ища…

Чудовище не спеша поползло вниз по арке. Едва когтистые лапы коснулись земли, оно сорвалось с места. Гретта бросилась к декоративному пруду, обложенному гладкими валунами, схватила камень и швырнула его прямо в надвигающуюся морду.

Булыжник глухо ударился о чешуйчатую броню и отскочил на гравий, не оставив даже царапины. Монстр пёр вперёд неудержимой громадой. Под десятками лап хрустел растираемый в крошку щебень, и всё вокруг заполнилось зловещим шипением.

— Мозг из костей… высосу, кровь… выпью до капли… — мурлыкало чудовище, подбираясь всё ближе.

Гретта пятилась, пока не упёрлась спиной в холодную стеклянную стену.

«В тебе спрятана сила. Выпусти её сейчас же! — резко прозвучал в голове женский голос. — *Времени совсем нет!»*

Чудовище прыгнуло и сбило Гретту с ног. Она упала на спину, и удар о жёсткую землю отозвался острой болью в плече и затылке. Она попыталась откатиться, но тяжёлая туша прижала её к земле.

— Голод… ужасный голод… — прохрипела тварь, раскрыв пасть почти у самого её лица. — Нельзя… но так хочется тебя съесть… Ты такая вкусная…

От зловонного дыхания, пропитанного запахом свежей крови и гнилого мяса, Гретту замутило.

— Хозяин узнает… накажет… — бормотал монстр, скаля зубы, острые как бритвы.

Она была на грани обморока, но всё же высвободила руки и из последних сил ударила тварь по морде, в самое скопление плоских чёрных глаз.

«Вот бы ослепить его», — горячечно мелькнуло в голове.

«Так сделай это!» — приказал голос, не допуская ни малейших сомнений.

Челюсти сомкнулись над ней, и вокруг стало совсем темно. Гретта вцепилась в чешуйчатую шею, и в ту же секунду тело наполнила чужая, дикая энергия. Будто глубоко внутри с грохотом распахнулась дверь, о существовании которой она даже не подозревала. Кожа на руках засветилась белым, и свет пульсировал в такт бешено бьющемуся сердцу. Гретта смотрела на него с испугом и вместе с тем со странным заворожённым интересом. Густая горячая слюна твари стекала по её запястьям и капала на лицо.

Откуда-то сбоку донёсся вопль, и лишь через мгновение Гретта поняла, что кричит сама. Мысли путались: что за сила в ней проснулась? Кому принадлежит этот холодный властный голос?

«Разберёшься потом. Сейчас двигайся!» — рявкнул он, не оставляя места сомнениям.

Монстр вдруг отпрянул и низко, гортанно зарычал. Он запрокинул морду, и горло у него судорожно задёргалось, словно он силился проглотить что-то огромное и твёрдое.

«Сейчас он сожрёт меня живьём!» — вспыхнула паническая мысль.

Но вместо этого тварь забилась в агонии. Тяжёлое тело рухнуло наземь, десятки лап беспорядочно замолотили воздух. Из пасти хлынул поток чёрной маслянистой жижи и растёкся по камням блестящей лужей.

Тяжело дыша, Гретта поднялась на колени и, волоча больную ногу, поползла по каменной дорожке прочь от издыхающего чудовища. До поворота к главному входу оставалась пара метров.

«Вперёд!» — приказ прозвучал так резко, что она не сразу заметила разбитое окно в конце коридора. Сквозь узкий подоконник просачивались две твари. Они не лезли, а скорее перетекали: бесформенные тёмные сгустки с короткими недоразвитыми конечностями, которые то втягивались в тело, то снова проступали наружу. Гретта ощутила, что те её заметили, хотя глаз у них, похоже, не было. Она навалилась плечом на третью дверь слева и ввалилась в комнату.

Гретта вскрикнула: прямо перед ней стояло ещё одно чудовище и тут же повернулось в её сторону. Морду покрывали мелкие глазки, а посередине зиял широкий рот с зубами и безвольно висящим языком. Тело выглядело грузным, но гибким. Лап у него было не меньше шести, без когтей, зато сплошь утыканных острыми шипами.

«Всё хорошо».

Сама Гретта в это почти не верила, но внутренний голос упрямо твердил своё: бояться нечего, она справится. А что ей оставалось? Вот только поверить было трудно: прогнать такое существо ей явно было не под силу.

Монстр словно колебался, стоит ли вообще нападать. Его взгляд медленно метался между Греттой и окном: стоило ему повернуться к проёму, как из пасти вываливался длинный влажный язык, а когда глаза возвращались к девушке, язык убирался обратно. Гретта застыла, следя за каждым движением твари. Ей нужен был хоть какой-нибудь знак, намёк на то, что делать дальше.

«Не бойся. Подойди».

Что за чепуха лезет в голову?

Существо неторопливо шагнуло к ней. Гретта отступила на пару шагов, и тварь ускорилась. Неужели оно читает мысли? Какой абсурд!

«Ко мне».

«Нет, только не к ней!»

Почему её собственные мысли вдруг спорят друг с другом?

Две бесформенные твари подобрались уже вплотную. Не зная, куда бежать, Гретта пятилась чисто на инстинктах, пока спина не упёрлась в преграду. Не спуская глаз с чудовища, она нащупала за плечом дверную ручку. Значит, тут была ещё одна дверь. Хотя, насколько она помнила, справа от окна располагались только две подсобки. А может, от страха она просто сбилась со счёта.

Она рванула ручку и влетела в незнакомый кабинет на первом этаже. Закрыть дверь не получилось: в щель мгновенно просунулось несколько лап, и тварь полезла следом. Гретта лихорадочно искала взглядом что-нибудь тяжёлое, чтобы привалить дверь.

Глаза выхватывали предмет за предметом: кое-как застеленный диван, над ним пробковая доска с пришпиленными записками, слева закрытое окно и стол, заваленный книгами, справа высокий шкаф. Бедром она задела комод. В узком проёме между ним и длинным столом стояло что-то громоздкое, накрытое тканью, размером примерно с ту доску над диваном. Вокруг в беспорядке валялись чьи-то вещи.

Монстр ворвался в кабинет. Гретта метнулась в сторону, налетела на комод и упала, но в падении успела ухватиться за ткань, скрывавшую тот самый предмет. Тварь не сводила с неё глаз и нетерпеливо перебирала лапами. Краем глаза Гретта увидела, как в комнату протискиваются остальные бесформенные существа.

К горлу подкатили рыдания. Ей хотелось лишь одного: чтобы этот кошмар кончился. Она ползла назад, а чудовище надвигалось, сокращая расстояние. Пальцы наткнулись на что-то острое. Она быстро нащупала лезвие, перехватила находку и сжала рукоять. Только через секунду до неё дошло: это охотничий нож. Не раздумывая, Гретта выставила клинок перед собой. Тварь замерла, будто отпрянув от одного этого резкого движения. Гретта торопливо обвела комнату взглядом, и детали вдруг проступили чётче, хотя темнота никуда не делась. Глаз зацепился за футболку с непонятным принтом.

Где она? Мысли спутались. Это сон. Жутко реалистичный, но всё-таки сон. Стоит открыть глаза, и всё растает.

«Повернись налево, — велел голос в голове.

Гретта уже не понимала, её ли это собственный голос, порождённый страхом, или рассудок так пытается убедить её, что вокруг лишь дурной сон. Она окончательно запуталась и не надеялась выбраться. Но, к своему удивлению, всё же повернула голову налево. Ткань сползла на пол, и под ней обнаружилась картина. Гретта успела разглядеть бушующее пламя, пожирающее деревню за морем, и маленькую надпись у рамы: «Ботуза». И тут тварь прыгнула. Не думая, Гретта ткнула ножом вперед и завалившись на левый бок, прижала ладонь к холсту.

Сердце замерло. Потом стукнуло ещё раз. И ещё. Тело осталось целым.

С трудом приоткрыв веки, она глянула сквозь растопыренные пальцы. Чудовища исчезли. В комнате по-прежнему было темно, но из дверного проёма лился тёплый свет. На полу виднелись следы слюны и мокрые отпечатки. У самых ног лежал охотничий нож.

— Гретта? — послышался низкий голос Арчера, а следом шаги. — Гретта, ты где?

Язык не слушался. Она подняла нож, сама не понимая зачем, тихо подошла к двери и осторожно выглянула в коридор.

— Сущее милостивое, — потрясённо выдохнул Арчер. — Как ты сюда попала?

В голове закрутился вихрь вопросов, виски сдавило. Нож выскользнул из ослабевших пальцев и звякнул об пол. Из глаз покатились слёзы, искусанные губы задрожали. Арчер тут же поднял раскрытые ладони, но Гретта покачала головой и прошептала:

— Мне всё это снится?..

— Гретта, посмотри на меня. Всё позади. Правда позади. — Он остановился, и голос его прозвучал непривычно мягко. — Прошу тебя, иди ко мне. Ты цела, слышишь? Больше тебе ничего не угрожает.

— Это сон, — твердила она, легонько похлопывая себя по щекам. — Такого не бывает.

Она взглянула на Арчера и медленно пошла к нему. В голове тут же загудел хор голосов, и каждый требовал ответа на свой вопрос.

Глава 4. Отель «Гранд Будапешт».

«Систему, которую в анналах зовут Преображением, создают из одного минерала — будь то неогранённый самородок или редкий кристалл. Этот единый камень разделяют на две заготовки: из первой выплавляют боевое орудие, из второй вытачивают чертильный стержень. Потом их вновь заключают в оболочку, похожую на всё тот же чертильный стержень, и дают имя Хризалис — Кокон Грядущей Формы. Первый телесный контакт с подлинным владельцем пробуждает Кокон: внутрь втягивается эссенция Ифрита — жаркое пламя эфира, и по его поверхности сама собой проступают санкты-руны, сплавляя клинок и владельца в единую цепь. С этого мига Кокон становится личным Рункристаллом — стилом, которым рыцари-фераноры чертят знаки прямо в воздухе или на коже. А оружие отныне дремлет в резервуаре и может быть призвано санктой призыва, хотя многие предпочитают носить его отдельно — клинок на поясе, кристалл в кармане. Рункристалл хранит слепок только одной души и не отзовётся ни на чужую хватку, ни на чужую кровь, оставаясь немым для всех, кроме своего истинного хозяина».

— из «Трактата о Неделимой Паре»,
составлено магистром-артефактором Орианом из Дома Четырёх Лучей,
1818 год Эры Рунических Восхождений, Альентар.

— Нет, так дело не пойдёт! — Арчер расхаживал по кабинету, и каждый его разворот выдавал кипящую злость. — Вчерашнюю ночь нужно засчитать как полноценный экзамен. Я не прошу. Я требую.

Верховный откинулся в кресле и усмехнулся:

— Любопытно. С каких пор ты хлопочешь о формальностях? Обычно в таких вопросах ты куда холоднее.

Арчер замер у стола, опёрся на него руками и посмотрел Гаррету в лицо.

— Дело не в формальностях. Она показала, что достойна и экзамена, и звания феранора. Мне казалось, спорить тут не о чем.

— Она покинула охраняемую территорию Штаба без разрешения и сама влезла в западню, — Гаррет не дал ему вставить слово. — Героизма в этом нет. Только глупость.

— Опрометчиво, согласен, — Арчер заговорил тише. — Но именно из-за этой опрометчивости мы узнали, что предатель сидит в самом Ордене. Пусть случайно, какая разница? О Фадее, Вале и Анри мы по-прежнему ничего не знаем, зато Райан Феллмер впервые за два года привёл нас к следу Синархов. А след нашла она, поставив на кон собственную жизнь.

Гаррет лениво повёл рукой:

— Те трое в Дикой Охоте недавно, и в настоящих боях почти не были. С Феллмером ты оказался прав, тут я признаю: он и впрямь служил «Семье», причём всё это время находился у нас под носом. Не даёт покоя другое: почему никто из нас ничего не заподозрил?

— Потому что он не прятал своих наклонностей, — Арчер невесело хмыкнул. — Любил драку и не скрывал, как ему нравится слышать, когда трещат чужие кости. У нас таких хватает, профессия накладывает отпечаток. Тяга к насилию ещё не делает человека сектантом, иначе половина Ордена давно сидела бы в одной камере с «Семьёй».

— Значит, поймать его ты собираешься лично? — Верховный подался вперёд, не отрывая от него взгляда.

— Ты сомневаешься? — Арчер вскинул бровь. — Разумеется. Найду где угодно, хоть на другом краю света. Никто не смеет её трогать… — он осёкся и на секунду умолк. — Он напоил её какой-то отравой. Ей чудилось, что пожиратели ползают по всем коридорам. Понимаешь, что это может значить?

— И всё же она выжила, — медленно произнёс Верховный. — Как так вышло?

Арчер на мгновение прикусил губу. Заметить это было почти невозможно, но именно эта мелочь выдала, как сильно он напряжён.

— Скорее всего, Феллмер хотел её убить, но что-то пошло не по плану. Может, неверно рассчитал дозу. Или… — он замолчал, словно подыскивал слова для догадки, которую не желал произносить вслух.

Гаррет едва заметно улыбнулся, будто всё понял:

— Ты за неё волнуешься.

Арчер выпрямился, и лицо его вновь стало привычно непроницаемым.

— Я отвечаю за каждого в своём отряде, — ровно сказал он. — Это моя работа, если ты вдруг забыл, и я стараюсь делать её хорошо.

— Конечно, — кивнул Верховный, но искорки в его глазах говорили, что он не поверил ни слову. — Ладно, убедил. Раз ты так настаиваешь, подпишу бумаги и засчитаю ночь как экзамен. Возможно, так даже лучше. Чем раньше она начнёт выходить на задания вместе с отрядом на законных основаниях, тем быстрее усвоит, что лезть под каждый удар не обязательно.

Лос-Анджелес. Ноябрь 2024 год.

Тяжёлая библиотечная тележка катилась перед Греттой сама собой, пока та шла по стеклянному переходу между крылом искателей и сектором целителей. Дальше дорога вела прямиком в здание, где обосновалась коалиция архивариусов.

В Хранилище горели светильники, заливая всё вокруг густым ровным светом, но Гретта смотрела на стены рассеянно, не замечая их. Стоило смотрителю увидеть её издалека, как он вскочил из-за стола, бросился к арочной двери и, упершись в неё спиной, распахнул створку до упора.

— Доброе утро, мисс Лоран, — пробасил он, пока тележка с грохотом въезжала через порог. — Осмелюсь заметить, вчера на дежурстве вас не было.

— Взаимно, господин Якобсон, — ответила Гретта, на ходу чуть не зацепив плечом косяк. — У меня внутри что-то взбунтовалось, так что пришлось дать себе выходной.

За дверью её встретил запах, который заменял ей цветущие сады: резкий дух старых пожелтевших рукописей, едкий спирт свежего клея для переплётов и тяжёлая чернильная горечь.

Читальный зал был огромным. Высоко над головой мраморные своды расходились лучами рёбер, а внизу от самого входа до противоположной стены тянулись длинные ряды исполинских шкафов. Гретта подкатила тележку к ближайшему столу и несколько секунд стояла неподвижно, разглядывая трещинки на мраморной столешнице и пылинки, плавающие в свете лампы.

За спиной тихо зашуршала ткань. Из полумрака вышла девушка, сбросила капюшон, и по плечам рассыпались тяжёлые волосы цвета светлого мёда. Гретта сразу заулыбалась.

— Мармион!

— Привет, Гретта, — улыбнулась та в ответ, и в её ярко-голубых глазах на миг заиграли блики от хрустальных сводов. — Знаешь, я ни секунды не сомневалась, чем закончится эта схватка. Ты выкарабкалась бы откуда угодно.

— Это ты про ночную стычку с пожирателем, неделю назад? — Гретта протиснулась боком мимо книги, выпиравшей из шкафа.

Мармион кивнула:

— Значит, учитель тебе достался толковый. И заодно видно, что ты включаешь голову, когда напротив настоящий голодный враг. — Она прикусила дрогнувшую губу, и вся светская лёгкость слетела с неё, уступив место тревоге. — Когда мне рассказали подробности, у меня всё внутри оборвалось. Тебя не задело?

— Ни одной царапины, всё благодаря моему командиру, — отчиталась Гретта. Потом помолчала и заговорила тише, будто признавалась в странной слабости. — Только вот, как ни дико это звучит, меня прямо распирает от счастья.

Мармион только округлила глаза.

— И тебя не мучает мысль, что всё это рано или поздно закончится катастрофой? — Она быстро огляделась и перешла почти на шёпот. — Ты понимаешь, о чём я.

— Есть немного, — признала Гретта. — Но когда привыкаешь, страх слабеет.

— Ну, раз ты так спокойна... — Мармион мотнула головой, по-прежнему не сводя с неё внимательного взгляда. — Тогда давай займёмся делом. Всё это нужно списать?

Гретта кивнула, вытащила из кармана сложенный лист и отдала его.

— Плюс несколько новых запросов от профессора Вельхейма.

Список она просмотрела ещё до завтрака, который в итоге пропустила, и, наверное, поэтому с самого утра у неё так сводило живот. Выматывающие тренировки с Арчером, бесконечные спарринги с Риком и занятия с Ниам, на которых они разбирали технологии и всё, что с ними связано, выжимали из неё все силы. Из-за этого в ней неожиданно проснулся зверский аппетит: еды ей теперь требовалось гораздо больше, и она съедала её куда быстрее, чем когда-либо раньше.

— Что-то ещё? — спросила Мармион, убирая сложенный листок во внутренний карман светло-бежевого камзола.

Может, дело было в тоске, которая среди книжных рядов вдруг стала сильнее, но слова вырвались у Гретты раньше, чем она успела подумать:

— Может, у вас где-нибудь в недрах затерялся сборник «Северные гимны»?

Ей вдруг отчаянно захотелось завернуться в плед, свернуться клубком и уйти в истории, которые она знала с тех пор, как научилась слушать.

Мармион нахмурилась, пытаясь что-то вспомнить.

— Нет, это название мне ничего не говорит.

— Это не научная работа, просто собрание легенд. Мы с отцом читали его вместе, не раз. Сюжеты там, честно говоря, мрачноватые, но в этом вся прелесть. — Она на секунду замолчала, подбирая слова. — Там про магию, про вечную войну тьмы и света, ну и всё в таком духе... Ты же понимаешь?

Гретта улыбнулась. Уж Мармион-то всегда разделяла её любовь к книгам, в этом можно было не сомневаться.

— Раньше мне эта книга не попадалась, но я поищу её вместе с остальным по твоему списку, — пообещала Мармион.

— С меня причитается, спасибо, — искренне сказала Гретта. И всё же она не упустила, как странно посмотрела Мармион, услышав название книги.

Гретта как раз начала всерьёз разбираться в собственном даре, или скорее пытаться понять его, и тексты вроде этих стали для неё жизненно необходимы: древние баллады-предостережения о том, что бывает с тем, кто раз за разом выжимает из себя силу до предела. Эти легенды, конечно, писались как страшилки с моралью, как поучительные истории в художественной обёртке. Но сколько бы старых альентарских хроник она ни перерыла, ни разу не наткнулась на случай, когда бы ифрит погиб от собственной мощи. Казалось, Извечные и Боги нарочно уберегли их от такой глупости.

Мармион молча кивнула, забрала тележку и скрылась между бесконечными стеллажами.

Подготовка материалов по заявкам, неважно, от наставников или от обычных фераноров коалиции, занимала обычно четверть часа, не больше. Но стоять и скучать Гретта не собиралась. Архивариусы сновали вокруг без остановки, иногда сразу по нескольку человек: вместе им было проще привыкать к роли будущих хранителей летописей всего континента. И вдруг Гретта поймала себя на том, что против воли вглядывается в каждое лицо под глубоко надвинутым капюшоном и ищет в нём черты человека, которого уже нет в живых. Своего отца.

«Тебе сейчас очень горько...» — раздался в голове тихий, едва уловимый голос.

«А ты пропала на несколько дней и даже не подумала представиться! — огрызнулась про себя Гретта. — *Согласись, со стороны выглядит не слишком вежливо».*

«Я ведь в какой-то степени часть тебя, и у моего отсутствия были причины. Мне самой нужно было отдышаться и прийти в себя, — в голосе невидимой собеседницы прозвучала вина. — *Прости мне эту скрытность. Меня зовут Кантафира».*

Гретта невольно сжала кулаки, пытаясь осмыслить происходящее.

«Кто ты такая? Как ты вообще оказалась у меня в голове?»

«Ну надо же, какая ты любопытная!»

«В моей голове сидит какая-то Кантафира, и ты хочешь, чтобы я вела себя вежливо? — в мысленных словах Гретты зазвенел сарказм. — *Не надейся. Тебе, по-видимому, досталась вот такая неудобная я, так что придётся отвечать на вопросы».*

«Ладно, не злись, ситуация действительно из ряда вон, — уступила та. — *Я постараюсь всё объяснить по порядку, хотя связного рассказа сходу не получится, дорогая».*

«Почему?» — насторожилась Гретта.

«Я ничего не помню. От памяти остались одни обрывки и смутные тени».

«Прекрасно. То есть ты что-то вроде бездомной, которая поселилась в моей голове?» — Гретта мысленно усмехнулась.

«И да, и нет», — ответила Кантафира и тут же приободрилась: — *«Но мы то с тобой со всем разберёмся».*

«Отличный ответ, и самое главное — в лучших традициях жанра. И, разумеется, кем ты была раньше, ты тоже не знаешь?»

«Не знаю, — с искренним сожалением сказала Кантафира.

Из-за поворота показалась Мармион. Она катила всё ту же тележку, которая теперь просела под грудой книг и плотных конвертов с почтой для наставников боевого крыла.

— К сожалению, твою книгу я не нашла, — сказала она и виновато развела руками. — Проверила даже картотеку, там её нет.

Гретта на секунду замерла. Хранилище коалиции архивариусов в Лос-Анджелесе славилось тем, что держало если не оригиналы, то хотя бы копии почти всего, что ходило по рукам в Альентаре. Не было там только настоящих раритетов и книг, попавших под цензуру. Почему же сборник старых легенд оказался среди запрещённых или редчайших? Гретта перебрала в памяти все месяцы своего ученичества у архивариусов и не вспомнила ни одной книги, хоть отдалённо похожей на «Северные гимны».

— Ничего страшного. Спасибо, что поискала, — улыбнулась она.

— А ты изменилась, — Мармион передала ей ручку тележки и чуть наклонила голову, разглядывая подругу. — Не к худшему, просто стала какой-то другой.

— Это всё тренировки, — объяснила Гретта и, помедлив, пожала плечами. — Иногда тяжело. Но в спаррингах я теперь намного быстрее.

— В спаррингах? — Мармион подняла бровь.

— Это боевые симуляции.

— Ах да. Вы же там друг друга колотите, — хмыкнула Мармион.

— Правда, у меня всё хорошо, — заверила Гретта. Но перед глазами сами собой встали другие картины: Дерек, который хватался за кинжал, стоило ей появиться, и Лиза, шарахав-

шаяся от неё при случайной встрече в коридоре. — Лучше расскажи, как у тебя. Ты нашла здесь то, чего искала?

— Нашла гораздо больше, чем рассчитывала, — в голосе Мармион прозвучало сдержанное торжество. — Всё оказалось масштабнее, чем я думала. Это даже слегка... пьянит. — Её губы тронула мягкая улыбка.

— Я очень за тебя рада.

— Вот ты меня тревожишь куда сильнее, — Мармион тяжело выдохнула, и лицо её потемнело. — Рейды ведь участились?

— Да, — кивнула Гретта. — Любой брифинг теперь начинается со сводок.

Сводки были как под копирку: ослабевшие щиты, прорывы тварей, благо только без смертей гражданских. Ифриты держали оборону и не давали случиться массовой бойне, но каждая новая сводка всё равно выматывала ей душу.

— Кстати, как поживает Эллиот? — спросила Мармион, когда они направились к выходу. — Вы хоть иногда видитесь?

Улыбка тут же сошла с лица Гретты.

— Почему ты вдруг заговорила о нём? — она вскинула бровь. — И с чего нам с ним видеться?

— Он же такой классный парень, — стала объяснять Мармион. — Внимательный, заботливый... В Ордене судачат, что ты ему очень нравишься. — Она вздохнула ещё раз. — Неудивительно. Ты красивая, он это сразу заметил. Похоже, влюбился без памяти.

— Нет, подожди, хватит! — Гретта выставила перед собой ладони, словно закрываясь от самой этой мысли. — Мармион, прошу тебя... — Она устало потёрла лоб. — Мы можем не говорить о таких вещах? Я о нём даже не думала.

— Значит, у тебя есть кто-то другой? — Мармион удивлённо вскинула брови.

— А с чего ты решила, что раз я равнодушна к Эллиоту, то обязательно влюблена в кого-то другого?

— Ой, да, ты права! — Мармион фыркнула. — Я переборщила, повелась на чужие сплетни. Обычно я на такое не ведусь, честно. Просто не удержалась.

— Проехали, — улыбнулась Гретта и махнула рукой. Она шагнула в дверной проём, который придерживала для неё Мармион.

***

На тридцать первом этаже, у камина, который отряд «Омега» без лишних формальностей считал своим, творилась настоящая суматоха.

Посреди дивана сидела главная героиня вечера, хотя слово «жертва» подошло бы не хуже. По бокам от неё устроились Ниам и Кит, оба в остроконечных колпаках с надписью «С Днём Рождения!». Линн и Рик расположились прямо на ковре и вскрывали коробки с пиццей: в вопросах еды они всегда были заодно. Арчер же с каменным лицом пристраивал на макушку Гретты бумажный колпак.

Со стороны всё это выглядело как дружное и очень тёплое безумие.

— Но.... — Гретта подняла палец, пытаясь собрать мысли. Арчер как раз склонился к ней, будто бы поправлял перекосившуюся надпись. — День рождения у меня вообще-то не сегодня.

Рик пожал плечами: нестыковки его никогда не смущали.

— Мы проявили похвальную расторопность. К сожалению, в рандомном супермаркете не предусмотрена эксклюзивная линейка колпаков с надписью «Гретте Лоран, официальный допуск к холодному оружию». Пришлось работать с тем, что подкинула вселенная.

— Ра... рандо... что ты сейчас сказал? — Гретта раздражённо мотнула головой, стряхивая прядь со лба.

Арчер, не отрываясь от дела, аккуратно заправил прядь ей за ухо и тяжело вздохнул: роль переводчика с языка Рика, как всегда, досталась ему.

— «Случайном», солнце. Он хотел сказать «в случайном магазине». Кросс, я тебя прошу, скажи хоть раз что-нибудь простыми словами. Говорят, это бодрит не хуже холодного душа.

Если бы взгляд мог испепелять, от Арчера осталась бы горстка пепла.

— А по-моему, её растерянность — самое милое зрелище, — невозмутимо заявил Рик и подмигнул Гретте. — Дружба, знаешь ли, дело жертвенное и предполагает небольшую долю жестокости.

— А нельзя было просто зачеркнуть то, что написано, и вписать нужное? — спросил Кит, всё ещё разглядывая колпак.

Рик расхохотался, но тут же осёкся: Арчер от души съездил ему по затылку.

— Вот она, квинтэссенция братства! — взвыл Рик, держась за голову. — Рукоприкладство и произвол!

— Это называется «получил по делу», Кросс, — пожал плечами Арчер, и даже не повернул головы.

— Гретта, это же исторический момент! — Ниам восторженно стиснула ладонь подруги. — Считай, у тебя второй день рождения. Так что колпаки тут не каприз, а обязательная программа!

— Ну да, конечно… — Гретта попробовала улыбнуться, но вышло неуверенно. — Только зря вы всё это затеяли…

— Что именно «зря»? — Линн подался вперёд.

— Да всё. — Гретта неопределённо махнула рукой в сторону коробок, ярких колпаков и ребят с кусками пиццы. — Мне правда приятно, но я как будто влезла в чужое выходное платье: тесно в плечах, и ужасно не по себе.

— Ты там, где должна быть, — сказал Арчер и присел перед ней на корточки.

Он мягко обхватил её ладони, сложенные лодочкой, и очень осторожно опустил в них прохладный стержень хризалиса.

Гретта застыла. Шум импровизированной вечеринки куда-то отступил, и в комнате повисла звенящая тишина. Она смотрела на свой хризалис, но краем сознания ловила совсем другое: его руку. Арчер так и не убрал ладонь, и под её пальцами оказалась надёжная, тёплая и до неприличия удобная опора.

«Чего замерла, как статуя? — фыркнула у неё в голове Кантафира. — *Сердце вот-вот выломает рёбра и вылетит прямо в трубу камина!»*

«Кантафира! — зашипела в ответ Гретта. — *Имей совесть!»*

«А что я такого сказала?» — невинно отозвалась та.

— Ты полноправный член отряда, — негромко, но твёрдо произнёс Арчер, поймав её растерянный взгляд. — Так что избавь, пожалуйста, меня и остальных от разговоров о том, что тебе здесь не место. Это утомляет, а доказательств у этой версии нет никаких.

— Похоже, ты упустил одну малюсенькую, зато крайне пикантную подробность, — протянул Рик, закусив губу в предвкушении.

Арчер лишь скользнул по нему взглядом и слегка приподнял бровь. Рик ничуть не смутился: он тут же повторил этот жест, вложив в свою бровь такой толстый намёк, что его, наверное, поняли даже стены. В ответ Арчер коротко и пренебрежительно выдохнул и демонстративно отвернулся.

— Великолепно, — подвёл итог Рик и хлопнул себя по коленям. — Мой лучший друг — клинический тугодум. Диагноз, увы, окончательный. Лечению не поддаётся, рекомендовано смирение.

— Угадаешь, что это за камень? — Ниам кивнула на хризалис в руках Гретты.

Гретта осторожно повернула кристалл. Она не могла отвести глаз от того, как в его розово-пурпурной глубине медленно переливаются отблески каминного огня.

— С минералами у меня плохо, честно. Скажу наугад: кварц или какой-нибудь розовый солнечный камень. Смотри, сколько тут прожилок…

— Родохрозит, — сказал Арчер. — Со сталью мы с Ниам неожиданно сошлись сразу, а с камнем вообще не пришлось спорить: мастер только начал перечислять варианты, а мы уже знали ответ. Родохрозит словно сделан для тебя, Гретта. Он так похож на твой характер. В таких вещах я почти не ошибаюсь.

Камень в её пальцах вдруг засветился изнутри и с лёгким треском раскололся надвое. Теперь в руках у неё лежала пара изящных клинков того же розоватого цвета. Гретта словно онемела. Перед ней было не просто оружие: скорее, прихоть ювелира, который решил поиграть в войну.

Рукояти украшал тонкий узор из виноградной лозы, а в пазах поблёскивали крошечные самоцветы. Чтобы разглядеть всё как следует, понадобилась бы целая вечность, но столько времени у неё не было.

Она подняла глаза на Арчера. В зелени её взгляда отражались блики на клинках.

— Спасибо, — выдохнула она почти шёпотом и тут же мысленно себя отчитала: вышло сухо и сдавленно. Впервые в жизни ей не хватало слов. Хотелось сказать, как это красиво, и поблагодарить за то, что Арчер сам занялся её оружием, но получилось только это.

— Не за что, — ответил он, и уголок его рта чуть заметно дрогнул. — Ну а мне пора, служба праздников не знает. Отдыхайте, а я пойду обдумаю завтрашнее построение.

— Эй, стой! — возмутился Рик. — Как это понимать — бросаешь боевых товарищей в разгар торжества? Где солидарность? Где, прости господи, кодекс братства? Мы тут, на минуточку, отмечаем событие исторического размаха!

— Выпью за её удачу что-нибудь покрепче кофе, — бросил Арчер через плечо. — Но не сегодня. Считай, это мой должок до следующего задания.

— Да как так-то! — Рик буравил взглядом его спину. — А священные узы? А ритуал коллективного возлияния?!

Дверь почти закрылась, и из-за неё донёсся тихий смешок. Арчер позволял себе такое, только когда его никто не видел.

— Всё нормально, — мягко остановила Рика Гретта, проведя пальцем по рукояти.

— Ты повторяешь это с пугающей регулярностью, — проворчал он, скрестив руки на груди.

— Это моя мантра, выстраданная, — усмехнулась она одним уголком рта. — Говорю её каждый раз, когда миру приходит в голову, что мне пора немножко свихнуться. Почти помогает.

***

Отец опустил ладонь ей на голову и взъерошил волосы, которые она так старательно пригладила.

– Кое-что тебе нужно усвоить, Гретта. Если на кону жизнь, не принимай чужие слова на веру. Проверь сама, что под ногами настоящий грунт, а не яма, прикрытая опавшими листьями. Проверь десять раз. Лучше двенадцать.

Они сидели в библиотеке. Единственная масляная лампа освещала их лица и разворот открытой книги, а всё остальное пряталось в темноте. За стенами завывал ветер, и страницы шуршали в такт его порывам.

– Относись к фактам трезво. Первоисточник – надёжная опора, но и на нём бывают сколы. Каждый раз задавай себе три вопроса. Кто это сказал? Кому выгодно, чтобы ты в это поверила? И что прячется под красивыми словами, раз правду так тщательно скрывают?

– Но я хочу стать рыцарем, – голос Гретты дрогнул. – Хочу быть как мама и Аннабет.

Из ниоткуда прозвучал чужой, резкий голос:

«Проснись немедленно!»

– Значит, ты им станешь. Твой выбор никто не сможет у тебя отобрать, – отец улыбнулся виновато, как улыбался всегда. – И запомни: чувство, что ты несвободна, – самая коварная ложь из всех.

«Поднимайся!»

Полки качнулись, книги посыпались на пол. Гретту накрыло тревогой: этот тёплый, уютный мирок сейчас пойдёт трещинами. Она резко втянула воздух, библиотека обрушилась, и сознание вышвырнуло её в собственную спальню.

«Двигайся, я не шучу!»

– Грайлитов хвост! Она проснулась!

Сон испарился в тот же миг, когда клинок рассёк воздух в нескольких сантиметрах от её лица.

«Да уж. Хвост, и правда грайлитов…»

Разница ощущалась почти издевательской. Секунду назад затылок согревала отцовская рука, а теперь у шеи холодная сталь, и никакого перехода между тем и другим. Полежать ещё немного не получилось бы при всём желании. Лезвие у сонной артерии будит надёжнее ледяной воды, да и любой крепкий кофе рядом с ним ни на что не годится.

Гретта метнулась в сторону: застыть на месте – удел тех, кто спешит в могилу, а ей туда было совсем не нужно. Сталь вошла в подушку, и спальню наполнил вихрь перьев.

Пальцы сами нашли кинжалы на тумбочке. Гретта мимоходом удивилась: то ли привычка уже въелась в мышцы, то ли голова давно решила, что спать без оружия – роскошь, которую она себе позволить не может. Тело всё делало само.

Она отбросила одеяло, вскочила, убрала с лица растрёпанные волосы и на мгновение окаменела. Её ждала полная коллекция местного гостеприимства: угрюмый Фадей с недовольной физиономией; Вал, чьи здоровенные ручищи, похоже, давно мечтали сомкнуться на её шее; Анри, возомнивший себя неотразимым красавцем; Райан с непомерными амбициями и скромными способностями; и Дерек Кински, у которого на лице читалось: «Задумывали одно, вышло другое».

– Если я вежливо попрошу вас уйти, вы сделаете вид, что ничего не услышали?

По их лицам было ясно: оглохнут с удовольствием и ещё порадуются. Тот, кто чист перед собой, так не предвкушает чужую кровь.

«Не дай зажать себя в углу! Тогда тебе конец», – напомнил голос в голове.

«Тебе легко рассуждать, – мысленно огрызнулась Гретта, оценив тесноту комнаты. – *Тут и повернуться-то негде. Разве что слиться с окном и надеяться, что меня примут за занавеску. Только вряд ли поверят».*

– Я же говорил, что она так просто не сдастся! – зашипел Райан, прижимаясь спиной к двери.

Дерек одним прыжком оказался на кровати и перелетел через неё. Гретта шарахнулась назад, но пространства не осталось: спина врезалась в холодное стекло. Балкон!

«Тридцать первый этаж, красотка, – невозмутимо напомнил внутренний голос. – *Шагнёшь туда, и твой путь закончится на крыше чьей-нибудь машины. Или капоте».*

«Понятно, балкон не вариант, – мелькнуло у неё. – *Тогда что? Драться? Эти ребята явно не настроены на разговоры».*

У виска что-то свистнуло. Клинок распорол рукав, лишь слегка задев кожу, и с глухим ударом застрял в дверце шкафа. Гретта в последнюю долю секунды сместилась с линии удара.

Размышлять было некогда. Она рванула нож из дерева и тут же отправила его обратно. Лезвие вонзилось Дереку под ключицу, и он взвыл.

Сквозь звон в голове прорвался пронзительный голос Анри:

– Не дайте ей уйти! Цельсь в шею!

Гретта бросилась вперёд и по пути подхватила с пола чей-то короткий меч. Слева она полоснула ближайшего врага по руке, и кровь веером брызнула на пол. Справа вогнала остриё в чужое бедро, раздался мокрый хруст, и нападавший, хрипя, рухнул на колени.

Не замедляясь, она ударила Анри коленом в живот. Тот согнулся пополам, жадно глотая воздух, попятился и выронил оружие, которое с лязгом отлетело в сторону.

Но остальные наступали все вместе и теснили её к стене.

А потом меч легко, до обидного легко, выскользнул из мокрой от пота ладони. Огромные руки Вала мгновенно обхватили её горло и дёрнули на себя. Гретта попробовала ударить его по колену, но голая ступня не причинила ему вреда. Громила приподнял её над полом, и дыхание оборвалось.

Она билась в его хватке, пальцы хватали пустоту, затем вцепились в его предплечье и расцарапали кожу до крови. Вал даже не поморщился.

«В тебе есть Сила, так используй её!» – прозвучал голос Кантафиры.

«Воздух… мне нужен просто воздух…»

Мир сузился до тёмного туннеля. Перед глазами расплывались чёрные пятна, в ушах нарастал гул, тело стало чужим и перестало отзываться. Всё исчезло, остались только стальные тиски на шее и вязкий страх, парализовавший мышцы.

– Дави до конца! – прорычал Райан. – Преподнесём Царю её труп. Он будет доволен!

Вал опустил её так, что ноги коснулись пола, но шею не выпустил. Легче от этого не стало: в глазах продолжало темнеть, комната плыла и качалась.

Дерек, искажённый болью, глядел на неё с хищной ненавистью, словно раненый зверь, который не собирается отдавать добычу.

– Кончай её уже! – рявкнул Райан.

Пальцы на горле разжались, но вздохнуть с облегчением не вышло: туда, где отчаянно колотился пульс, упёрся холодный металл.

Гретта жадно глотала воздух, и каждый вдох царапал пересохшее горло. Внутри всё стянулось в тугой комок, а в голове метались мысли: *«Справилась бы я? Есть ли во мне что-то, что делает меня феранором? И найдётся ли хоть кто-то, кому я не безразлична?»*

Дверь с оглушительным грохотом ударилась о стену. Гретта не успела даже вздрогнуть.

– Руки от неё убрали!

Арчер? Но голос звучал совсем не так, как обычно: низкий, гремящий, без привычных мягких ноток.

По позвоночнику словно пропустили разряд. Ток прокатился по жилам, добежал до кончиков пальцев, и следующий вдох Гретта сделала уже посреди звенящей тишины.

Она моргнула, отказываясь верить своим глазам. Дерек окаменел напротив, точно восковая фигура: грудь не поднималась, веки не дрожали. Вся его свора застыла соляными столбами, да ещё в самых идиотских позах. Брезгливо стряхнув с себя руку Вала, Гретта отодвинула лезвие от собственного горла.

«Беги уже, умоляю! Я на последнем дыхании», — прошептал в сознании сорванный голос Кантафиры.

«Подожди. Это ты сделала?»

Гретта упорно шла вперёд, нацелившись в узкую щель между телами, единственный проход, который теперь загораживала тёмная фигура на пороге. По обе стороны от неё клубился мрак, готовый в любую секунду превратиться в хищные тени.

При одном его виде с плеч Гретты будто свалилась гора, а глаза защипало от слёз. Их взгляды пересеклись: в глазах Арчера полыхал такой животный ужас, замешанный на облегчении: казалось, он до безумия рад увидеть её живой.

Он переступил порог, и тьма потекла в комнату следом. За его спиной она густела, обретала очертания, пока из черноты не выступили звери: мощные холки, оскаленные пасти и глаза, налитые багровым огнём. Они издавали низкий утробный гул, от которого вибрировали рёбра и спирало дыхание. Именно так звучала смерть для всякого, кто осмелился на неё покуситься.

Арчер медленно обвёл взглядом открывшуюся картину.

— Похоже, ребята, вам пиздец, — проговорил он. — И новости у меня две, обе хуже некуда. Первая: вы все уже у меня на карандаше. Вторая… — он выдержал паузу и растянул губы в подобии улыбки, — список совсем короткий, и у каждого в нём своё место. Апелляции, к сожалению, не предусмотрены.

Все разом повернули головы. Так замирает стая гиен, когда на её добычу выходит лев.

— Это что за... — Фадей поперхнулся, и голос у него сорвался на писклявый визг, выдав его с потрохами. — Что это за твари из преисподней?!

Арчер сделал шаг, и самый крупный из псов, чья спина доходила ему до бедра, подскочил к нему и подставил голову под ладонь. Из его груди пошёл низкий рокот, совсем как у домашнего любимца, которого чешут за ухом.

— Познакомьтесь, мои ребята. — Арчер потрепал зверя по загривку. — Цербер, Плутон и Марс. Имена выбирал я сам, так что прошу простить за пафос: вырос на мифах. На клички они реагируют через раз, зато на запах страха прибегают мгновенно. — Он сделал паузу, и пёс, словно по сигналу, щёлкнул зубами. — А от вас несёт так, что можно открывать сезон охоты без лицензии.

— Керриган! — вырвалось у Вала. Меч выпал из его разжавшихся пальцев и звякнул о камень, как будто сам хотел убраться подальше.

— Подбери. — Арчер даже не повернул головы. — Мне нравится, когда у противника есть оружие. Тогда это хоть немного похоже на бой, а не на вывоз мусора. И парням веселее, когда сталь блестит. Правда, Марс? Её хрустеть приятнее.

— Ты совсем рехнулся? Ты понимаешь, на кого руку поднял?! — Вал выставил перед собой раскрытые ладони. — Мы передовой отряд Царя!

Арчер промолчал. Вал решил, что угроза сработала, и уже набрал в грудь воздуха для новой тирады. Но Арчер просто шагнул к нему, и вся компания попятилась.

— Скажу медленно и коротко, чтобы вы наверняка поняли. — Голос его звучал тихо и ровно. — Идите нахер вместе со своим Царём.

Он выдержал паузу и добавил с лёгкой улыбкой:

— И передайте Его Величеству: я готов встретиться с ним в любое время. У меня дома есть прекрасная комната для бесед. Глубокий подвал, стены без единого окна, под потолком железные крюки. Там даже самые молчаливые вдруг становятся разговорчивыми. Правда, домой гости обычно возвращались кусками.

Он чуть заметно качнул подбородком, и тьма у него за спиной хлынула вперёд. Чёрные щупальца обвили горла нападавших, сдавили так, что те захрипели, и подняли их на носки. Лица налились багровым, потом посинели, и вся шайка рухнула на колени перед Греттой.

Она растерялась и невольно придвинулась ближе к Арчеру.

— Ну как тебе композиция? — Он уже стоял рядом с ней. — Называется «Расплата в двух актах». Хотя какие акты в два часа ночи. Скорее инсталляция. Повесить бы её в «Блюм», в зал современного искусства, и пусть критики спорят, что автор хотел сказать.

Райана он не тронул, оставив напоследок. Тот дрожал и смотрел, как давятся воздухом его дружки, согнутые на коленях перед девушкой, которую они явились убить. Тьма сжималась всё крепче, лица темнели, как грозовые тучи, по щекам катились слёзы.

— Сегодня я в добром расположении духа. — Арчер склонил голову набок и мечтательно улыбнулся. — Хочу, чтобы это осталось с вами навсегда и снилось вам по ночам. Чтобы в следующий раз, когда вас потянет сюда, вы десять раз подумали и сидели дома. Хотя... — Он

театрально хлопнул себя по лбу. — О чём это я? Там, куда вы отправитесь, думать будет нечем. Анатомия не позволит.

Он небрежно махнул рукой.

— Фас. Ребята, к столу.

Псы взвыли в голодном восторге и бросились вперёд. Огромные чёрные туши обрушились на людей, всё ещё стоявших на коленях. Комната наполнилась влажными, рвущимися звуками: трещали кости, чавкала плоть, а короткие вопли тонули в утробном рычании. Кровь хлестнула по стенам и потолку, забрызгала лицо Райана, и без того бледное, как бумага.

Вала разорвали первым: две пасти схлопнулись на нём с двух сторон. Анри рванулся вскочить, но тёмные жгуты уже впились в его руки и ноги и потянули их в разные стороны.

Через десять секунд всё было кончено. Арчер шагнул вперёд и слегка шевельнул пальцами. Из тумана выплыло щупальце, осторожно подняло с пола кинжал из родохрозита и вложило ему в ладонь.

— Дай сказать! Я всё объясню! Это не то, что ты думаешь! Совсем не то! — взвизгнул Райан, не отрывая глаз от лезвия, которое Арчер лениво прокручивал между пальцами.

— Знаешь, я веду статистику, — задумчиво сказал Арчер. — Каждый раз, когда мне говорят «всё не так, как выглядит», оказывается, что всё ровно так, как выглядит. Почти всегда. Данных накопилось столько, что впору издавать монографию. Назвал бы её «Последние слова: лексикон тех, кому осталась минута». С примечаниями и рейтингом самых заезженных оправданий.

Он подбросил кинжал, поймал за лезвие и покрутил в руке. Розовый камень вспыхнул в свете ламп.

— Так вот, Райан. — Арчер подался вперёд и заговорил тише. — Ты ошибся со временем. Я принимаю до полуночи. — Он глянул на часы и стукнул ногтем по стеклу. — Сейчас три. Прийти надо было заранее и по записи. Ты опоздал.

Короткий взмах. На горле Райана раскрылась тёмная линия, и кровь залила воротник. Он схватился за шею, но умер раньше, чем успел понять, что с ним случилось. Тело мешком сползло на пол, а брызги веером прочертили плитку.

— Арч, твою мать! — В дверях вырос Рик с мечом в руке. Он обвёл комнату взглядом: трупы, кровь, потом Гретта. На её шее проступали синие отпечатки пальцев, и у Рика заходили желваки. — Ладно, я понимаю, накрыло. Но хоть одного можно было оставить живым? Мне наверху что докладывать? Что допрос был, но проводился исключительно в твоей голове?

— Рик. — Арчер даже не взглянул на него, вытирая клинок о рубашку мертвеца. — Они всё рассказали, как только я вошёл. Дружно, с выражением, без наводящих вопросов. — Теперь он посмотрел на напарника. — А резать тех, кто уже готов, как-то неприлично. Это не допрос, а мясницкая лавка. Я человек впечатлительный. Потом снится всякое. Или тошнит, что ещё хуже.

Вслед за Риком вошёл Линн, скользнул взглядом по бойне и молча покачал головой.

Гретта вдруг фыркнула, нервно, сама того не желая. Все трое уставились на неё так, словно она заговорила на клингонском.

— Дай угадаю, — Линн потёр шею. — Разгребать будем мы.

— Вызывайте кого хотите, — согласился Арчер. — Только всё нужно привести в порядок. Гретте, похоже, здешний дизайн понравился.

Жива. Жива. Жива. Слово колотилось в висках, как второй пульс.

— Неплохая мантра, — одобрил Арчер. Он перешагнул через лежащего без сознания человека, присел и поднял рядом с плечом Дерека второй кинжал Гретты. — Повторяй, пока не поверишь. У меня своя: «Это не моя кровь». Помогает не стирать рубашки.

Он перевернул клинок и протянул ей рукоятью вперёд.

— Держи. Чтобы помнить: ты умеешь кусаться. — Уголок его губ дёрнулся. — Проверено на собственном… ухе.

Рик и Линн молча подхватили первые тела и потащили к выходу.

— Значит, я сказала это вслух, — прошептала Гретта.

Откат после адреналина — штука подлая. Арчер тем временем копался в её шкафу с таким спокойствием, будто трупы в соседней комнате не повод отвлекаться от бытовых дел.

— Это шок, — бросил он через плечо. — Обычное дело. Только что ты держала клинки, а теперь ноги как вата и вот-вот откажут. — Он захлопнул дверцу и наконец повернулся к ней. — Ты как?

Воздух царапал горло, а в груди будто шуршали битые стёкла. Гретта пыталась унять дрожь, но тело её не слушало. Она отступила на шаг, нащупала стену и опёрлась на неё спиной, боясь, что иначе рухнет.

— Так быстро это не проходит, знаю, — Арчер подошёл ближе. — Но вариантов два: идёшь сама или я несу тебя на руках. Что выбираешь?

— Сама, — выдавила она.

— Молодец. — Он остановился перед ней. В руках у него лежала стопка вещей, а поверх неё носки и мягкие домашние тапочки. — Одевайся, и уходим.

Тапочки он поставил у её ног, а одежду повесил на спинку стула.

— Давай, не тяни. — В голосе рядом с привычной жёсткостью проскользнуло что-то непривычно тёплое. — Я знаю, сейчас хочется забиться в угол и отключиться. Но это ничего не решит. Ты стоишь, а это уже много. Соберись. Один шаг, потом второй.

Дыхание у Гретты всё ещё срывалось.

Арчер шагнул к ней, тёплыми пальцами приподнял её подбородок и заставил посмотреть себе в глаза. В тёмном взгляде она увидела сосредоточенность и, кажется, тревогу.

— Ты дышишь, как будто в одиночку разгрузила фуру, — буркнул он с досадой. Непонятно было, на кого он злится больше, на неё или на всё произошедшее. — Меня это бесит, если честно, а когда я бешусь, я начинаю язвить. Тебе это сейчас нужно?

— Рёбра, — с трудом выговорила Гретта, чуть дёрнула плечом и скривилась. — Наверное, просто ушиб.

— Объяснений может быть два. — Арчер вскинул бровь и окинул её взглядом. — Либо нож был тупой, и тогда мастеру, который его ковал, можно только посочувствовать, а его хозяину стоит краснеть. Либо ты увёртываешься так лихо, что умудрилась это сделать даже спросонья. — Он усмехнулся. — Я лично ставлю на второе.

Гретта подняла руку и повернулась боком, показывая разодранную ночную рубашку. Арчер скользнул взглядом по её рёбрам.

— Но вообще в твоём списке заслуг есть пункты посерьёзнее, — заметил он. — Например, ты не закатила истерику, не застыла столбом и не спряталась под одеяло в надежде, что нападавшие вдруг передумают. Для такой ночи это немало. Я в свой первый раз... ладно, не важно. Скажем так, лицо держать я научился не сразу, когда ко мне в спальню вламывались незваные гости с очень понятными намерениями. Так что смело записывай это себе в плюс.

Она не успела ответить: его взгляд уже остановился на её шее.

— А вот персонажу который это оставил, — кончики его пальцев прошлись по багровым пятнам на её коже, едва касаясь, и по спине Гретты побежали мурашки целым строем, — я уделил непростительно мало внимания. Надо было растянуть сцену подольше. Сегодня моё чувство меры явно сбоит.

— Я в порядке, — выдавила Гретта. Прозвучало так фальшиво, что она сама скривилась.

— Гретта. — Голос у него был мягкий. — Мы оба знаем, что это не так. Скажи, как есть. Без героизма и без «сама справлюсь». Осуждать я ни в коем случае не буду.

Она сглотнула.

— Мне больно, — всхлипнула она.

— Вот теперь разговор по существу. Не переживай, я тебя залатаю. Но сперва мне нужно тебя осмотреть, хотя бы наскоро. Хочу убедиться, что этот ублюдок не сломал тебе рёбра. А если сломал, то понять, сколько и насколько серьёзно.

Гретта открыла рот, закрыла, снова открыла, как рыба на песке.

— Это просьба или приказ? — наконец выговорила она.

— Зависит от твоего настроения, душа моя, и от того, как ты относишься к иерархии. — Он усмехнулся. — Если так легче гордости, считай просьбой. Если привычнее слушаться, считай приказом. Есть ещё третий вариант, компромиссный: я делаю что надо, а ты для приличия слегка упираешься. — Он наклонил голову к плечу, и в глазах заплясали черти. — Я гибкий. Хочешь, буду мягким и обходительным. Хочешь, строгим, без права на возражения. Выбирай.

В этот момент в комнату вошли двое незнакомцев в полной экипировке. Те самые бойцы быстрого реагирования, которые по законам жанра должны были появиться в первом акте, но, как водится, прибыли к шапочному разбору. За ними маячили Рик и Линн, тоже собранные и при снаряжении.

Гретта машинально глянула на часы. Половина третьего ночи. Самое время для незваных гостей и драки посреди спальни.

— Этих забирайте, остальным займёмся мы, — коротко бросил Рик. Потом повернулся к другу: — Арчер, ты как? Не зацепило?

Арчер даже не обернулся. Он по-прежнему стоял вполоборота к двери и смотрел на Гретту, а уголок его губ слегка приподнялся.

— Меня? — переспросил он. — Рик, я в отличной форме. Выспался, бодр, полон идей. Правда, с парой нежданных гостей вышло маленькое недоразумение, но мы быстро всё обсудили и пришли к согласию. Жаль только, что теперь они не смогут пересказать, о чём мы договорились: говорить им уже нечем. Но это мелочи, согласись.

Мужчины молча подняли тела и вышли в коридор так же деловито, как вошли. Дверь тихо щёлкнула.

— Спасибо, — бросил Арчер в пустоту. — А теперь, Гретта, к делу. Рёбра. Тянуть нечего. Мы не на сеансе у психотерапевта, где полчаса копаются в детстве и подавленных желаниях. Сразу перейду к осмотру. Долгие вступления мне никогда не давались.

Гретта сглотнула и коротко кивнула. Она медленно повернулась к нему спиной, продолжая следить за его отражением в большом зеркале. Придержала рукава сорочки у груди, а со спины стянула ткань до самой талии. Показались позвоночник, лопатки и длинный багровый кровоподтёк.

Арчер застыл.

На долю секунды привычная маска слетела. Скулы напряглись, в глазах, как ей на долю секунды показалось, потемнело, но он тут же справился с собой. Подошёл ближе и осторожно отвёл волосы с её спины, открыв шею и верх лопаток. Он коснулся её всего на миг, но кожа тут же покрылась мурашками.

— Ты дрожишь, — негромко сказал он. — Это от сквозняка или от меня?

— Это привычка, — выдохнула Гретта. — Я годами её вырабатывала: вздрагивать, когда кто-то подходит со спины. Очень полезный рефлекс.

— Разумный подход. — В его голосе послышалось что-то похожее на профессиональное уважение. — Паранойя, доведённая до мастерства, в нашей работе продлевает жизнь. Но сейчас можешь выдохнуть.

Он провёл пальцами вдоль ушибленных рёбер и в двух местах нажал сильнее. Гретта закусила губу и перестала дышать, чтобы не издать ни звука.

— Синяк получится шикарный, — подытожил Арчер. — Пару недель будешь любоваться им в зеркале и вспоминать эту ночь. Почти боевая награда. Но кости целы, так что бояться

нечего. Жить будешь, а дышать, говорят, со временем снова научишься. Человек вообще на редкость живучее существо.

— Примерно так я и думала. — Гретта поспешно натянула сорочку на плечи. Щёки пылали. — Спасибо, что посмотрел.

— Не за что. — Он отступил, вернув ей личное пространство.

Она повернулась и встретилась с ним взглядом.

— Одевайся, и пойдём, — сказал он. — Нас ждёт гора бумаг, а я, как ты знаешь, сова: ночью соображаю лучше всего. Подожду за дверью. Подглядывать не стану. Я, видишь ли, эстет и предпочитаю, чтобы женщина, которая мне интересна, была в сознании и согласна на всё сама. Иначе мне останется запертая дверь и собственная фантазия. Переживу.

Гретта прищурилась.

— А куда мы пойдём? — спросила она с подозрением. — И не вздумай расписывать, как чудесно мы проведём ночь вместе. Этот сценарий я выучила наизусть ещё тогда, когда верила в принцев.

— А вот и принц. — Арчер улыбнулся самой обаятельной из своих улыбок. — Ох, Гретта. — Он скрестил руки на груди. — Неужели ты думаешь, что я променяю свою огромную кровать, отвоёванную с боем, на сомнительное удовольствие слушать, как ты ворочаешься, бормочешь во сне и, скорее всего, ещё и обнимаешься? У меня есть кодекс. Пункт первый: с подчинёнными только рабочая дистанция. Никаких «доброе утро» в одинаковых пижамах, никаких завтраков с разбором снов. Я слишком дорожу покоем, чтобы лезть в такие опасные эксперименты.

— А при чём тут вообще пижамы? — не осталась в долгу Гретта. — Чтобы я добровольно легла с тобой в одну кровать, мне понадобится справка, что я невменяема. А я пока в своём уме.

— Смелое заявление. — Он хмыкнул. — Ладно, пусть будет по-твоему. Общей спальни не будет. Кровать твоя, диван мой, граница строго по линии, без единой вольности. Могу ещё построить баррикаду из книг, чтобы тебе было спокойнее. Где-то у меня валяются устав караульной службы и пара любовных романов. По-моему, идеальное сочетание.

— А если я спросонья не разберусь, кто рядом, и пырну тебя чем-нибудь острым?

— Пролить мою кровь сложнее, чем тебе кажется. — Он и бровью не повёл. — Причин три. Во-первых, я почти не сплю. Во-вторых, под подушкой у меня лежит весомый аргумент для незваных гостей. В-третьих, если кто-то заявляется ко мне без предупреждения, я начинаю орать так, что соседи сверху вызывают врачей, а комендант строчит жалобы. Проверять не советую.

Он поднял руки, показывая пустые ладони: мол, безоружен и настроен мирно.

— Переночуй у меня, пока твоя комната не перестанет напоминать съёмочную площадку фильма ужасов. Считай это эвакуацией. Или вынужденной мерой, если тебе так привычнее.

Гретта пристально всмотрелась в его лицо, надеясь поймать в тёмных глазах хоть тень лжи. Не поймала.

— То есть у тебя безопаснее?

— Скажем так: ко мне никто не сунется. Разве что тот, кому очень хочется познакомиться с моими ребятами. Не рекомендую проверять мою репутацию на прочность: она как злая овчарка, лает, кусает и взяток не берёт.

Гретта помолчала, обдумывая его слова, потом шумно выдохнула.

— Ладно. Но только на одну ночь.

— Договорились.

Глава 5. Алеф и есть вселенная.

«Лира верная, свей мне напевы и строфы.
Вложи в мой стих былины давних лет и клятвы полуночных земель.
Рок велел мне: оставь порог, где ты увидел свет,
расстанься с землёй отцов и странствуй тропами безвестными,
не отмеченными ни на одной карте,
сквозь пустоши, куда давно не ступает взор небожителей.
Там лишь чёрная вода в пригоршнях голой равнины,
лишь стынь белым дымом вьётся над стеклом несчётных озёр.
И всё-таки лунный свет по-прежнему
стелется мне на плечи серебряным покровом,
и ветер всё так же вьёт и путает мои пряди.
Я спою о ночи, когда серп небесный впервые пал к земле, отяжелевшей от греха,
я воспою заговор, что рассеивает наваждение, как рассвет рассеивает туман.
Я прославлю грохот бурных потоков и нескончаемую цепь вершин, что уходят за пределы небес.
Я вознесу хвалу медному челну Змеу-де-Арамэ и золотым стрелам Шойм-де-Аур.
Я обреку на проклятье коварный умысел Стригой-Моряну
и опла́чу беду, что похитила у мира берег Гьяца-Маре.
— Из книги «Песни Северных Земель»,
записано собирателем Думитру Шоапта-де-Гьяцэ
со слов хранителей устного канона,
817 год Эпохи Таяния, Альентар.

Измученное тело отчаянно просило отдыха, но сон упорно не приходил. Сквозь щель между шторами в комнату проникал лунный свет, расчерчивая полумрак серебряными полосами. Гретта лежала на спине, прямая как струна, судорожно вцепившись пальцами в край одеяла. Взгляд её беспорядочно метался: то задерживался на складке балдахина, то скользил по световым линиям, которые ложились на пол, на обивку дивана и на совершенно неподвижную фигуру, растянувшуюся на этом диване. Судя по тому, насколько застывшим выглядел Арчер, он либо действительно отключился, либо талантливо изображал полное отсутствие и глухоту.

Гретта не успела остановить себя:

— Ты ведь не спишь?

— Гретта, твоя наблюдательность, как обычно, безупречна, — тут же отозвался он. — Что тебя мучает? Адреналин устроил в крови настоящую бурю?

— Точно, — выдохнула она, разжимая пальцы. — Если бы меня тогда как следует стукнули по голове, сейчас было бы гораздо легче заснуть. Меньше мыслей, хотя и больше дыр в памяти.

— Сомнительное удовольствие, — Арчер повернулся на бок и подпёр голову рукой, и даже в слабом лунном свете угадывалась его ухмылка.— После хорошего удара пол уходит из-под ног, потолок меняется с ним местами, а ты лежишь и пытаешься вспомнить, как тебя зовут и сколько у тебя пальцев. Я бросил считать, когда добрался до двенадцатого раза. Тринадцатый вышел просто для круглого счёта.

— И откуда у тебя столько опыта? — Гретта невольно усмехнулась.

— Работа такая. — Он пожал плечами, и диван скрипнул. — Желающих меня убрать всегда хватало. Только вот ни у кого пока не получилось. Меня травили, резали, топили, сжигали, сбрасывали с крыш, закапывали, а я каждый раз возвращаюсь и сразу берусь за дела. Живучесть у меня как у таракана. Обаяние, кстати, тоже примерно на том же уровне.

— Ты не такой уж противный, — сказала она.

— «Не такой уж»? Ладно, запишу это в графу «комплименты».

— А ты-то почему не спишь? Тоже адреналин?

— С чего ты взяла, что я не сплю? У меня особый режим: тело отдыхает, а слух работает, как сигнализация. Вдруг ты начнёшь ворочаться от кошмаров или вздумаешь прогуляться по дому в беспамятстве. Этому учатся годами, а я освоил в детстве. Там, где я рос, глубокий сон мог оказаться последним.

— То есть, если по-человечески, у тебя бессонница, да?

В комнате на секунду стало тихо.

— Твой талант меня по-настоящему восхищает. А расскажи-ка мне вот что: ты правда умеешь останавливать время, или я что-то неправильно понял?

Гретта медленно моргнула, будто выныривая из оцепенения.

— Не знаю, — прошептала она, и голос у неё сорвался. — Раньше со мной такого не бывало. Никогда.

— Гретта, ты плачешь? — в его голосе появилась несвойственная ему тревога. Арчер поднялся с дивана и шагнул к ней.

— Нет, — выпалила она слишком поспешно, сглатывая ком в горле. — Просто мне страшно. Если кто-нибудь узнает, меня же уничтожат, разве нет?

— Уничтожат? И откуда в твоей светлой голове взялся столь кровожадный сценарий? — Арчер сел на край постели и щёлкнул выключателем лампы.

— Время трогать нельзя. Это правило для всех, — Гретта говорила быстро, боясь, что голос подведёт. — Либо это чёрная магия под запретом, либо привилегия одного человека, Первого. Ты и сам это знаешь. А если выяснится, что я каким-то образом коснулась этой силы? Слушать меня никто не будет. Ни суда, ни допроса, ни единого шанса объясниться.

— Тихо. Посмотри на меня, — сказал Арчер. — Я Арчер Керриган. За моими словами стоят имя, нужные знакомства и люди, которые умеют закрывать вопросы. Если я говорю, что об этом никто не узнает, значит, не узнает. У меня и так припрятано немало чужих тайн, и ни одна ещё не утекла. Твой будет в хорошей компании.

— А вдруг всё-таки просочится? — страх сковал её изнутри.

— Не просочится, — отрезал он. — Дальше этой комнаты информация не уйдёт. Никто из нас не проговорится, если ты сама этого не захочешь. Ты понимаешь?

Гретта молча кивнула, не отводя взгляда.

— И тебя это совершенно не смущает? — в её голосе звучало искреннее замешательство. — Почему ты взваливаешь на себя такую ношу, если я, строго говоря, нарушила закон?

— Ничего ты не нарушала, — не задумываясь, ответил он. — Допустим, ты чуть выступила за флажки, и никого не предупредила. Зато чисто сработала. И потом, — он понизил голос почти до шёпота, — ты теперь в моей команде. А своих я никому не сдаю: ни палачам, ни следователям, ни бумажным крысам с их регламентами. Никому. Если придётся, буду драться за тебя. Особенно сейчас, когда ты сама не понимаешь, что с тобой творится, и не умеешь с этим справляться. Разберёмся вместе. Это я тебе обещаю.

Гретта замерла, кажется, даже на несколько ударов сердца задержала дыхание.

— Спасибо, — выдохнула она и, не успев обдумать порыв, вытащила руку из-под одеяла. Сначала пальцы, а потом и вся ладонь легли на его ладонь. Арчер на долю секунды опешил.

— У тебя ледяные пальцы, — констатировал он, но отстраняться не стал.

— Извини, — Гретта тут же порывисто убрала ладонь, совершенно растерявшись и не зная, куда деть руки. — Это... Я… я просто на нервах, прости.

— Даже не думай извиняться, — Арчер тут же придвинулся и мягко взял её ладони в свои. — Замёрзла — скажи прямо. Согрею.

— Командир, ты меня удивляешь, — сказала она и сама изумилась лёгкости, с которой это прозвучало. Гретта приподнялась, подложила подушки под спину и взглянула на него. — Получается, ты ещё и мой личный обогреватель? Заметное расширение обязанностей.

Арчер усмехнулся и не убрал рук. Тепло его ладоней грело уже не только её пальцы, но и всё тело. Рядом с ним страх ослабевал, а вместе с ним уходила и дрожь.

— Неужели ты считала, что я годен только на то, чтобы людей калечить? — спросил он, улыбаясь. — В моём послужном списке полно всякого: обогрев, охрана, душеспасительные беседы, тренинги по выживанию в неблагоприятных условиях. За тепло я обычно беру отдельно, но сегодня тебе повезло: акция для новых клиентов. Пользуйся, пока у меня приступ великодушия.

Гретта рассмеялась. Тепло расходилось по телу, а вязкий ужас, который недавно стягивал каждую мышцу, понемногу растворялся.

— Меня, кстати, давно мучает один вопрос, — сказал Арчер, и в его взгляде появился живой интерес. — Как ты справилась с Пожирателем? Я коплю способы борьбы с потусторонней нечистью, вдруг пригодятся. А у тебя вышло эффектно, причём явно без подготовки.

Улыбка тут же сошла с её лица.

— Сама не знаю, — тихо ответила она. — Это было как лавина. Я не могла её ни остановить, ни направить. С временем было то же самое. Я ничего не решала, оно просто происходило.

— То есть уже второй раз что-то управляет тобой, а не ты им? — Арчер сощурился.

Гретта опустила взгляд. Она колебалась, не зная, рассказать ему всё или промолчать.

— Обещай, что ничего из сказанного не выйдет за пределы этой комнаты, — выдавила она наконец и крепко сжала его руки.

— Гретта, — он произнёс её имя так, что внутри у неё снова всё потеплело. — Сегодня я убил пятерых только за то, что они посмели на тебя напасть. Сейчас четыре утра, я сижу тут, держу тебя за руки и выслушиваю твои страхи, лишь бы ты не осталась с ними одна. — Он улыбнулся. — Если после этого ты всё ещё сомневаешься в моей способности молчать, значит, я сильно халтурю. Даю слово. Мог бы поклясться кровью, но её сегодня и так пролилось больше чем нужно. Давай обойдёмся устной договорённостью. По моему опыту, она нередко надёжнее любой клятвы.

Гретта глубоко вдохнула и заговорила на одном дыхании:

— Как только меня опоили, внутри проснулся чей-то женский голос. Она представилась Кантафирой. — Из горла вырвался смех, больше похожий на истерику. — Я без понятия, что это за сущность. Она сама ничего о себе не знает, но она живёт в моём сознании и уверяет, будто имя ей — Кантафира. Полный бред, правда?

Брови Арчера чуть приподнялись. Он шумно выдохнул, осмысливая информацию:

— Значит, о её происхождении не знает ни она, ни ты. Интересно.

— Она говорит, что потеряла память, — Гретта сглотнула, пытаясь избавиться от горечи во рту.

— То есть у неё амнезия, — кивнул он. — Бывает. Я вот регулярно теряю ключи от машины. Но у неё всё серьёзнее: целая самостоятельная личность и провалы в памяти. К моим ключам это не имеет никакого отношения.

Он помолчал.

— А теперь скажи: она тебе мешает? Рвётся наружу, подбрасывает странные идеи? Или просто сидит и от скуки комментирует всё подряд?

Гретта покачала головой.

— Скорее второе. Вечно ворчит, раздаёт непрошеные советы, порой откровенно насмехается. Но, по-видимому, иногда всё же берёт верх — как сегодня или тогда с пожирателем, — видимо, пытаясь меня защитить.

Он снова сделал паузу, не выпуская её ладоней из своих.

— Тогда слушай. Первое: забудь про одиночество, теперь у тебя есть я. Второе: если позволишь, мы со всем справимся, я найду возможность помочь. Третье: если твоя внутренняя субличность Кантафира окажется с характером и начнёт подталкивать тебя к дурным поступкам, я лично проведу с ней воспитательную беседу. С капризными созданиями я умею договариваться, уж поверь. — Он подмигнул. — А теперь спи. Иначе недосып приведёт к тому, что ты начнёшь не просто время останавливать, а всю реальность сворачивать в узел.

Гретта оцепенела.

— Тебя что, совсем это не тревожит? — выпалила она. — Сидишь среди ночи, согреваешь мне руки, шутишь про плату за отопление, как будто я призналась, что грызу ногти или таскаю еду из холодильника по ночам! А у меня в голове поселилось непонятно что!

Арчер посмотрел на неё, и в его тёмных глазах промелькнуло что-то, чего она раньше не замечала.

— Я и сам не образец нормальности. Ходячее недоразумение с дурным характером. Так что удивляться тут нечему.

Он опять замолчал. Слова давались ему тяжело, и Гретта поняла: он задевает то, что болит до сих пор.

— Наверное, теперь моя очередь. Придётся вытащить на свет то, что я привык прятать, и это не один скелет, Гретта, а целое кладбище. Ты видела, что я сделал с теми подонками, и в конце концов доверила мне два своих секрета. Так что будем считать это честным обменом. Но… — он запнулся. — Ты сохранишь всё в тайне? Не для галочки. Ради меня.

Гретта поспешно закивала:

— Конечно! Никто не узнает, ни живой, ни мёртвый, если до этого дойдёт.

— Чёрт… — он опять замялся. — Всё гораздо сложнее, чем выглядит со стороны.

— Если не хочешь, не рассказывай, — тут же сказала Гретта. — Я пойму, честно. Вернёмся к этому, когда всё немного уляжется. Если захочешь.

Арчер вдруг вперился в неё прямым, полным надежды взглядом — так, будто высказывал просьбу, с которой прежде ни к кому не обращался:

— А ты мне доверяешь? По-настоящему? Не как командиру, который по договору отвечает за твою безопасность. Не как тому, кто сегодня ночью расправился с непрошеными гостями. Просто мне. Без должностей, званий и прочей мишуры... Но, наверное, просить об этом неправильно, но я правда хочу, чтобы ты мне верила, и буду стараться это заслужить.

Она ответила сразу, не раздумывая:

— Пару месяцев назад я бы, наверное, засомневалась. Сейчас нет. — Она слегка сжала его пальцы. — Я уже столько безумного на тебя вывалила, что скрывать что-то ещё было бы просто неприлично. Мы с тобой в одной лодке, и, похоже, она дала течь и быстро наполняется водой. Но хотя бы плывём мы в одну сторону.

Арчер замер. Эта пауза растянулась для него на целую вечность сомнений. Он перебирал в голове каждую фразу, которая могла сорваться с языка. Но что будет, если сейчас выложить главный секрет, который он берёг дольше всего? Она отшатнётся? Нервно рассмеётся, решив, что он спятил? Или, что хуже всего, посмотрит на него как на чудовище?

— Туман, который ты видела, и то, как легко я расправился с теми ублюдками… — выдавил он. — У этого есть простое объяснение, только очень неловкое. Гретта, я Бог Смерти… Ну, в том плане что всё наследие Мары теперь принадлежит мне. Я тот самый тип, которого рисуют с косой, в чёрном плаще, мрачного одиночку с мерзким характером. Правда, косу мне

заменяет фальката, а балахон — дурацкие шуточки, литры кофе и хронический недосып. Ещё у меня есть псы: Цербер, Плутон и Марс. Ты с ними уже знакома. Неплохие ребята, да? Я их, можно сказать, разводил для души.

Он подался вперёд, но взгляд так и не оторвал от пола.

— Ничего себе… — медленно произнесла Гретта. — Как-то неравноценный обмен получился. Я делюсь историей про вторую личность с амнезией, а мне в ответ выдают целого бога. То есть тебя. Ты сидишь на кровати, согреваешь мои руки и шутишь про счета за отопление.

Она помолчала, давая этому уложиться в голове.

— Кто-нибудь ещё в курсе? — спросила она, и голос, к его изумлению, звучал ровно.

— Рик, — коротко ответил Арчер. — Он мой Резонатор. Только он способен быть рядом со мной сколько угодно и не терять рассудок. Но это у него притерпелось за двадцать лет дружбы.

— Ясно. Значит, столько лет ты молчал, а мне всё-таки сказал. Почему?

— Иначе не получилось. Ты видела всё, что творилось в твоей комнате, без объяснений было не обойтись. К тому же ты сама призналась мне про время и Кантафиру, чего я никак не ждал. Ты заслуживаешь ответной честности. Нет, даже не так: ты заслуживаешь её и без всяких твоих тайн. Я бы рассказал в любом случае. Не хочу ничего от тебя прятать и хочу, чтобы ты мне доверяла. — Он помедлил и добавил почти шёпотом: — Ты ведь не боишься меня?

— А стоило? — Гретта улыбнулась. — Видимо, у меня выработалась устойчивость ко всему божественному. Я как-то обменялась рукопожатием с Зейном Синклером, и с его невестой тоже. Он тоже далеко не обычный человек. Так что ещё один бог в списке знакомых, какая разница?

Арчер на секунду опешил, а потом рассмеялся в голос.

— Отлично! — воскликнул он. — Получается, пока вы здоровались, частичка его божественной сути перекочевала к тебе? Продолжай в том же духе, и скоро начнёшь случайно отправлять людей на тот свет. Неудачно чихнёшь, и у моего ведомства прибавится работы.

— Постараюсь следить за собой, чтобы ты не задерживался на работе допоздна. — Гретта тоже засмеялась, легко и свободно. — Теперь твоя очередь отвечать, великий и ужасный. Почему при таком титуле ты упорно изображаешь рядового ифрита? Скромность? Или тебя раздражает, когда перед тобой кланяются? Зейн служит экзархом в Стамбуле, Эстер, Гидеон и Аврора — фераноры. Сегодня этим никого не удивишь. Вы ведь не первосотворённые, а ифриты, которым досталась унаследованная Сила Первых, верно?

Арчер склонил голову набок.

— Да, именно так. Но мы с Риком наложили на себя Забвение, но переделанное под наши нужды. — Он ненадолго замолчал. — Это моя собственная разработка, и пользоваться ею довольно удобно. Суть в том, что весь остальной мир перестал воспринимать меня как бога. О том, что наследие Мары нашло преемника, знает только Легион. Поэтому спокойно работаю и раз в несколько лет могу нормально выспаться. Но есть подвох: Сила всё портит. Если пустить её в ход слишком активно, Забвение постепенно разрушается, это как бреши в барьере. Впрочем, главная причина глубже. Я терпеть не могу ни статус божества, ни королевский титул. Мне важно знать, что всё, чего я добился, моя личная заслуга, а не следствие происхождения. А если о моей природе узнает каждый встречный, то сама понимаешь, во что это выльется. Поэтому к Силе я прибегаю лишь в крайних случаях. До сегодняшнего дня последний раз я использовал её года три назад. А сегодня меня захлестнула такая ярость из-за того, что на тебя посмели напасть, что эфир взял верх на до мной, как бы я ни пытался его удержать.

Гретта резко подалась вперёд, и в её голосе вдруг прорезался почти детский восторг. Таким открытым он у неё бывал редко: обычно она держалась настороженно.

— Ты потрясающий, Арчер Керриган! Без шуток. Еще недавно был холодным колючим занудой, потом насмешливым, а в следующую секунду уже внимательный и вежливый, и даже заботливый.

Арчер на мгновение застыл, обдумывая услышанное, а потом сказал неожиданно глухо:

— Извини.

— За что? — удивлённо подняла брови Гретта.

— За ту отвратительную манеру поведения, которую я иногда позволял себе в общении с тобой. Это отвратительная привычка. — Он помолчал. — Я бываю редкостным гадом, ты и сама это знаешь. Я же вижу, как ты вздрагиваешь от моих резких слов и сжимаешься, когда я заигрываюсь с шутками. Так нельзя. И прости за тот случай на сватовстве.

— Это ведь я тебя укусила! — Засмеялась она.

— А я тебя на плечо закинул и унёс. — Напомнил он. — Так что заслужил.

— Ты сложный человек, и порой тебя тяжело понять. — улыбнулась она. — Но ты совсем не тот, кем зачем-то пытаешься, или пытался казаться, так что не наговаривай на себя. Считай это экспертным заключением обладательницы голоса в голове, который к тому же ничего не помнит.

Плечи Арчера, до этого напряжённые, чуть опустились, и он шумно выдохнул.

— Возможно, ты права, — тихо сказал он. — Но я всё равно постараюсь вести себя не как… сволочь, потому что и сам собой недоволен. Обещаю. Привычка ведь становится частью характера, а характер у меня, как ты заметила, не подарок.

— Я тебя за язык не тянула, Арчер! — с лёгким вызовом отозвалась Гретта. — И знай, что я помню каждое обещание. Особенно те, что даны глубокой ночью, после драки и взаимных признаний в божественном происхождении. У меня теперь тоже новая репутация: девушка, которая водит знакомство с богами и собирает их секреты. Вот так меня у себя в контактах и запиши.

Лос-Анджелес. Ноябрь, 2024 год.

— …Дерек Кински, — голос Верховного Гаррета Келмора разнесся над строем. Порыв ветра дернул список в его руке, прежде чем он передал лист стоящему рядом архивариусу. — Да примет Мара их тени в свой последний приют.

«Сомневаюсь, что у Мары найдется для них место», — подумала Гретта.

Взгляд сам нашёл в неподвижном строю знакомую фигуру. Арчера и её разделяли всего трое фераноров. На фоне курток, которые трепал ноябрьский ветер, собранный, опасный и до неприличия привлекательный, Арчер держался так, как умел только он.

Чем дальше Келмор читал имена, тем яснее Гретта понимала, что они ничего для неё не значат. Ни горя, ни вины. Может, с ней что-то сломалось? Может, сейчас полагалось кричать и рвать на себе волосы?

Двое из зачитанных входили в группу «Дельта», те самые что якобы погибли на полигоне возле заповедника Лос-Падрес. Слово «якобы» стало для Гретты главным за последние недели. В совпадения она больше не верила, и от этого в голове всплыл новый, более колючий вопрос: не с того ли полигона Арчер среди ночи примчался в её спальню?

«Не понимаю, как можно было решиться задушить тебя в постели, — вспомнила она слова Ниам. — *Это даже не бой, это просто подлость».*

Арчер, надо отдать ему должное, ничего не рассказывал сам. Но в Ордене тайны долго не живут, и теперь все обсуждали, как Гретта чуть не сорвала его ночную операцию.

«Хуже всего, — сказала она тогда Ниам, вяло ковыряя вилкой безвкусную кашу, — *что я, кажется, начинаю видеть в этом закономерность».*

Было непонятно, что это: умение держать себя в руках или психика, смирившаяся с ролью живой приманки.

Стоило снова взглянуть на Арчера, как сердце забилось чаще. Этот мужчина уже перестал быть для неё просто фернастаром. Ветер растрепал его светлые волосы, и аккуратная причёска превратилась в лёгкий беспорядок, который его только красил. Арчер чуть повернул голову и встретился с ней глазами. Гретта не отвела взгляд, и он улыбнулся, а её окатило теплом.

Первым отвернулся он. Келмор ещё читал список, когда Арчер обратился к Эллиоту, не повышая голоса, но так, чтобы тот его услышал:

— Твой отряд придётся пересобрать, и поскорее.

— Мы же только что взяли четверых из Сиднея и Лондона, — удивился Эллиот.

— Поэтому и придётся, — Арчер кивнул в сторону «Дельты». — Рамирес, начинай ротацию.

— Понял.

Рамирес не двинулся с места, но в его глазах мелькнуло понимание. Для Арчера и строй, и бой были одним уравнением, и тому, кто попытается вписать в него лишнюю переменную, оставалось только посочувствовать.

Верховный отошёл в сторону, и на его место шагнула незнакомая молодая женщина. Строй снова затих. Серебристые волосы тяжёлой волной спускались ей почти до бёдер. Раз Верховный сам пришёл на построение, а теперь ещё и уступил кому-то слово, всё было ясно без пояснений: Коалиция запустила свои механизмы, и перемены коснутся старых порядков.

— Это новая экзарх? — прошептала Ниам, прищурившись. — Посмотри, как держит спину. Спорю на месячное жалованье, она из женевского питомника. Эту школу ни с чем не спутаешь.

— Не знаю. — Гретта поморщилась: не смотря на санкту нэрея, которую ранее нанёс ей Арчер, рёбра снова отозвались лёгкой болью.

— А если она всерьёз возьмётся за Кодекс, нам не поздоровится, — продолжала Ниам. — И заменой экзарха дело не кончится. Следующим уберут претора, зуб даю.

— Ставка слишком высокая для одного предчувствия, — Гретта едва заметно усмехнулась. — Давай обойдёмся без жертв.

— Прекратить болтовню! — рявкнул Эллиот, впервые за утро повысив голос. Он резко обернулся, высматривая нарушителей, и наткнулся взглядом на Гретту. Строгость мгновенно слетела с его лица. — Гретта? Я слышал, что произошло прошлой ночью. Это правда?

— Всё в порядке, — ответила она. — Эллиот, на нас смотрят.

Так и было: из-за Эллиота её отряд привлёк больше внимания, чем сама новая экзарх. Та уже назвалась Энжелой Салливан и перешла к более срочным вопросам, но Эллиот будто ничего не слышал.

— Эллиот! — шикнул кто-то из строя.

— Значит, вот что за «ночной инцидент» все обсуждали шёпотом, — произнёс он, не обращая внимания на окрик. Голос у него заметно осел. — И давно ты это скрываешь?

Гретта молча опустила голову. Иногда лучше промолчать, чем объяснять.

— Я бы никогда не подумал… Почему ты ничего не сказала? Почему не пришла ко мне?

— Она не обязана отчитываться перед командиром другого отряда, — холодно бросил Рик, даже не глядя на Эллиота. — Может, оставишь её в покое, Фрейн?

Гретта полностью разделяла мнение Рика, но грубить Эллиоту не хотела, хотя порой очень тянуло. После её спарринга с Дереком он стал настойчиво искать с ней встреч. Сказать, что это странно, было бы мало: от этого ей становилось не по себе, и точнее назвать это чувство она не могла.

— Для меня она не чужая, — с нажимом произнёс Эллиот.

— Мы просто знакомы, Эллиот, — напомнила Гретта, не поднимая глаз. — И я не хочу это обсуждать.

Он нехотя отступил, но ещё долго не сводил с неё взгляда.

Тем временем Энжела говорила всё громче:

— Как экзарх Коалиции, я официально заявляю: нарушения Кодекса подтверждены. Ничего подобного в Ордене больше не будет. Я лично прослежу, чтобы Кодекс соблюдался неукоснительно.

— И это всё? — фыркнула Ниам, брезгливо скривив губы. — Предатели мертвы, и поделом им. Но на месте экзарха я бы проверила, не остался ли кто-нибудь из их окружения.

— Будем надеяться, что до виновных доберутся, — тихо сказала Гретта. Она смотрела прямо перед собой, но видела совсем другого человека.

— Напоминаю всем присутствующим про патруль, — Ниам слегка ткнула Гретту локтем в бок. — Пора размяться, пока мы тут не превратились в ледышки.

— Да у нас каждый день одна сплошная разминка, — лениво отозвался Рик, не меняя расслабленной позы. — Столкнуться с логовом демонов так же реально, как найти в пустыне фонтан.

— Ничего себе! — Ниам картинно вскинула брови и упёрла руки в бока. — Что, у Кросса началось профессиональное выгорание? Клинок в ножнах заржавел?

Рик неспешно закинул руки за голову, всем видом показывая, что ему всё равно.

— Просто одна спокойная ночь вдоль периметра нас не испортит. Хочется хоть раз лечь спать, не пропахнув серой.

— Вот именно! — Линн хлопнул Рика по спине. — Согласен целиком. Подвиги подождут, никуда не денутся.

— Вы оба невыносимы! — Ниам поморщилась. — Мы же элитный отряд! А вы ведёте себя как сонные мухи!

— Это говорит та, кого на патрули Арчер отправляет раз в месяц, — вмешался Кит.

— Я вообще-то без дела не сижу! — отрезала Ниам. — И уж если на то пошло: в перерывах между написанием нового кода я за то, чтобы воевать как следует. Демонов надо уничтожать, пока они не добрались до нас. И никакой жалости.

— Да ты прямо открыла охотничий сезон, — хмыкнула Гретта.

***

– И зачем тебе всё это? — спросила Гретта, коротко глянув на Рика. До массивных дверей библиотеки оставалось несколько шагов. Утренняя тишина теперь не нарушалась скрежетом: Рик наконец-то смазал колёса своей несчастной тележки.

– Неделю назад ты задавала тот же вопрос, почти слово в слово. – Он усмехнулся, и на щеках появились мягкие ямочки.

Гретта лишь покачала головой. Возразить было нечего. В эту секунду с низкой скамейки у входа вскочил Якобсон и поспешно одёрнул синий мундир.

– Доброе утро, архивариус Якобсон, — произнесла Гретта вежливо, но сдержанно.

– Доброе утро, леди Лоран! — Он расплылся в чрезмерно почтительной улыбке, но она тут же исчезла, как только он увидел второго посетителя. Глаза архивариуса потускнели, а губы вытянулись в тонкую линию. — Господин Кросс.

– Доброе, – спокойно кивнул Рик.

Они вошли внутрь, под высокие потолки, где стоял запах старой бумаги и сухого дерева. Как обычно, оба задержались у большого стола. Гретта придвинулась ближе и заговорила шёпотом, хотя в зале никого не было.

– Как ты это делаешь? – Она вгляделась в его невозмутимое лицо. – Когда грубят, а ты даже бровью не ведёшь. Неужели совсем не задевает?

Рик выбил по ручке тележки короткую неровную дробь.

– Ты и сама иногда нелестно отзываешься обо мне, – заметил он с лёгкой улыбкой.

– Это совсем другое… – Гретта запнулась. – Нет, ты прав, я ничем не лучше. – Собственный голос показался ей чужим. – Я отвергла Арчера с первого взгляда. Даже не попыталась разобраться, что он за человек. Как после этого я могу себя уважать?

Чем лучше она его узнавала, тем сильнее мучил стыд за ту беспричинную злость. Гретта медленно подняла голову и посмотрела на Рика в профиль. Солнечный луч из высокого окна лёг ему на скулу, и ямочка на щеке стала заметнее.

– А кто с ним вообще близок? – вдруг спросила она. – Кто знает его настоящего?

Рик едва заметно усмехнулся.

– Кроме меня, пожалуй, никто. – Пальцы снова застучали по деревянному краю тележки.

Гретта хотела уже задать следующий вопрос, но тут из бокового прохода появилась Мармион. Дорожный плащ висел на ней мешком, а капюшон надвинут так низко, что лица почти не было видно.

— Привет, Мармион, — как можно теплее сказала Гретта.

— Доброе утро, — тихо ответила та.

Она улыбнулась, но неуверенно. Её голубые глаза на секунду задержались на Гретте, метнулись к Рику и тут же ушли в сторону.

— Утро доброе, — отозвался Рик всё тем же низким голосом и коротко подмигнул.

— На сегодня это всё? — Мармион шагнула к тележке и наклонилась над ней, пряча лицо за стопкой книг.

Гретта протянула ей плотный лист, расчерченный на ровные столбцы. Она сделала вид, что не заметила, как эти двое переглянулись. Мармион пробежала список глазами. Кончики её ушей заалели, и она торопливо убрала лист в карман.

— Да, тут всё верно, — сказала она, слегка запнувшись, и вдруг спросила: — Сегодня ведь твоя последняя смена?

— Последняя. Испытательный срок я прошла, — быстро ответила Гретта. Она почти физически почувствовала облегчение: разговор наконец свернул на сухие и безопасные рабочие темы.

Когда Мармион скрылась между стеллажами, Гретта сразу ударила Рика по плечу.

— Хватит, — прошипела она, не скрывая возмущения.

— Чего хватит? — он всё ещё смотрел туда, где только что стояла Мармион.

— Флиртовать с ней. Ей не нужны пустые заигрывания, ей нужна определённость. Если ты не готов к серьёзному, не трогай её.

Рик картинно вскинул брови:

— Клянусь, я ей ничего не обещал.

— Тогда и не строй из себя галантного кавалера! — жёстко сказала Гретта.

— Ладно, ладно! — Он тихо засмеялся. — Столько лет прошло, а ты всё так же не можешь не наводить порядок во всём подряд. Сразу видно архивариуса, пусть и несостоявшегося: вы все мечтатели и романтики. Кстати, мы с Арчером всю неделю наблюдали, как ты обращаешься с новыми клинками. И он прав: в архиве твой талант пропал бы зря.

Грудь Гретты обдало жаром гордости, щёки вспыхнули. Ей стоило труда сжать губы, чтобы не расплыться в слишком явной улыбке. Радость она спрятала поглубже и прикрыла насмешкой:

— Поживём, увидим, кто прав. А ты кем хотел стать, когда был маленьким? — спросила она, лишь бы не повисла тишина.

— Живым, — бросил он и равнодушно повёл плечом.

Что ж, для плана неплохо. Пусть он и состоит всего из одного слова.

— А как вы с Арчером вообще познакомились?

— Мы выросли вместе, потом поступили в одну академию, — ответил Рик. — По сути, мы семья. И из Альентара после выпуска уехали тоже вдвоём.

— И его просто так отпустили?

— А что, должны были не отпустить?

— Ну он же принц, — Гретта пожала плечами. — Говорят, он первый в своей династии стал феранором. Это правда?

— Правда. — Рик усмехнулся. — Он мечтал об этом с одиннадцати лет. Его отец дипломат: к Ордену он почти никак не привязан, разве что через Совет. И он хотел, чтобы сын пошёл по его стопам, но у Арчера другие планы. А теперь на него ещё и давят, чтобы он поскорее женился.

Гретта застыла. Конечно, она знала то же, что и все: больше двухсот лет служба феранором считалась престижной и, пожалуй, самой доходной. Но в королевских семьях Альентара детей в Орден обычно не отдавали. Туда и не стремились, потому что всё внимание уходило на вопрос наследования трона.

— И как он собирается служить, когда станет королём? — спросила она.

— Он один из сильнейших феранов во всех Орденах, — Рик повёл плечом. — Думаю, когда придёт время, Триумвират решит вопрос в его пользу. Не зря же он тринадцать лет выкладывался до предела и доказывал, чего стоит.

Об этом Гретта уже и сама догадывалась. Арчер был трудоголиком до мозга костей и себя совсем не берёг. Помощь и заботу от других принимать не умел, хотя сам постоянно пёкся об отряде.

— А почему про него ходят слухи? — вдруг спросила она. — Ну, те самые.

— Лучше у него самого поинтересуйся, — хмыкнул Рик, но, наткнувшись на её упрямый взгляд, сдался. — Это что-то вроде защиты. С личной жизнью у него не заладилось от слова совсем. Хотя, по мне, всё проще: ему никто не попался такой, чтобы зацепил по-настоящему и он захотел открыться. А так… интереса у него никогда не было. Вот он тогда и нырнул в учёбу, отгородившись от остальных.

Гретта поняла, что Рик ловко обходит именно то, что она хотела услышать. Она выдохнула и окинула взглядом зал. За длинными столами устраивались люди в мантиях и раскладывали бумаги. Шорох страниц и тихие шаги постепенно вытеснили образ, который всё ещё стоял перед глазами.

— Как будто приезжаешь в дом, где вырос, и вдруг чувствуешь, что он тебе больше не свой, — медленно сказала она, глядя на знакомые стены. — Архивариусам труднее всех смириться с тем, что мир меняется. А это место, если честно, никогда не казалось мне родным. И, кажется, меня это даже не расстраивает.

— Понимаю, — ответил Рик, и в его голосе было куда больше, чем простая вежливость. Гретта вдруг ясно поняла: он говорит искренне.

Ей захотелось спросить, как он жил все эти годы и чем занимал дни, но момент был упущен. В зал с грохотом и тихим скрипом въехала тележка, которую катила Мармион. Она была доверху нагружена тяжёлыми томами.

— Всё собрано, — коротко сказала Мармион и показала на туго свёрнутый свиток, лежавший сверху.

Рик молча взял тележку у неё из рук.

— Увидимся, Мармион.

Тяжёлая дверь захлопнулась, и приглушённая тишина библиотеки осталась позади. Они вышли в длинный прямой коридор.

— Знаешь, это Арчер научил меня по-настоящему драться, — снова заговорил Рик. — Поначалу я просто давил силой и напором. Не займись он мной тогда, я бы вылетел ещё на первом отборе. Что бы он ни изображал, за своих он будет стоять до конца.

Гретта поднималась по широкой лестнице, и каждый шаг сегодня казался маленькой победой. Мышцы слушались, а тело больше не напоминало чужой, неповоротливый механизм. Не глядя на Рика, шагавшего рядом, она позволила себе быструю улыбку.

— То есть теперь я тоже из его близких?

Рик прищурился, и по его лицу разошлась хитрая ухмылка.

— Тебе ведь очень хочется услышать «да», правда? — протянул он. — Ты постоянно о нём думаешь. Даже не спорь.

— Ну конечно, у нас же тут главный эксперт по людям, — попыталась съязвить Гретта, но вышло жалко. Они свернули за угол и оказались в просторном зале, где стоял гул, как в растревоженном улье: искатели собирались на общий сбор.

Рик вдруг замедлился и пристально посмотрел на неё.

— Так что, Гретта? Да или нет?

— Да, — выпалила она, не успев даже попытаться соврать. Одно короткое слово выдало всё, с чем она так старательно боролась внутри.

Рик тихо рассмеялся.

— Ценю твою прямоту, золотце.

Лос-Анджелес. Декабрь 2024 год.

Как только Гретта попала в смотровую, Фатерис поняла, что план провалился. Попасть сюда удалось лишь потому, что Арчер сам предложил выяснить, что за сила в ней скрыта: у него нашлись нужные знакомые, и Гретта согласилась не раздумывая. Но в самый ответственный момент Фатерис срочно вызвали в Орден.

Сила в новенькой оказалась совсем не такой, к какой привыкла Фатерис. Её собственная магия была дикой и взрывной, а эта напоминала огромную глыбу льда: неподвижную, грозную и готовую расколоться в любую секунду.

Фатерис следовало остаться и прислушаться, как её магия реагирует на мощь, проснувшуюся в девушке. Вместо этого она отпрянула. От Гретты исходил такой горький холод, что он задевал воспоминания, которых Фатерис поклялась не касаться.

Верховный Гаррет Келмор позволил ей в присутствии Энжелы и Арчера подойти к Гретте вплотную и внимательно её осмотреть. Это было Время, та самая Сила, что раньше принадлежала Эвалю, а теперь принадлежала Зейну Синклеру.

Злости к прежнему носителю Времени Фатерис не испытывала. Когда он жил, её ещё не было на свете. Умом она понимала, что должна быть ему благодарна: Эваль в своё время помог спасти Эстер Розалес. И всё же стоило кому-нибудь упомянуть Время на собрании или в коридорной стычке, как внутри просыпалось слабое чужое эхо. Фатерис молчала и сгорала от стыда: ведь когда-то она сама приняла от этого человека часть его Силы.

— Хватит! — резко бросила Энжела, и Фатерис будто окатило холодной водой.

Фатерис уже собиралась съязвить насчёт внезапно проснувшегося у Энжелы аппетита, но не успела.

— Ты назвала это Временем. — Энжела помнила, что Штаб защищён барьерами и печатями, но беспокойство взяло верх, и она заговорила почти беззвучно. — Уверена, что не ошиблась?

— Разве ты сама не ощущаешь? — Фатерис приподняла бровь.

— Прекрасно знаешь, чего мне это стоит, — проворчала Энжела и сунула в рот ещё одну вафлю. Что Фатерис подумает о её голоде, ей было всё равно. Она спокойно стояла напротив и с удовольствием завтракала, пока Фатерис пыталась говорить о серьёзных вещах.

И тут в Фатерис что-то сломалось.

Пустоту, к которой она успела привыкнуть, мгновенно заполнила жгучая ненависть, почти физически ощутимая. Перед глазами замелькали те самые обрывки воспоминаний, от которых её магия перегружалась до предела и рвалась наружу, выискивая достойного против-

ника. Размытая дорога. Изуродованное тело. Вывернутая рука, попавшая в поле зрения, и пальцы, которые до сих пор чувствовали ледяную грязь и вязкую кровь. А рядом, буквально в шаге, стоял мужчина в идеально чёрном костюме. Как ни странно, его начищенные туфли оставались безупречно чистыми.

— Гретта не умеет обращаться со Временем, — с трудом выговорила Фатерис, заставляя себя вернуться в настоящее. — Не может ни подчинить его, ни наполнить. Поэтому оно тянется к чужим источникам силы. Давит на нас и на нашу магию, возвращая в те моменты, когда мы были сильнее всего.

— Почему ты вообще решила, что в ней именно Время? — Энжела явно растерялась. — Так не бывает. Сила в ней есть, но третий носитель такой же просто невозможен. — Она нахмурилась и помолчала. — Эваль отдал свою силу только двоим: Зейну и тебе.

— Мы говорим про Эваля? Или всё-таки про Ти… — попробовала вставить Фатерис.

— Про Эваля, — отрезала Энжела. — Только про него.

— Ладно. Но ты упускаешь одну деталь: его наследие получила ещё и Эстер Розалес, пусть и в роли связующего звена с Сатурном.

— Мог ли сам Эваль каким-то образом передать свою магию Гретте?

— Я бы не взялась это утверждать, — сдержанно ответила Фатерис. — У меня есть одна догадка. Я уже рассказала о ней Арчеру, и он, мягко говоря, не обрадовался.

— Что за догадка?

Фатерис посмотрела на неё в упор, не отводя глаз.

— Это одна из граней Времени. Память.

Энжела тяжело сглотнула и посмотрела на тарелку с вафлями: теперь они казались ей картонными и совершенно безвкусными. Предостережения Гаррета её не волновали вообще. Она отодвинула тарелку и скрестила руки на груди.

— Я знаю про Время больше, чем ты думаешь. — Фатерис повернулась к ней всем телом. — Если коротко, сила Эваля делится надвое: на прошлое и будущее. Будущее он передал мне в виде Судьбы. С прошлым сейчас возятся Зейн и Эстер, и получается у них, честно говоря, плохо. Как он мог дать Гретте Память, если сам такой гранью не владел? Зейн способен отматывать время назад, но не дальше чем на двести лет. А мы обе знаем, что всё, что было до семидесятой ветви цикла, то есть до тысяча восемьсот пятнадцатого года, поглотил Зал Забвения. Туда никто в здравом уме не полезет.

Энжела напряглась.

— Так к чему ты ведёшь?

— К тому, что Эваль ещё во время Вторжения соединил частицу Времени с Творением. Причём так аккуратно, чтобы оно проснулось именно сейчас и приняло форму Памяти. А может, я не права, и тут приложил руку кто-то другой. — Фатерис говорила почти ровным тоном. — Юстиниан Кришт считал, что Память досталась Эстер. Он ошибался.

Энжела прищурилась.

— Почему?

— Потому что будь у Эстер Память, Сила Зейна запросто могла бы породить скачок например в тысяча восемьсот четырнадцатый год. Это конец Вторжения и это же конец шестьдесят девятого цикла. Он, как и прежние были уничтожены Залом, а тысяча восемьсот пятнадцатый это крайний год, в который Эстер смогла совершить скачок. Напомнить тебе хроники? Оракул сбросил её в бездну к Деструктору. Только потому что этот момент зафиксирован самой Эстер и Зейном Зал Забвения всё еще не может уничтожить эту ветвь цикла. Как не может и семьдесят первую и текущую — семьдесят вторую. Пока наследие богов и резонаторы живы, Альентару ничего не грозит.

— Понятно. — Теперь Энжела говорила совсем тихо. — Выходит, Время всё же раскололось на три части. «Судьба» у тебя. У Зейна Время в чистом виде. У Эстер его вторая поло-

вина, но лишь как отголосок. А Гретта несёт в себе «Память». — Она помолчала, взвешивая вывод. — Мог ли это устроить сам Зейн? Больше никто не потянул бы такой объём магии и не рассыпался бы при этом.

— Нет, исключено. — Фатерис покачала головой. — Если бы он такое провернул, его бы истощило до дна. Восстанавливался бы годами. — Она слегка наклонилась вперёд. — Но если это правда Память, у Гретты есть шанс распутать узел. А у коалиции появится возможность прикончить Зверя.

Энжела невесело усмехнулась:

— Только ты забываешь, что у Гаррета до сих пор нет ни наследия Смерти, ни Творения.

— Поиски идут в полную силу, — отрезала Фатерис.

— И что они дали? — съязвила Энжела.

Фатерис так сжала губы, что они побелели. Райан Феллмер, агент «Семьи», пропал несколько недель назад. Его тело нашли на границе с королевством фейри, как и тела Валентино Бишопа, Анри Гилмора и Фадея Дублея, членов Дикой Охоты, а также Дерека Кински. Все они были изуродованы неопознанной магией. Верховный маг Лос-Анджелеса Коэн Холт смог выделить из останков два различимых отпечатка силы, но дальше этого дело не сдвинулось.

— Коэн так и не выяснил, — продолжила Энжела, не дав Фатерис вставить ни слова, — принадлежат ли Смерть и Время одному источнику или разным. А Творение само к нам не придёт, потому что оно привязано ко Времени, точнее, к Памяти. Из семерых Легиона осталось шестеро. Так что расслабляться рано, дорогая.

— Только бы до этого не дошло, — едва слышно произнесла Фатерис.

Энжела медленно повернулась к ней и замерла. Её голубые глаза вновь засветились холодным светом: магия была наготове и ждала удара, хотя никто пока не нападал.

— Вторжение случилось сто восемьдесят семь лет назад, — спокойно сказала она, убирая руки в карманы брюк. — А Гретте двадцать два. Эваль раздал свою силу до её рождения. Он не мог передать её той, кого тогда даже не планировали. — Она на секунду замолчала, собираясь с мыслями. — Возможно, Первый Легион давно составил план, и появление новой Седьмой лишь его начало. Мы, наверное, видим только первый этап и понятия не имеем, что будет дальше.

— Но зачем тебе вставать на её сторону? Это же просто... — Фатерис осеклась.

«Безумие», — мысленно договорила за неё Энжела. У коалиции было не меньше сотни доказательств того, что наследие Творения может проявиться в любую минуту. Выходит, оно проявилось именно так.

— Появление Гретты и то, как она связана со Временем, не случайность. Можешь не верить мне на слово, но моя магия показывает другое: искажения пространства между мирами подчиняются не тем законам, которые мы считали верными.

Энжела нахмурилась. Разговаривать с Фатерис всегда было как идти по тонкому льду: она выдавала информацию крошечными порциями, будто держала всю правду при себе. Сегодня эта отстранённость ощущалась особенно остро, но Энжела всё равно не отвела взгляд.

— Я не успеваю за твоей мыслью, — сказала она почти шёпотом. — Объясни нормально.

— Мы думали, что всё, что попадает в наш мир, давно где-то застряло и только сейчас прорвалось сюда. — Фатерис ненадолго замолчала. — Но данные пространственной магии этому противоречат. Переходы работают так же стабильно, как и двести лет назад, до Вторжения.

Энжела резко вдохнула.

— Получается, их кто-то открывает?

— Да. Часть Переходов действительно осталась со времён Вторжения: они старые и уже еле держатся на магических креплениях. Но остальные... — Фатерис покачала головой. — Остальные появились позже. И созданы они снаружи.

— Когда всё началось? — голос Энжелы дрогнул.

— Примерно через пятьдесят лет после Вторжения. Тогда закрылся последний из старых Переходов. После этого каждый новый открывали уже с той стороны. Магия притягивает магию, — устало добавила Фатерис, бросив взгляд на ослабевшие защитные контуры. — Так что запомни: никому ни слова о том, что ты сейчас услышала. Сначала нужно подтвердить мои выводы. Потом пойдём к Верховному и будем убеждать его...

— Что Гретта способна вернуть память мира? — перебила Энжела, и в её голосе снова появилась жёсткость. — Тогда можно считать, что доказательства у нас почти есть.

Фатерис долго смотрела на неё, словно проверяя, и закончила фразу:

— ...Что план обо всём происходящем сложился задолго до нашего рождения. Раньше, чем Эваль впервые получил Время. И, возможно, ещё до самого Вторжения.

Глава 6. Исповедь маски

Меня сейчас узнать не могли бы:
жилистая громадина
стонет,
корчится.
Что может хотеться этакой глыбе?
А глыбе многое хочется!
И вот,
громадный,
горблюсь в окне,
плавлю лбом стекло окошечное.
Будет любовь или нет?
Какая —
большая или крошечная?
Откуда большая у тела такого:
должно быть, маленький,
смирный любёночек.
Она шарахается автомобильных гудков.
Любит звоночки коночек.

В. Маяковский
«Облако в штанах»

Бухарест. Март. 2022 год.

Она тараторила без умолку — громко и с какой-то лихорадочной горячностью. Похоже, тишина, повисшая в смятой гостиничной кровати, пугала её куда больше, чем та самая измена, на которую она, как выяснил Арчер всего пару минут назад, всё-таки решилась.

«Ну ты и жалкий придурок. Тебя использовали, чтобы был повод бросить парня».

Арчер слушал вполуха и смотрел в потолок. За последние дни извилистая трещина в штукатурке стала для него едва ли не самым близким существом в этом городе.

— …Нет, ты представляешь, она заявила, что с моими данными на творческий конкурс лучше не соваться! — Её голос сорвался на визг. — Я вообще-то на третьем курсе, и Ленц меня выделяет. А она до сих пор стоит в подземном переходе у ратуши и торгует открытками. Ну и где тут справедливость?

— Где-то пьёт горькую в компании здравого смысла, — ответил Арчер, не шевельнувшись. Интонацию он выдержал точно: сочувствия ровно столько, чтобы она не обиделась, и холода ровно столько, чтобы не вздумала тянуть тему дальше.

Её звали Мира. В полутьме, куда через тонкие шторы просачивался свет уличного фонаря, её глаза блестели сытым кошачьим довольством. Она приподнялась на локте и улыбнулась так, будто ждала аплодисментов, вызова на бис и признания своей исключительности.

— Ты такой молчун, — протянула она с наигранной обидой. Ноготь принялся выводить на его груди какие-то закорючки, не значившие ничего ни для неё, ни для него. — Ну скажи, тебе понравилось?

— Нормально, — соврал он тем же тоном, каким писал «согласовано» на рабочих документах.

«Понравилось». Арчера внутренне скривило. Ничего из случившегося нельзя было назвать ни близостью, ни хотя бы осознанным выбором, просто глупая цепочка совпадений. Согласился он по одной причине, стыдной и по-детски упрямой: а вдруг на этот раз то самое «притяжение», о котором все так много говорят, наконец появится?

Желания лечь с ней в постель у него не было, как не было его и раньше. Но весь вечер они проговорили на удивление легко. Сама мысль о близости стала для него неприятной ещё в коридоре, перед дверью номера. Он жалел о ней и почти развернулся к лифту, но заставил себя остаться и довести дело до конца. Зря.

К его скудному списку пережитого добавилась новая запись. Теперь он, оказывается, тот, кто «в сто раз лучше моего парня». Такой роли он не ждал.

«Надо было остановиться четыре года назад. Тот раз был последним, и пусть бы им и оставался. Сколько можно надеяться на чудо?»

Он был себе противен. Горло сдавило. Расклеиться сейчас, при чужой девушке, значило бы окончательно потерять лицо...

Мира достала из мятой пачки две сигареты, щёлкнула зажигалкой и сунула одну ему в руку, как успокаивающую соску капризному ребёнку. Арчер затянулся, выдохнул и стал следить, как дым ползёт к потолку и повторяет изгиб трещины. В комнате стало душно: пахло мускусом, потом и чужим возбуждением.

— Боги, ты как деревянный, — протянула она. — Да расслабься ты уже…

Она тихо хихикнула. Будь жизнь Арчера обычной, этот смешок, пожалуй, показался бы ему милым. Сейчас же он хотел только одного: чтобы её голос утонул в шуме труб, а сама она исчезла, как сквозняк.

Её рука скользнула ниже, к его животу, и Арчер сжал её запястье. Резко, чтобы не пришлось объяснять словами.

— Знаешь, — сказал он, — всю эту прыть прибереги для Ленца. Он, говорят, оценит.

Мира мгновенно подняла голову. Перемену в его голосе она уловила сразу.

— Что это значит? Я что, совсем тебя не привлекаю? Ты вообще…

Она осеклась. Конечно. Того самого, чего он так ждал, не случилось.

— Давай сразу условимся: больше ты меня не трогаешь. — Он убрал её руку в сторону. Вышло жёстче, чем он собирался, но извиняться за это он не стал.

Мира вырвала ладонь и скривилась. Обида в её лице смешалась с брезгливостью.

— Ты со всеми так себя ведёшь? Или это мне одной так повезло?

Арчер не стал отвечать сразу. Он ещё раз затянулся, запрокинул голову и выпустил дым к потолку, наблюдая, как тонкая нить растворяется возле всё той же трещины.

— Мы за весь вечер даже не поцеловались, — не унималась она. — Ни разу. Ты это заметил?

Он поморщился. Поцелуй — это чужое дыхание на губах, жар, потеря контроля… Когда-то он мечтал узнать, каково это, когда слова становятся ненужными, а желание выжигает всё внутри. Мечтой всё и закончилось: к себе он никого не подпускал, да и не пытался.

— Издержки характера, — сухо ответил он. — Для меня это слишком личное. А делать исключение для человека, который гуляет за спиной у парня, я не собираюсь.

Мира отвернулась к окну и затянулась так глубоко, будто хотела обжечься.

— А ты сам-то кто такой? — бросила она, хотя Арчеру хотелось, чтобы она наконец замолчала. — Изменяют все, понял? Тебе просто не с кем было, вот и строишь из себя святого. Или ты не успел перепробовать пол-Альентара? А в Лос-Анджелесе?

Арчер раздавил окурок в пепельнице. Женщин в его жизни на самом деле было совсем немного.

— Кто любит, тот не изменяет. И парня твоего мне искренне жаль, — произнёс он спокойно. — А теперь, пожалуйста, одевайся и уходи.

Сам он был не лучше, просто на свой лад. Оправданий у него не нашлось бы, да он их и не искал.

— Да ухожу, ухожу, — буркнула Мира, натягивая бретельку и глядя куда-то в сторону.

— Отлично, — отозвался Арчер.

Собралась она за полминуты и ни разу не обернулась. У двери она всё-таки задержалась. Рот приоткрылся: то ли для последней колкости, то ли для вопроса, который она так и не решилась задать. Благоразумие победило. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Остался только низкий, ровный гул холодильника в соседней комнате. Арчер вытянул из пачки новую сигарету, прикурил и втянул дым так глубоко, что в груди стало горько. Больше всего на свете он сейчас презирал себя за то, что опять впустил в свою жизнь постороннего человека.

Он прижал ладонь к лицу. *«Всё. Хватит. Это последний раз, и на этот раз без исключений».*

Всё ему стало ясно ещё в восемнадцать, на третьем курсе Академии, после самой первой попытки: физическая близость без глубокой эмоциональной связи не вызывала в нём ничего. Перед выпуском он решился повторить опыт, и снова ничего. Сегодня вышел третий заход с тем же результатом.

Он ощущал себя ребёнком, потерявшимся в толпе, где все вокруг почему-то нашли своих. Время от времени он пытался флиртовать, неуклюже и без особой веры, надеясь, что хоть что-то в нём шевельнётся. Не шевелилось. Вот и теперь простыни ещё хранили чужое тепло, в воздухе висел сладкий шлейф её духов, а внутри было пусто, если не считать отвращения к себе. Зачем пробовать, если исход известен заранее? Ответ был до обидного простым: он не мог перестать надеяться. Под слоем сарказма, эрудиции и показной невозмутимости сидел упрямый романтик, который продолжал верить, что рано или поздно всё изменится. Что вместо желания немедленно отмыться от чужих рук он почувствует то самое тепло, о котором столько написано в книгах. Но чудо не наступило. Впрочем, ждать его он уже перестал: мироздание работало по своему расписанию, и в этом расписании для него значилась стабильность.

— Что со мной не так? — спросил он у потолка.

Потолок промолчал, такой же вежливый, сдержанный и язвительный, как сам Арчер. Сигарета дотлела до фильтра. Сон не шёл, хотя именно он мог бы на пару часов выключить этот поток мыслей.

Планов он не строил. Он был убеждён: что бы ни делал, всё останется как есть. Поэтому он решил просто остановиться. Одиночество никогда не было для него неподъёмным, справлялся раньше, справится и теперь. Зато исчезнет необходимость снова и снова собой брезговать. Разумнее всего было вернуться за привычную, хорошо смазанную ширму, в работу. Когда голова и руки заняты делом, глупым мыслям о любви в ней места не остаётся.

За окном город просыпался и понемногу включался в обычную суету. Арчер лежал на белых гостиничных простынях и констатировал один-единственный факт: он совершенно один. Трагедией это не было, ведь трагедии нужны громкие слова и слёзы. Скорее это напоминало заключение, зафиксированное в карте: сухо, точно и обжалованию не подлежит.

Вся его жизнь прошла в этой особенности, менялись только названия. В детстве её звали «мечтательностью». Теперь у неё был клинический термин, и Арчер научился носить его, как хорошо сидящий пиджак: он не сковывает движений, смотрится безупречно и убеждает окружающих, что за ним стоит толковый портной.

Альентар, Сент-Эмерод, 2018 и 2022 года.

На карте Альентара столица одноименного королевства Сент-Эмерод значилась местом, где сплетня ценилась выше любой банкноты и задавала курс твёрже драгоценных металлов. Сведения, способные обрушить биржевые котировки или министерские кресла, хождения здесь не имели — эту пресную материю оставляли за порогом. Ко двору подавали информацию совсем иной пробы: её сервировали к пятичасовому чаю под осторожный звон дорогого фарфора, сдабривая выразительными паузами и взглядами. Слух выступал не пустым сотрясением воздуха, а многофункциональным активом — расчётной единицей при обмене услу-

гами, скоростным социальным лифтом на самый верх, а при необходимости — и элегантной гарротой для чужой репутации.

В эпицентре этой воронки без малейших усилий пребывал Арчер Керриган — персонаж, чьи подлинные черты оказались погребены под таким слоем легенд, что восстанавливать оригинал никто уже не брался.

Он досконально изучил механизм испорченного телефона. Более того, находил в его работе странную красоту. Крошечная крупица правды падала в благодатную почву салонного любопытства и прорастала эффектным ядовитым цветком — следить за этим превращением Арчер считал своего рода досугом. Ни опровергать, ни подтверждать он не торопился. Вместо слов он предоставлял безупречную тишину — чистый холст, на котором каждый волен был изобразить любых чудовищ, каких породит собственная фантазия.

Базовое правило, по которому мутировала молва, было простым: градус драмы должен только расти.

Можно вспомнить хотя бы Летицию. Не дождавшись утра Арчер ушёл из её спальни с ясным, и с откровенно паршивым осознанием: секс состоялся, но не вызвал у него абсолютно ничего. Его дебют оказался отвратительным. Расскажи она подругам, как он механически делал своё дело, а после молча оделся и вышел, не дав ей перевести дух, — это прозвучало бы как чистосердечное признание, что любовница из неё никудышная. Такой поворот её решительно не устраивал. Факты требовали художественной доработки.

— Да не тяни ты! — Элис подалась вперёд, едва не опрокинув чашку. — Говори уже, что он там вытворяет. Ходят слухи, от его взгляда люди выпадают из реальности.

Летиция выждала, картинно прикрыла веки и протянула:

— Дорогая, я даже не знаю, с чего начать. Слов просто не хватает, уже через пару минут я переставала соображать. Это ураган, не человек. Он смотрит так, будто достаёт из тебя душу и разглядывает при свете. А его молчание… в нём такое открывается, что дух захватывает, правда. И руки… — Она многозначительно выдохнула и закусила губу.

К вечеру Элис пересказывала всё это своей кузине уже в собственной редакции, и деталей становилось всё больше. Арчер в её версии был не просто таинственным: в нём кипела дикая страсть, он шептал на ухо ей самой, Элис, какие-то старинные стихи и чуть не разнёс всю мебель. Через неделю история обошла десяток гостиных, а единственная ночь превратилась в «выматывающий, страстный роман, который некой несчастной Мэри пришлось прекратить, потому что его одержимость пугала её всё сильнее».

Эхо этих преувеличений долетало до Арчера в чужих обрывках фраз и ехидных замечаниях знакомых, но он только едва заметно усмехался. Ту ночь у Летиции он помнил на удивление отчётливо, хотя тогда много выпил. Он помнил, что согласился сам не зная зачем, главным образом потому, что его тяготило звание восемнадцатилетнего девственника, тогда как Летиция и все, кто верил сплетням, думали о нём совсем иначе. Ни с Элис, ни с Мэри он никогда не встречался и не собирался. А если кто-то хочет вырваться из массовки и сыграть главную роль в душещипательной драме — что ж, пускай.

К слову, репутация демонического соблазнителя отлично работала как сито, отсеивая большинство желающих. Не срабатывала она лишь на тех, кого заводила его холодность и кто с азартом, пусть и безрезультатно, пытался пробить стену его равнодушия.

Второе правило, по которому рождались светские легенды, гласило: чем резче отказ, тем изобретательнее ложь.

Арчер не умел изображать влюблённость, когда ничего не чувствовал, и главное, не понимал, зачем это нужно. Какой в этом смысл? Стоило очередной знакомой после лёгкого флирта посмотреть на него с намёком, за которым обязательно последовало бы «А что у нас с тобой?», он тут же сворачивал общение. Без красивых прощаний, без заезженного «ты тут ни при чём, это со мной что-то не так», без образа одинокого страдальца. Это был пустой, ничего не зна-

чащий флирт, так зачем кормить человека обещаниями, которые он не собирался выполнять ни при каких обстоятельствах?

Уязвлённое самолюбие — субстанция чрезвычайно горючая и требующая немедленной компенсации. А лучше всего её утешает хорошо подвешенный язык.

— Ах, Арчер Керриган? — отвергнутая девушка небрежно смахивала с плеча несуществующую соринку, сидя среди таких же любительниц посплетничать. — Было дело, по глупости. Недели две, не больше. Но, знаете, расстались по моей инициативе. В постели он скучный, как инструкция к шкафу из «ИКЕА». Фантазии ноль, зато самомнения на троих. Я оттуда вылетела так, что только пятки сверкали.

Или другая версия, с горестным вздохом:

— Мне его даже жалко. Таскался за мной повсюду, смотрел щенячьими глазами. Пришлось обойтись с ним помягче, но тратить силы на тех, кто не способен оценить мою глубину, я, извините, не собираюсь.

Так его полностью выдуманный донжуанский список пополнялся женщинами, с которыми он в лучшем случае обсудил погоду или посоветовал не заказывать местных мидий. Порой, пролистывая светскую хронику или ловя обрывки разговоров в курилке, он натыкался на очередную байку о своём «романе» и не мог удержаться от резкого, чуть истеричного смеха.

С той самой Кэролайн, например, они говорили только о свежести устриц и о её нервном тике, причём он посоветовал ей сходить к врачу. Позже Кэролайн рассказывала, что Арчер с ней флиртовал. Как совет насчёт еды превратился в сексуальный намёк, а рекомендация обратиться к доктору в тайное приглашение в постель, он так и не понял. Видимо, всё дело в их воспитании: в этом кругу обычную вежливость принято читать как заигрывание. А теперь она сама придумывает скрытые смыслы, приписывает ему собственные желания, и, когда он отказывается играть по этим правилам, заявляет, что он рыдал у неё под дверью? Браво. Будь у местных драматургов хоть десятая часть такой фантазии, Сент-Эмерод давно бы затмил Бродвей. Ему оставалось лишь аплодировать этому спектаклю из зрительного зала, не злясь и не пытаясь оправдываться. В конечном счёте репутация невыносимого эгоиста отсеивала лишних людей надёжнее любой, даже самой современной, системы безопасности.

Третье правило: у мифов были свои штатные авторы.

Это был самый абсурдный слой здешней жизни. В городе, где статус ценили выше всего на свете, работала простая схема: даже выдуманная связь с Арчером Керриганом мгновенно давала пропуск в закрытый круг, куда не зовут, а пробиваются самостоятельно. Сам Арчер походил на крупного хищника, по недоразумению оказавшегося в человеческом обличье, и к тому же держался подчёркнуто неприступно.

Для определённого типа охотниц за выгодным браком фраза «Я была с Керриганом» работала как повышение рейтинга на брачном рынке. Никаких доказательств, зато готовый сертификат собственной исключительности. «Это я! Я заставила каменного истукана посмотреть в мою сторону!»

Сочиняли самозабвенно, как графоман, мучительно дописывающий последнюю главу. Девицу, которую он в дождливый вторник придержал за локоть у лужи, потому что та была пьяна до беспамятства, через полгода уже называли героиней «сумасшедшей ночи в его фамильном особняке». Никакого особняка, разумеется, не существовало. Стажёрка, однажды чуть не налетевшая на него между архивными стеллажами, рассказывала подружкам про старый шрам под лопаткой и обязательный рассветный ритуал с ромом. Но ром он не пил вообще, а предпочитал ирландский виски, выдержанный так долго, что в нём чувствовался дымок еретических костров. Шрама же у него не было: удар прошёл мимо, оставив только повод для легенды.

Опровергать этот поток народного творчества Арчер не брался по двум причинам. Первая — банальная лень: спорить с толпой так же бессмысленно, как метать бисер перед сви-

ньями. Вторая, более циничная: его это слегка развлекало. Глядя на горящие глаза и дрожащие от азарта голоса, он видел не лгуний, а уличных бардов, которые поют балладу о драконе, никем не виденном, но свято чтимом всеми.

— Керриган, свежая сводка, — ухмыльнулся Рик и шлёпнул на стол червового валета в прокуренной квартире. — Говорят, вчера ты устроил в оранжерее вице-канцлера кое-что непотребное с мисс Уинслоу и заодно угробил пальму. Точнее, фикус. Погиб как герой, по слухам.

Арчер, вскинув бровь, перемешал колоду.

— Прекрасно. Только одно уточнение: во время растления фикуса, я был за четыреста километров от ближайшей оранжереи и доставал артефакт из желудка покойника. Так что руки были заняты. Поверь, на фикус сил бы уже не осталось. У всего есть предел.

Рик расхохотался, и пепел с сигареты упал ему на рукав. Арчер отметил про себя, что оказаться главным героем этого цирка — довольно ироничный поворот.

Когда друг ушёл, он снова закурил и уставился на город за окном, позволив себе короткую кривую усмешку. Репутация распутника и сердцееда была идеальным прикрытием. Пошлые байки отвлекали от того, что он прятал внутри. Публика рассматривала плакат, даже не подозревая, что за ним.

Он открыл окно, выдохнул дым в промозглую сырость и проследил, как серое растворяется в чёрном.

— Город фантазёров, чтоб его. И кто я для них? Универсальный сюжетный ход? Могли бы хоть отчисления платить с тиража своих сплетен. Жадины.

***

Если бы кто-нибудь решил проверить, сколько побед на счету Арчера Керригана на самом деле, он бы быстро заскучал: список вышел бы жалким. Миф всегда упитаннее и сочнее. Толпа — создание невзыскательное: ей подавай знатного наследника в образе рокового жеребца. Что самого Арчера по вечерам тянет скорее в кровать с книгой, чем в чей-то вырез, никого не волновало.

Арчер был достаточно умён, чтобы не спорить с чужими выдумками. Маска была ему не украшением, а защитой. Репутацию строили без его участия, так же методично, как инженеры Ордена заливали фундаменты своих крепостей: каждая сплетня ложилась очередным кирпичом, каждый выдуманный роман становился ещё одной бойницей, обращённой наружу.

Любой наивный человек спросил бы, зачем ему всё это. Арчер ответил бы с самой обаятельной из своих улыбок:

— Да чтоб меня оставили в покое.

Это была линия обороны, холодная и точно рассчитанная. Пока светские дамы грелись у огня несуществующих скандалов, никому не приходило в голову задать единственный вопрос, который действительно мог бы его задеть: *«Одиночество ты знаешь только по книгам или всё-таки пробовал на себе?»*

Он, разумеется, что-то чувствовал: раздражение, скуку, надежду, ненависть к самому себе. Но того, что принято называть романтическими чувствами, не было. Не было того тёплого, всепоглощающего потока, который лишает рассудка, толкает на глупости и заставляет писать стихи.

На одном из приёмов у леди Монтгомери к нему подошла молоденькая баронесса, из тех, кто смотрит на людей как на материал для исследования.

— Мистер Керриган, весь Сент-Эмерод обсуждает, какой вы жестокий, — сказала она, лениво обмахиваясь веером. — Бедняжка Лисабет Уинтер до сих пор рыдает в подушку, говорят. Неужели вы не оставили ей вообще никакой надежды?

Арчер отпил виски, чтобы выиграть время. Лисабет Уинтер. Память подбросила лишь смутный образ блондинки, с которой он как-то полчаса говорил о новой породе гончих. Ни постели, ни романа, ни даже намёка на флирт там не было.

— Лисабет, — задумчиво протянул он.

Ни да, ни нет. Он бросил камень в воду и позволил кругам расходиться самим. Баронесса убежала с добычей, довольная свежей новостью, а Арчер остался у камина, глядя на огонь. Он думал, что слёзы Лисабет, скорее всего, никак не связаны с ним: у неё давно тайный роман с собственным конюхом. Впрочем, какая разница? Мифу без жертвы не выжить.

Лос-Анджелес, 2022 год.

Истина как непристойность.

У этой изматывающей борьбы с собой была и оборотная сторона. Порой сарказм переставал защищать, а привычный разбор собственных ошибок превращался в мерзкое ковыряние в себе. Тогда Арчеру являлась другая картина, от которой горело лицо: он сам, без брони, выложивший всё как есть.

Он представлял это до мелочей. Тусклый свет, на столе открытая бутылка дешёвого пойла из ближайшего магазина, напротив кто-то, кто будет слушать. Отступать некуда, и он говорит:

— Хочешь честно? Ладно. Я потратил пять лет на три пустые, идиотские попытки и на поддержание отвратительного образа. Я не знаю, как быть самим собой, я не могу… Я жалок. Мне противно смотреть в зеркало. Я же всё понимаю, внутри что-то кричало, что это тупик, и всё равно продолжал надеяться. Дурак, каких поискать. Бывает, я лежу ночью и придумываю, чем провинился в прошлых жизнях, которых у меня не было. Иначе как объяснить, что я родился в королевской семье, да ещё с божественной силой? Зачем мне этот титул? Пользы от него никакой, одно давление. Я хочу быть обычным. Я правда пытался и пытаюсь жить обычной жизнью, работать... Но стоит чего-то добиться, чего-то, что далось мне тяжело, и это сразу не считается: все говорят, что это заслуга семьи. Ещё бы, я же принц! Я часами смотрел на трещины в потолке и считал ипотеку, лишь бы голова не поехала. В моих страданиях нет ничего возвышенного. Они уродливые и бессмысленные.

Так он отказывал любому, кто попытался бы увидеть в его боли что-то глубокое.

Одной репетиции этой исповеди хватало, чтобы его скрутило сильнее, чем от самых омерзительных ритуалов, которые он разбирал на заданиях Ордена.

На людях он носил другую маску: пресытившийся гедонист, у которого давно притупились все чувства. Она говорила: «Я всё попробовал, и это скучно. Завидуйте молча, смертные». А изнутри рвалось совсем другое: «Я умираю от голода, и я хочу почувствовать вкус». Первое было похоже на оскал зверя с родового герба. Второе звучало как медицинский диагноз. Арчер Керриган скорее согласился бы лишиться языка, чем позволить кому-то разглядеть за фасадом искалеченного человека. Гордость, скажете? Это единственная мышца, которую не коснулась атрофия. Его личный спасательный круг: дорогая выделанная кожа с вытисненным узором из полного, всепоглощающего презрения ко всему живому.

Высшая школа двусмысленного жеста.

Со временем механизм заработал без сбоев. Арчер научился поддерживать интерес к себе и при этом ни разу не соврал напрямую. Достаточно было лениво повернуть голову или пожать плечами, и каждый видел в этом то, что хотел: кому-то слышалось «ещё бы», кому-то «мне всё равно». Женщины чувствовали эту недосказанность и тянулись к ней, как мотыльки к лампе. Мужчины с завистью копировали его манеры. А сам Арчер, единственный трезвый зритель этого балагана, наблюдал, как легенда о нём пухнет от чужих домыслов.

Как-то раз его спросил Кит.

— Тебя это не бесит? Вечные слухи, девицы, которые записывают тебя в любовники.

Арчер выпустил колечко дыма и смотрел, как оно тает в воздухе.

— Бесит? Да по-моему, отличная сделка. Я сдаю пустую квартиру, а жильцы сами устраивают там оргии, стрельбу и погромы. Мой арендатор интереснее хозяина. Он крушит чужие спальни, а я спокойно читаю скучную книгу. Это аутсорсинг разврата, дружище.

Репутация была его главным капиталом. Пока Сент-Эмерод обсасывал свежую сплетню о его выдуманных похождениях, настоящий Арчер Керриган держался в стороне и просто смотрел.

Лучшее убежище, как ни крути, это сцена. Он понял это ещё ребёнком: люди не ищут подвоха там, где всё совпадает с их ожиданиями. Все хотели от него демонического обаяния, распутства и пресыщенности? Его двойник поставлял всё это в огромных количествах, на расстоянии и без обязательств. Спектакль шёл без антракта, билеты были распроданы, зал аплодировал стоя. А главный герой даже не вышел на сцену. Его там просто не было.

Законы физики и расписание как соучастники клеветы.

У всей этой истории была и предельно прозаическая изнанка, которую салонные пересуды обходили стороной — слишком уж от неё веяло занудством. Всякий миф, претендующий на убедительность, обязан наплевательски игнорировать и законы физики, и распорядок дня. А реальная жизнь Арчера тоскливо подчинялась тому и другому.

Вздумай кто-нибудь изучить ежедневный график командира Керригана — ни единого окна для оргий там бы не отыскалось. Заводная кукушка, а не плейбой. Просыпался до рассвета, разгребал оперативные донесения из Пятого сектора — зоны, где всё время что-то полыхало, детонировало или продиралось наружу сквозь истончившуюся завесу. Утреннее занятие с отрядом: кабинетных стратегов он на дух не переваривал и выжимал из подчинённых седьмой пот, а заодно и из себя. Потом — штабные планёрки, где требовалось лавировать между орденскими отчётами и ассамблейской волокитой, как между Сциллой и Харибдой. Ближе к вечеру — патруль, обработка данных, а еще чаще — рейды на зачистку, которые могли занять хоть всю ночь, хоть несколько суток, и главным трофеем которых оказывалось не шампанское в кружевном белье, а уткнутое в подушку лицо и хроническая бессонница, зараза такая, пожиравшая остатки сил.

Салонная математика — наука не арифметическая, а алхимическая, замешанная на бреду. Пока реальный Арчер, сжав зубы, раз в несколько лет решался на глупый флирт, светский телеграф уже сплетал гирлянды из новых лиц и загубленных добродетелей. Любой случайный контакт, который ничем не заканчивался, в пересказе превращался в «очередное падение» — потому что публике до отвращения скучно признавать очевидное: перед ней не демон-соблазнитель, а просто закрытый и одинокий человек.

Лос-Анджелес. Апрель, 2023 год.

Солнце даже сквозь шторы вело себя как бесцеремонный вышибала, и Арчер издал горловой звук, в котором смешались вой раненого зверя и шипение парового котла под предельным давлением, — принять это за приветствие можно было только в состоянии полного умственного распада. Голова сразу же доложила обстановку: внутри явно настраивал инструменты целый оркестр, а ударная секция уже переписывала аранжировку под самые мрачные фрагменты Вагнера.

— Подъём, красавчик! Ещё живой?

Голос Рика вошёл прямо в висок, будто раскалённый шуруп. Разлепив один глаз, Арчер выцепил приятеля, вольготно развалившегося на диване: чашка кофе, ухмылка до ушей и общее состояние тошнотворной бодрости.

— У меня в черепной коробке сейчас вовсю наяривает колокольный звон, — проскрипел Арчер. — Обалдеть. Каким ветром тебя занесло в мою спальню, будь любезен?

— Несу вахту над плотью и душой, — Рик картинно приложил ладонь к груди. — Стерегу твой хрупкий покой и не менее хрупкую недвижимость. Кстати, как тебе вчерашняя блондинка? По-моему, девушка с огоньком.

Арчер перекосился, словно глотнул отравленного кофе. Стоило ему попытаться принять вертикальное положение, как мир предательски накренился, а перед глазами заплясали чёрные точки.

— Какая ещё блондинка? Это ты про кого-то из моих знакомых или у тебя новая кличка для меня?

Рик расхохотался.

— Скотина ты циничная, Керриган! Мы были в «Гранд-Неон», где я тебя и потерял, кстати говоря. Она обвивала тебя, как плющ могильную плиту, пока ты хлестал виски. Неужели правда ничего не помнишь?

Арчер сделал вид, что напряжённо вспоминает, всплыли лишь размытые обрывки: светлые волосы, чья-то попытка утащить его подальше от света и полный вакуум в графе «содержательный разговор».

— Мне плевать на детали. Веришь или нет, но я ушёл вовремя, пока ещё мог соображать. — В памяти всплыло, как он вырывал свою руку из цепких пальцев с длинными ногтями и ловил такси, пока она кричала вслед что-то обидное про его неотесанность. — Ни с кем и ничего у меня не было.

— А мне рассказали, что вы просидели в обнимку весь вечер и полночи. И имени её ты не спросил. — Рик откинулся назад, довольный собой. — Легендарный избирательный склероз! Совесть по ночам не забегает с воспитательными беседами?

— Закрой пасть, — выдохнул Арчер, растирая переносицу. — Тебя повысили до моего штатного садиста? Отлично. А я и не заметил.

— Ну, я в карму верю, — Рик сделал глоток кофе. — Мне по распределению выдали параноидального нарцисса с лёгкой позолотой социопатии. Отрабатываю. Ладно, я же шучу. А если серьёзно — функционировать способен?

— Следующий, кто спросит, как я себя чувствую, получит в зубы. Причём в ближайшие полчаса это обещание остаётся в силе.

Тут в дверь резко и громко постучали, и разговор оборвался. Рик приподнял бровь, а Арчер с мученическим стоном закатил глаза.

— Приоткрой на пару сантиметров. И доложи, что я уплыл в кругосветку. Или скоропостижно скончался. Выбирай версию на свой извращённый вкус, — он небрежно махнул рукой и начал шарить в поисках штанов.

Рик тяжело вздохнул и с обречённым видом двинулся к двери.

— Сиди, — бросил Арчер. Он кое-как натянул найденные наконец штаны и сам поплёлся к двери: если открывать будет Рик, из этого вырастет целое представление минут на тридцать. Последнее задание вымотало его до такой степени, что хотелось забыть собственное имя, а «Гранд-Неон» почти довёл дело до конца.

За дверью обнаружилась Сибил. В руках она держала поднос с парящей кружкой, а из-под чёлки на Арчера смотрели холодные глаза. Один быстрый, цепкий взгляд сверху вниз сказал ей всё, что нужно. Арчер удивлённо поднял бровь и неспешно прикрыл дверь.

— Видок у тебя ужасный. Будто тебя пропустили через мясорубку. Хотя нет, фарш выглядит приличнее. — Сибил сунула кружку ему в руки. — Спорить не надо, нюхать тоже. Просто выпей.

Разумеется, он понюхал. Из кружки тянуло полевыми травами и хвоей. После первого глотка колокольный звон в его голове стал тише.

— С чего такая доброта?

— Я видела тебя после разбора, у тебя всё на лице было написано. А потом услышала, что ты отправился в «Гранд-Неон» и гулял так, словно утра не будет. — Сибил помолчала. — Ещё говорят, что домой ты вернулся не один.

— Конечно не один. Со мной Рик, — ответил Арчер, стараясь свести всё к шутке. — Лежит там и ждёт, пока я вернусь под одеяло.

— Я говорю не о нём.

Арчер замер. О ком же тогда? Он смотрел на зелёную жидкость на дне кружки, и единственное, чего ему хотелось, так это выспаться.

— Ходить кругами я не умею, так что скажу прямо, — начала Сибил. — Ты мне давно нравишься, Арчер. Не надо думать, что это любовь, на такие чувства я не способна. Но симпатия есть, и немалая. По-моему, стоит попробовать быть вместе.

Он вернул кружку на поднос, который Сибил всё это время продолжала держать. Выпить удалось меньше половины. Арчер всерьёз прикинул, не мерещится ли ему всё это с похмелья. Сибил и серьёзный разговор о чувствах? Сибил и чувства? Он был уверен, что такое исключено для неё. Она была верным соратником. Именно она на втором курсе вставила ему плечо на место без всякой анестезии, а потом годами объясняла, насколько он безрассуден.

— Сибил… — Арчер помассировал переносицу. — Ты очень важна для меня, честное слово. Я бы доверил тебе штопать меня в любом переулке. Но ты приятельница. Иначе у меня просто не получается… — Он запнулся. — И не хочется.

— Так давай я перестану быть просто твоим приятелем и стану тем, кто защитит тебя от самого себя?

— Меня не нужно защищать, дело вовсе не в этом.... — Он покрутил браслет на руке, отворачивая взгляд. — Допустим, я согласился бы… Но через пару месяцев мне станет ясно, что внутри ничего не поменялось. К тому моменту ты можешь привыкнуть ко мне. И я буду видеть, как ты ждёшь того, чего во мне попросту нет.

— Откуда ты знаешь, что нет?

— Потому что я это чувствую, Сибил. Мне не хочется рисковать и обнадёживать тебя понапрасну. Прости.

Сибил молча разглядывала его. Взгляд было тяжело выдерживать, но Арчер справился.

— Так и останешься в одиночестве, Керриган.

— Пусть так.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Всё это нравилось ему всё меньше. Сибил сделала шаг вперёд, а он отодвинулся назад.

— Понимаешь, как это выглядит со стороны? Ты защищаешь вовсе не меня. Ты защищаешь себя.

Арчер даже не хотел оправдываться. Пусть лучше она видит в нём эгоиста. Одна мысль о том, что однажды он проснётся рядом с ней и осознает, что чувства так и не появились, вызывала у него почти физическую тошноту. Ни этот риск, ни такие отношения ему были не нужны.

— Возможно, ты права, — с трудом выговорил он. — Но что это меняет? По-другому я не умею. Не могу увидеть и почувствовать к тебе большее.

— Ничего это не меняет. — Сибил выдохнула.

На душе у него стало гадко. Он наверняка обидел её, хотя ничего, кроме правды, не сказал. Сибил, не произнеся больше ни слова, повернулась и зашагала к лифту. Арчер вошёл в квартиру и с силой закрыл за собой дверь.

— Твои метания я слышу даже отсюда, — отозвался Рик. — И, кажется, я слышал голос Сибил.

— Тебе не кажется. — Арчер упал на кровать. — Она предложила мне отношения, а я отказался. Не смог иначе. Что-то во мне это просто не принимает, где-то очень глубоко.

— А себя за что теперь пилишь?

— А разве не за что?

Причин нашлась бы целая сотня. Но сейчас хватало и одной: он, судя по всему, обидел человека только потому, что не стал ему лгать.

Лос-Анджелес. Май, 2023 год.

Вишнёвый кузов жадно ловил рваные отсветы рекламных щитов. Chevrolet Blazer EV SS стоял вплотную к парапету, и холодный лак отдавал каждый блик обратно, раскидывая по асфальту дрожащие красные пятна. Арчер не спеша обошёл машину со стороны водительской двери, коротко и шумно выдохнул и положил ладонь на остывший капот.

— Ну здравствуй, красавица. Долго ждала?

Рик следил за этим представлением, привалившись спиной к лобовому стеклу. В одной руке он держал бутылку скотча, наполовину пустую, другой лениво водил пальцем по тёмному экрану телефона. Заметив, как нежно Арчер обращается с машиной, он закатил глаза и скривился, будто ему в рот попала горсть кислой клюквы.

— Вам номер для молодожёнов заказать? Или сразу в Вегас, к первому попавшемуся священнику? Свидетели вам не нужны.

— Не заводись, Кросс. Будешь так ревновать, у тебя лицо треснет, — Арчер сел на водительское место, взялся за руль и погладил большими пальцами его выпуклый шов. Он слегка прищурился, явно получая удовольствие. — Есть такое чувство: видишь вещь и сразу понимаешь, что она твоя. Без подсказок и навигаторов. Или оно у тебя есть, или нет.

— Скромности тебе не занимать, — Рик обвёл бутылкой раскинувшийся внизу город. — Посмотри вокруг. Весь этот блеск, места с лучшим видом, и всё бесплатно. А ты вложился в железную коробку на колёсах.

— Эта «коробка», — Арчер забрал у него бутылку и сделал резкий глоток, — раздавит любую твою красивую мечту и не поморщится. А вид… — Он пожал плечами и равнодушно глянул вниз, на огненный провал улиц. — Никуда он не денется. Хотя нет, могут перекопать клумбы по новой мэрской прихоти. Или ещё что-нибудь случится, пока нас здесь не будет.

— Мы здесь проторчим минимум до рассвета, и то не наверняка, — сказал Рик. — Ты уже еле стоишь на ногах, а собутыльник у тебя не лучше. Если тебе вдруг захочется проверить, как твоя вишнёвая королева ведёт себя при столкновении с бетонной стеной, я вылечу следом и растекусь по асфальту кашей из железа и мяса.

— За руль я не сяду, — Арчер усмехнулся и вернул бутылку. — Прекрати, суицид не по моей части. Такую машину надо сберечь для финала, который того стоит, а не разбивать по глупости.

— Ах вот как! — Рик картинно подался вперёд и прижал руку к груди. — Машину, значит, бережёшь, а меня готов выбросить на свалку?

— Ты у меня вечный, — уголок рта Арчера дёрнулся в злой улыбке. — Тебя можно похоронить, сжечь, утопить, а ты всё равно стряхнёшь пепел, выломаешь крышку гроба и приползёшь обратно. Целый, почти без царапин.

Рик усмехнулся, отпил из бутылки и, не поворачиваясь, снова уставился на океан огней, пульсировавший за парапетом. Молчание затянулось, и наконец он заговорил:

— Слушай, в чём тут секрет? Из всего, что можно было взять, ты выбрал именно эту красную зверюгу. Все твои прошлые тачки были чёрными, \настоящие катафалки с пропуском в вип-зону. Стоило тебе выйти из такой, и люди сами начинали хвататься за галстуки, словно им затянули петлю на шее.

Арчер откинулся в спортивном кресле, вытянул руку и медленно, с оттяжкой прочертил кончиком указательного пальца линию вдоль идеально гладкой, глянцевой поверхности центральной консоли.

— Потянуло на перезагрузку, — наконец обронил он. — До чёртиков надоело повсюду таскать за шкирку собственный мрачный силуэт. Чёрный — это униформа, спецодежда. А это, — суставы пальцев выбили по рулю дробную, чечёточную трель, — это прямое обращение

ко всем сразу. Пусть пеленгуют меня за пару кварталов. И пусть при этом внутри у них всё сжимается от лёгкого покалывания.

— Ты — и собственный мрачный силуэт? — Рик издал горловой смешок, едва не поперхнувшись виски. — Родной, да ты захватываешь помещение ещё на стадии движения к дверной ручке. Тебя засекают орбитальные группировки, даже если ты вырубил все передатчики, особенно когда наставляешь свой фирменный испепеляющий прожектор на очередную невинную душу.

— Это не прожектор. — Бровь Арчера дёрнулась вверх, изображая глубочайшее оскорблённое достоинство. — Это харизма прёт наружу без спросу. У меня её с избытком — примерно как у взрывающейся сверхновой жёсткого гамма-излучения.

— Харизма, ну-ну… — Рик покивал с притворной серьёзностью. — А я-то полагал, для этого явления существует совсем другой термин.

— Тебя корежит от жгучей, неразбавленной зависти, сладкий. — Улыбка Арчера вспыхнула так ярко, что ею можно было бы освещать целый квартал. — Не желаешь персональную инъекцию? Безвозмездно, как старому приятелю.

Рик рывком сел на покатом капоте, картинно содрогнулся всем корпусом и крепко, до хруста обхватил себя руками за плечи:

— Сжалься! Я ещё рассчитываю разменять минимум полсотни лет! — Напускная гримаса ужаса сползла почти мгновенно; он повертел в пальцах почти опустевшую бутылку, поймал гранями стекла пару лучей от рекламного щита, и по салону разлетелась горсть крошечных дрожащих зайчиков. — Ладно, давай без цирка. Ты правда намерен и дальше разбазаривать себя на эти… короткометражные новеллы, которые позже пересказывают как мифы? Или, допускаю, в какой-то точке ты всё-таки бросишь якорь?

Бровь Арчера вновь взлетела, а голос пропитался концентрированной иронией:

— С «короткометражными новеллами» порвал окончательно, пошёл уже второй год. Спасибо, что вообще заметил. Ни намёка на флирт, и пусть у Высших сил отсохнут все их щупальца, если им взбредёт в голову втянуть меня в интимное сотрудничество. Я перешёл в полностью автономный режим, кручусь на холостых оборотах, но бросить якорь… Куда прикажешь? Устроиться у камина, всунуть ноги в тапки с пушистыми помпонами, а рядом чтобы супруга ломала голову, какой оттенок штор подойдёт к обоям в детской? — Он тихо, почти беззвучно фыркнул. — Это совершенно не мой сценарий.

— Спорный тезис, — Рик дёрнул плечом, не отрывая расфокусированного взгляда от линии горизонта, где огни мегаполиса сливались в сплошное зарево. — Мне вот кажется, вышло бы недурно. Тёплый дом, поленья потрескивают в камине, а ты в тапках с гигантскими мордами панд — знаешь, те, с выпученными пластмассовыми глазами, которые выглядят до идиотского трогательно…

— Обнадёживает, что почётный титул профессионального дурачка с обаятельной улыбкой ты сумел протащить сквозь все эти годы без единой трещинки, — фыркнул Арчер.

— Ну, хоть одна фундаментальная константа во вселенной устояла, — подтвердил Рик, прикладываясь к бутылке.

Между ними повисла тишина. Арчер сделал последний глоток, и направился к урне.

— Прокол в снабжении. Надо было с самого начала брать две, а не корчить из себя прижимистого скаута.

— Святая истина, — лениво поддержал Рик. — Хотя позволь напомнить: кто у нас тут носит неофициальную корону главного по тактической дальновидности?

— Я не крохобор, если ты пытаешься поддеть меня именно с этой стороны. И устраивать себе полный алкогольный нокаут до утра в мои планы тоже не входит. — Арчер выставил вперёд указательный палец, целясь в собеседника. — И я очень хочу, чтобы к финалу этого

вечера меня не выворачивало наизнанку над каким-нибудь дизайнерским кустом с идеальной геометрией. И дурацкий твой титул мне тоже не принадлежит.

— О, разумеется, — подхватил Рик. — Не король стратегической дальновидности, не повелитель стабильных отношений, не виртуоз в искусстве… — он растянул паузу до хруста, — короче, по всем номинациям мимо кассы, Керриган. Кроме двух дисциплин: снимать цель с первого спуска и выглядеть так, что у окружающих отказывает периферийное зрение, а мозг спотыкается.

— Этого добра у меня на два железнодорожных состава. — Арчер отмахнулся. — Ствол гарантирует мне физическую неприкосновенность. Внешность… ну, все попутные вопросы разруливаются без моего вмешательства.

— А все зияющие пустоты прикрываю я. — Рик с нескрываемым самодовольством трижды постучал себя по грудной клетке. — Внештатный громоотвод, мобильная санитарная бригада и уникальный экспонат, способный выискивать в твоём балагане какую-то извращённую, кривую поэзию.

— Учись ценить полный пакет услуг, Кросс. Бессрочный, с расширенной страховкой и дополненной реальностью.

— Ага, вечная мигрень с приятными дополнениями. — Рик так сладко зевнул, что в ушах щёлкнуло. Он покосился на напарника: тот всё так же не отрывал взгляда от города внизу, где светящиеся магистрали растекались во все стороны, словно расплавленный металл. И вдруг, ни с того ни с сего, Рик заговорил совсем другим тоном: — Слушай, Арчер, а ты вообще счастлив? Хоть чуть-чуть?

Арчер даже не сразу ответил. Вопрос показался ему абсурдным, будто за Рика его произнёс кто-то посторонний: из них двоих как раз Рик меньше всего был склонен к таким разговорам. Арчер приготовил шутку, чтобы отгородиться ею, но под серьёзным, непривычно пристальным взглядом друга она так и не прозвучала.

— Счастлив? Я? — повторил он. — Давай по-честному: кому из нас это счастье вообще положено? Тебе, что ли?

— С моим прошлым? Вряд ли, — Рик усмехнулся и дёрнул плечом. — Зато я хотя бы пытаюсь, пусть и криво, понять, куда иду и совпадает ли это с моими желаниями. А ты знаешь, где ты сейчас?

Арчер молчал долго, глядя на край города.

— Знаю, не сомневайся. Только сначала предупреждаю: сейчас будет сплошная патока. Я хочу влюбиться. По-настоящему, понимаешь? Чтобы внутри всё сначала загремело, как в старом моторе, а потом наконец провернулось то, что столько лет стояло намертво. Хочу наделать глупостей, которых раньше себе не позволял, и радоваться как идиот, прыгая на месте. — Он закусил губу и мотнул головой. — Вот откуда они это берут? Ну правда.

— Кто «они»? — не понял Рик.

— Авторы книг. Но я не о макулатуре, а о хороших книгах, где порой попадается что-то стоящее.

— Подожди-ка, Керриган. Ты что, втихаря читаешь любовные романы, спрятавшись с фонариком под одеялом? — Рик расплылся в ухмылке, блеснув зубами. А жанр-то какой предпочитаешь?

— Ой, всё. — Арчер отмахнулся с досадой. — Я просто изучал, как это работает. Всё равно не спится.

— И какой диагноз?

— Вероятность почти нулевая. Если везение не изменит своим привычкам, я скорее всего помру в одиночку. — Арчер лениво пожал плечами.

Рик резко подвинулся ближе и стиснул его плечо так, что тот поморщился:

— Не помрёшь. Я вчера и на картах гадал, и по кофейной гуще смотрел, и со свечами разговаривал, причём на полном серьёзе.

— Вот это оптимизм. Ещё чуть-чуть, и ты кинешься меня обнимать.

— О, вот это уже разговор! — Рик оживился, и в его тёмных глазах заплясали чертенята. — Просить не придётся: объятия я принимаю в любое время суток, без выходных и перерывов. Давай сюда свои руки, мой товарищ цвета спелой вишни, подари старому другу минутку блаженства!

— Прекрати этот поток болтовни, — Арчер, давясь смехом, выставил локоть и отбил нападение. — Я не шучу: ещё слово, и будешь ночевать на этом бетонном бортике, один на один с ветром.

— Ну да, конечно. Ты меня не бросишь. Кто тебе завтра утром объяснит, в какой реальности ты опять проснулся?

— Сам разберусь.

— Серьёзно? Тогда вспомни, что было месяц назад. Ты, как слепой носорог на разгоне, ошибся этажом и влетел плечом в дверь Алека из восьмой квартиры, потому что был твёрдо уверен, что мы туда уже переехали.

— Это была внеплановая, но вполне законная проверка его системы безопасности, — с каменным лицом ответил Арчер. — Парень обязан круглосуточно благодарить меня и молиться за моё здоровье.

— Святая правда, — Рик изобразил театральный поклон и чуть не стукнулся лбом о колено. — Возражений нет, версию принимаю целиком.

— Ты моя хроническая мигрень, Рик. От тебя не помогает ни одна таблетка.

Рик повернулся к нему и широко, совсем беззащитно улыбнулся. На долю секунды с его лица исчезло всё, что нарастили годы, и проступил тот самый мальчишка, с которым они начинали ладить двадцать лет назад.

— Зато я ещё и твоя любовь, — подмигнул он.

— Одно другому не мешает, — Арчер ответил такой же кривой полуулыбкой. — Выходит, мы почти собрали полноценную ячейку общества. Хоть завтра в загс.

Рик снова захохотал, запрокинув голову к чёрному небу. Эхо покатилось по всей смотровой площадке, отскакивая от бетонных ограждений и становясь всё громче.

Оникс. Карбонн. Альентар. Август 2023 год.

Белый гравий похрустывал под колёсами, пока машина Керриганов катила по аллее к главной резиденции Оникса. Подъездная аллея шла такими ровными линиями, что глаза сами тянулись к главному зданию. Колонны и треугольный фронтон на фасаде выглядели как каменное заявление о намерениях. Витражи рассыпали по гравию цветные блики, а шпили горели на солнце так, что приходилось щуриться.

Арчер прислонился лбом к прохладному стеклу и мысленно составил список грядущих неприятностей. Три дня под одной крышей с людьми, у которых амбиции вшиты в подкладку. Вежливые улыбки с двойным дном, комплименты, от которых хочется проверить карманы, и тонкие намёки на то, что династии нужен наследник.

— Лицо попроще, — Рик толкнул его плечом. — Ты едешь смотреть на девушку, а не подписывать капитуляцию.

— Улыбаюсь я только перед неприятностями, — Арчер даже не повернул головы. — Так что считай, что я уже в хорошем настроении.

Уголки губ он всё-таки приподнял. Родители к тому времени выбрались из машины и увязли в приветствиях: навстречу им уже шла хозяйка дома, Сильвия Лоран.

Арчер следовал за ними по анфиладе, держа руки за спиной. Мрамор, золото и водопады хрусталя скользили мимо, не задевая его. Он вырос в таких же стенах и давно перестал их замечать.

У дверей гостиной его остановил чёткий, хорошо поставленный голос Сильвии:

— Ваше Высочество, позвольте представить: Гретта Мариз Лоран. Ваша будущая... невеста.

Он повернулся, уже держа наготове вежливую формулу, и осёкся. Перед ним никого не было. Только воздух, как ему почудилось, слегка подрагивал на том месте, где должна была стоять девушка.

— Простите? — выдавил он. Мелькнула мысль, что будущая жена прекрасно научилась не попадаться на глаза.

И тут двери зала, как выяснилось, выходившие в сад, распахнулись с треском, от которого вздрогнули люстры. В проёме мелькнула миниатюрная фигурка и влетела в зал, будто её выстрелили из рогатки.

Арчер моргнул. Попытался сложить увиденное в связную картину. Моргнул снова.

Все присутствующие замерли, глядя на девушку, которая совсем не походила на бледных, безупречно вышколенных дочерей знатных домов. Рыжие, как осенний клён, волосы утром, видимо, были уложены в затейливую конструкцию, а теперь торчали во все стороны. В них запутались сухие травинки и обломок ветки, вполне годный на роль птичьего жилища. Кремовое платье, явно дорогое и сшитое по мерке, от подола до талии было покрыто бурыми разводами грязи. Свежая ссадина алела на левой скуле, а в кулаке она бережно сжимала одинокий одуванчик.

— Простите, ради богов, я не нарочно! — затараторила она. — Лошадь решила, что маршрут выбирает она, а земля внезапно оказалась ближе, чем я рассчитывала. Я честно пыталась договориться. Земля победила, зато мне достался трофей.

Она потрясла одуванчиком и улыбнулась так открыто, что хрусталь на люстрах вдруг показался тусклым.

Сильвия Лоран на мгновение утратила невозмутимость. Гретта этого не заметила. Не заметила она ни общего оцепенения, ни ледяной ярости, вспыхнувшей в глазах матери. Она смотрела только на Арчера и на ходу заправила за ухо непослушную прядь, оставив на лбу широкий мазок земли.

Арчер застыл. Гостиная наполнилась неловкой тишиной. Его мать лишилась красок с такой скоростью, что жемчужная нитка мгновенно растворилась на побелевшей коже, а зажатый в пальцах веер издал короткий надсадный треск. Отец, чья карьера строилась на урегулировании дипломатических катастроф, ограничился тем, что медленно и тяжко сомкнул веки. Сама Сильвия Лоран обратилась в соляной монолит, её взгляд, нацеленный на дочь, заслужил бы гран-при любого конкурса выдержки — в нём смешались и отчаянная фантазия о прыжке в прошлое, и холодный просчёт вариантов: нельзя ли сию секунду заменить это природное бедствие на более презентабельную модель.

Арчер почти мышечным усилием задавил рвущийся наружу смех.

— Гретта Мариз Лоран, — процедила Сильвия с ледяной интонацией, — наша младшая. Вы уже могли заметить, что ей присуща некоторая… спонтанность.

— Ну что вы, изумительная спонтанность, — мягко сместил акцент Арчер.

Гретта перевела взгляд на него. Арчер про себя отметил изумрудный отлив её глаз — и сейчас в них плясало чистое любопытство, ничуть не похожее на трепет перед высоким гостем.

— Надо полагать, это и есть жених? — осведомилась она, без стеснения скользя взглядом от его макушки до самых ботинок. — Вполне привлекательный.

Арчер не посмел отступать. Он слегка наклонил голову, не прекращая улыбаться, и поклонился.

— Арчер Керриган. — Он взял её испачканную руку и спокойно коснулся губами костяшек. — Для меня честь познакомиться. И не вопреки вашему появлению, а именно из-за него.

— А я вот пока не вижу повода для чести, — отозвалась Гретта и принялась лупить себя по юбке ладонями. Выходило шумно, размашисто и совершенно бесполезно: грязь втиралась в ткань всё глубже, а комки земли разлетались по сторонам. Матери Арчера пришлось сделать шаг в сторону, спасая подол. — Но мне уже объяснили, что моё мнение в этом доме ничего не весит. Младшая дочь нужна, чтобы закрыть чей-нибудь счёт.

— Всё, что с нами происходит, лишь заготовка, — сказал Арчер и на секунду умолк. — Что из неё выйдет, решаем мы сами.

— Вот как? — Она вздёрнула подбородок, и в лице её недоверие боролось с интересом. — А мне с детства твердили, что выбирают только мужчины. И ещё старшие сёстры, которые вовремя родились и успели расхватать всё стоящее, пока я даже не научилась ходить.

— Признаюсь, я тоже не всегда удерживаюсь на лошади, — Арчер чуть подался к ней. — Только мои падения обходятся скромно: пара синяков и слегка помятое самолюбие. А вы, — он провёл взглядом по её платью, ссадине и зажатому в кулаке цветку, — устроили целое представление. Такое заслуживает овации. Я бы снял шляпу, если бы она у меня была.

— Ах, это, — Гретта небрежно повела плечом. — Тут нужен определённый опыт. Обычные люди просто падают носом в землю, и всё, скука смертная. А чтобы из провала сделать номер, нужна сноровка. Вот я её и оттачиваю.

— Судя по всему, довольно успешно. Я в восторге, и это не светская любезность.

— Благодарю. — Гретта присела в таком преувеличенно глубоком реверансе, что с подола на мрамор осыпалась очередная горсть травы и земли. — Приятно, что хоть у одного из моих талантов появился зритель. Остальные местная публика пока не потянет. Её сначала надо разогреть.

Родители с обеих сторон обменивались паническими взглядами. Лица у них шли пятнами, от свекольного до пепельного, и на каждом было написано одно и то же: ужас и неприкрытое желание провалиться сквозь пол. Сильвия Лоран беззвучно шевелила губами. Похоже, она уже репетировала официальные извинения и прикидывала, сколько будет стоить восстановление доброго имени.

А Арчер вдруг поймал себя на том, что ему хорошо. Просто и без причин. Он давно привык, что внутри сидит строгий контролёр, который проверяет каждый его жест и взвешивает каждую интонацию, но сейчас тот словно ушёл на перерыв. В груди разлилось тепло и, как ни странно, веселье.

— Может, я всё-таки провожу вас, чтобы вы смогли переодеться? — предложил он.

— Не надо.

— Тогда... — слова проскочили мимо всех его внутренних кордонов, и остановить их он уже не успел, — может быть, позже, когда вам будет удобно, мы бы могли пройтись по саду? Или не по саду… где захотите.

Он умолк, удивившись собственной наглости. Приглашение вырвалось раньше, чем вмешались привычная осторожность и скепсис, которые он годами наращивал, как броню. И Арчер с неприятной ясностью понял, что ждёт ответа с тем самым глупым трепетом, с каким мальчишкой тянул ладонь к чужой собаке: цапнет или лизнёт?

— Если вам, конечно, захочется, — торопливо добавил он.

Про себя он скривился: *«Отлично, Керриган. Просто блестяще. Ты уже заикаешься».*

Гретта помедлила. Зелёные глаза внимательно прошлись по его лицу, а потом она улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она. — Считайте, что вы меня убедили. Только с одной оговоркой. — Она выразительно глянула на мать. — Сперва у меня разговор по душам. Судя по лицу моей любимой мамы, шансов вернуться с него живой почти нет. Если через час меня здесь не будет, пишите в Орден: пала смертью храбрых в бою с родительским гневом. Награду вручить посмертно.

Ответа она ждать не стала. Резко развернулась и почти бегом выскочила из зала, будто боялась, что её перехватят и заставят приносить извинения каждому окаменевшему гостю по очереди. После неё остался запах, но совсем не тот, что обычно тянется за светскими барышнями, не пудра и не тяжёлые сладкие духи. От Гретты пахло лугом: прогретой на солнце травой, влажной землёй и горчинкой одуванчика.

Арчер глядел ей вслед и чувствовал, как внутри заворочалось что-то, слишком долго простоявшее без дела, как заржавевший механизм, который наконец-то стронули с места. Это было предвкушение. Как будто он стоял на пороге незнакомой комнаты, в которой почему-то уже чувствовал себя как дома.

— Это что сейчас такое было? — зашипел у него над ухом Рик. Друг возник из ниоткуда и теперь буравил его взглядом, в котором безграничное удивление мешалось с нарастающей тревогой. — Ты поцеловал ей руку? Ты сам позвал её гулять? Тебя что, заставили? Или подменили? Ты вообще в порядке?

Арчер обернулся к нему неторопливо, всё ещё улыбаясь какой-то своей мысли.

— Знаешь, — ответил он, — я и сам пока не понял. Придётся провести расследование.

Он снова посмотрел на дверь, за которой исчезла Гретта. Тишина, оставшаяся после неё, была необычной: растерянной, сбитой с толку, как будто у всей этой почтенной компании разом вытащили заготовленные речи.

***

Второй день брачных переговоров начался с завтрака. Предполагалось, что совместная трапеза укрепит симпатию между семьями и покажет: союз заключается в дружеской, почти домашней обстановке. На деле в маленькой столовой было напряжённо, как перед сорвавшимся секретным соглашением. Главы семейств расселись за столом, а свита жалась вдоль стен и старалась лишний раз не шевелиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.